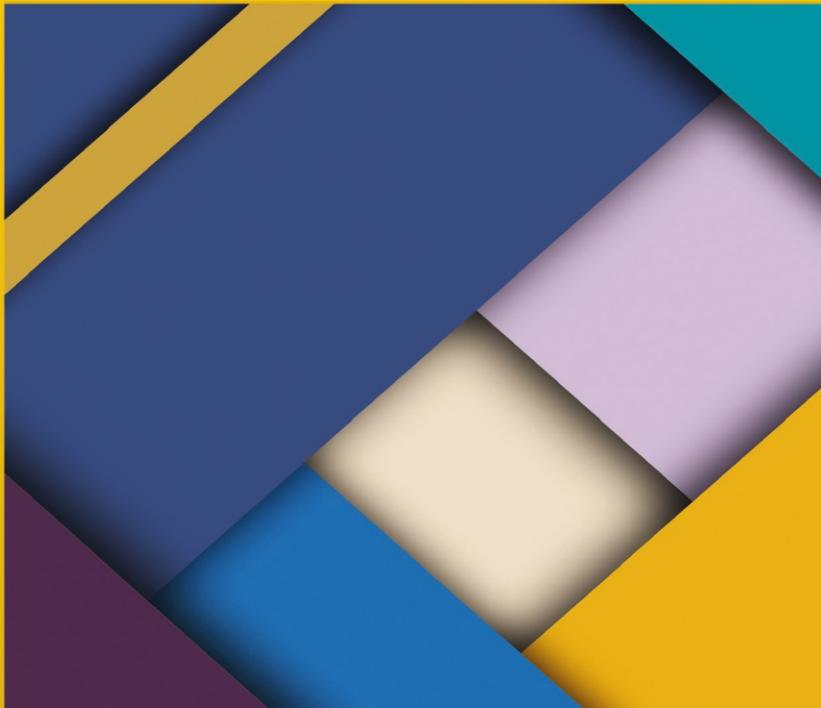

ISSN 2218-7405 (online)
ISSN 2077-1770 (print)

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

MODERN STUDIES OF SOCIAL ISSUES

Volume 17, Number 2
2025

Современные исследования социальных проблем

Том 17, № 2
2025

Modern Studies of Social Issues

Volume 17, Number 2
2025

Главный редактор

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, профессор,
декан Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва
Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Казань, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Кошчева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

Т.А. Магсумов доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический
университет», Набережные Челны, Российская Федерация

D. Dozenko Doctor of Philology, Lehrer,
Volkshochschule Marzahn-Hellersdorf, Berlin, Germany

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

**Современные исследования социальных проблем /
Modern Studies of Social Issues**

Специализированный академический рецензируемый журнал
Peer-reviewed specialized academic journal

Периодичность. 4 номера в год / Periodicity. 4 issues per year

Том 17, № 2, 2025 / Vol. 17, No 2, 2025

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство регистрации
ЭЛ № ФС 77-89427 от 20.05.2025 г.

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:

РИНЦ
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
EL № FS 77-89427,
issued May 20, 2025.

Modern Studies of Social Issues is **included**
in the List of leading peer-reviewed scientific
journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RSCI
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<http://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Грищенко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Дегтярев Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права, Сумский государственный университет (Сумы, Украина)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиГТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Вяйковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Ермаковна – доктор философии (PhD) по специальности «Востковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серв Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рощественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайқызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдуманоновна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavricheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Sergey I. Degtyarev – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Theory and History of State and Law, Sumy State University (Sumy, Ukraine)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head

of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkin – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science

and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-477EDN: WMDWWZ

УДК [81'27+159.923]:82-3

Научная статья |

Русская литература и литературы народов Российской Федерации

«ВЕЧНЫЕ» ТЕМЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ПОВЕСТИ Ю.М. КОРОТКОВА «АВАРИЯ»

В.С. Жуников, О.Н. Проваторова

Аннотация

Обоснование. Вопрос о «вечных» темах в литературоведческой науке является значимым. На протяжении существования человечества неисчерпаемым остается ряд тем, переходящих из одного временного периода в другой, из произведения в произведение. Именно поэтому интерес представляет то, как «вечные» темы развиваются в литературном процессе, в современном в том числе. Художественные тексты собственно перестроечного периода мало изучены в литературоведении, ввиду чего мы обратились к произведению данной эпохи.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы исследовать реализацию «вечных» тем в повести Ю.М. Короткова «Авария», выявив их специфику в перестроечном тексте.

Материалы и методы. В данной работе был применен метод анализа и синтеза теоретической информации для уяснения сущностной характеристики темы как литературоведческой категории для дальнейшего исследования «вечных» тем в повести «Авария» (их трансформации на примере перестроечного текста), произведенного при помощи метода текстуального анализа.

Результаты. Нами были выявлены «вечные» темы в повести «Авария» и проанализирована их трансформация, обусловленная спецификой

исторического периода. Тема взаимоотношений «отцов» и «детей», тема чувств и тема блудного сына находят свое отражение в литературном творчестве, а «перестроечная» эпоха накладывает отпечаток на их реализацию. Конфликт «отцов» и «детей» отражен в тексте как на семейном, так и на внесемейном уровне, огромную роль в их спорах играет вопрос о смене эпох, идеологий. Тема чувств, рассматриваемая нами целно как вечная, была реализована в деструктивном аспекте, выявлено искажение понятия об истинности чувств, что обусловлено перестроечным пафосом данной повести; именно в этом мы видим специфику реализации темы чувств (как вечной) в данном типе текста. Тема блудного сына, реализуемая в повести в образе блудной дочери, раскрывается за счет мотива преступления и наказания: показано то, как жизненный путь героини привел ее к трагичному исходу; евангельский сюжет о блудном сыне отличается от сюжета исследуемой повести, автором привносится перестроечный контекст реализации темы. Все вышесказанное позволяет сказать о том, что «вечные» темы остро поднимаются и в текстах современного литературного процесса, а настроения эпохи сказываются на их развитии.

Ключевые слова: «вечные» темы; литература эпохи перестройки; тема взаимоотношений «отцов» и «детей»; тема чувств; тема блудного сына

Для цитирования. Жупиков, В. С., & Проваторова, О. Н. (2025). «Вечные» темы и их трансформация в перестроечной повести Ю. М. Короткова «Авария». *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 10–37. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-477>

Original article |

Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation

«ETERNAL» THEMES AND THEIR TRANSFORMATION IN PERESTROIKA-ERA FICTION STORY AVARIYA BY Y.M. KOROTKOV

V.S. Zhupikov, O.N. Provatorova

Abstract

Background. A question of «eternal» themes in literary science is significant. Throughout the existence of mankind, number of certain themes

remains inexhaustible, passing from one time period to other one, from book to book. That is why it is interesting to see, how «eternal» themes develop in the literary process, including in modern one. Fiction texts of perestroika-period are little studied in the science, which is why we addressed to the book of this epoch. All the above makes the relevance of our research.

The **purpose** of this article is to investigate the realization of «eternal» themes in the fiction story *Avariya* by Y.M. Korotkov, identifying their specific in the text of perestroika-epoch.

Materials and methods. In this work the method of analysis and synthesis of theoretical information was applied to understand the essential characteristics of the theme as a literary category for further researching «eternal» themes in the fiction story *Avariya* (their transformation on the example of text of perestroika-epoch), produced by textual analysis.

Results. We identified «eternal» themes in the fiction story *Avariya* and analyzed their transformation, which was due to the specific of historical period, that allowed us to come to following results. The theme of relations of «fathers» and «children», the theme of feelings and the theme of the prodigal son are also reflected in the literary creativity, and the perestroika-epoch puts an imprint on their realization. The conflict of «fathers» and «children» is reflected in the text both at the family level and out-of-family level, the change of epoch and ideology plays a huge role in their disputes. The theme of feelings, considered by us as eternal, was realized in the destructive aspect, the distortion of the notion of true feelings was revealed, which is due to the perestroika-epoch pathos of this fiction story; it is in what we see the specificity of the realization of the theme of feelings (as eternal one) in the perestroika text. The theme of prodigal son, realized in the fiction story in the image of prodigal daughter, is revealed by the motif of crime and punishment: it shows how the life's path of the character led her to a tragic outcome; the evangelical's plot about the prodigal son differs from the spot of researching fiction story, the author introduces perestroika's context of the realization of the theme. All the above makes it possible to say that «eternal» themes are strongly raised in the texts of modern literary process, and the epoch's sentiments affects their development.

Keywords: «eternal» themes; literature of perestroika-epoch; theme of relations of «fathers» and «children»; theme of feelings; theme of prodigal son

For citation. Zhupikov, V. S., & Provatorova, O. N. (2025). «Eternal» themes and their transformation in perestroika-era fiction story *Avariya* by Y. M. Korotkov. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 10–37. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-477>

Введение

Тема является одной из базовых литературоведческих категорий интерпретации художественного произведения. Изображаемое представляет собой то, что заставило автора задуматься, содержит в себе ценность, которую читателю необходимо постичь, оно становится почвой для творческого его осмысления. Читатель, погружаясь в художественный мир произведения наряду с множеством бытующих в тексте смыслов, способен четко определить более важные («крупные») «смыслы» – темы. Во все времена неизменными и вместе с тем волнующими человечество являются темы, не утрачивающие своей актуальности. В литературоведческой науке они называются «вечными» темами и переходят из эпохи в эпоху, из произведения в произведение, тем самым оставаясь актуальным предметом исследования. «В условиях кризиса гуманистических принципов искусства «традиционная» проза стремиться противостоять деструктивным явлениям в литературном процессе: постмодернистским экспериментам, прозападной ориентации массовой культуры в целом» [1, с. 487]. «Вечные» темы продолжают отражаться в литературных текстах, тем самым сохраняя и подтверждать свою вневременность.

В современном литературном процессе «вечные» темы также находят отражение, подтверждая свою вневременность. Сложным периодом в русской истории, культуре и литературе является эпоха перестройки, которая «оказала существенное влияние не только на общественно-политическую жизнь, но и на развитие литературного процесса в целом» [11, с. 145].

Смена идеологий, цензура и ее отмена, и вместе с тем деформация нравственной среды человечества – характерные явления эпохи, которые модифицируют реализацию «вечных» тем. В частности, темы конфликта поколений, человеческих чувств и тему блудного сына – одни из актуальных тем в литературном творчестве.

Литературная ситуация 1985-1991 гг. характеризуется весьма сложными условиями развития художественного творчества. По большей части внимание было сосредоточено на той литературе, которая открылась читателю, стала читаема («возвращенная»). Однако параллельно развивалась литература, создаваемая авторами под влиянием той эпохи, в ее временных рамках. Такие художественные тексты сосредоточивали взгляд на реальной действительности. Важно было сказать о том, что происходит «здесь» и «сейчас». Именно о таком тексте мы будем вести речь в нашем исследовании. Особого внимания заслуживает роль массовой литературы, которая ориентирована на широкий круг читателей, она способна «выступать как инструмент регулирования общественных отношений, предотвращения эскалаций социальных конфликтов, установления социальной гармонии» [7, с. 155]. В текстах современной массовой литературы функционируют «вечные» темы, но каждая эпоха вкладывает в их трактовку свой смысл, тем самым делая текст актуальным для читателя и одновременно придавая ему вневременный характер и эстетическую ценность. Одна и та же тема будет звучать по-новому в зависимости от культурных особенностей времени, но, тем не менее, сохранять свой исконный глубинный смысл.

Определение нами жанра произведения как «перестроечная повесть» обусловлено временем, в которое был написан текст, в том числе историческими условиями и влиянием эпохи 1985-1991 гг., отраженными в его художественном мире.

Вневременность исследуемых тем наряду с недостаточной изученностью «перестроечной» литературы в научной перспективе составили актуальность нашего исследования. Нами была поставлена цель – рассмотреть то, как реализуются тема взаимоотношений «отцов» и «детей», тема чувств, тема блудного сына в «пере-

строечном» тексте – в повести Ю.М. Короткова «Авария», ставшей объектом данного исследования, т.е. изучить их трансформацию в произведении «перестроечного» литературного творчества.

Материалы и методы

В науке к трактовке определения понятия «тема» подходят с разных аспектов: наиболее распространенным является определение темы как того, «о чем говорится» в тексте и ее роли в качестве выразителя «значения» (Б.В. Томашевский [9], С.И. Кормилов [4]); ее могут отождествлять с идеей произведения (Л.И. Тимофеев [10], Г.Л. Абрамович [8]); тема составляет события, которые реально отражают действительность (В.И. Масловский [5]). Мы воспринимаем наиболее подходящее толкование сути «темы» Я. Зунделовича: по его мнению, она «сквозит в каждом моменте произведения» [3, стб. 928]. Любые повторяющиеся элементы, языковые единицы не являются основанием для того, чтобы говорить о наличии той или иной темы; может повторяться лишь сама тема.

Логика строения исследования текста была обусловлена принципом относительно главной героини повести: от истоков формирования человека, через авантюры, которые обостряются деградацией человека и общества – к трагичным обстоятельствам.

Результаты и обсуждение

Повесть Ю.М. Короткова «Авария» является показательным произведением эпохи перестройки, в котором поднимаются упомянутые нами темы. К числу ярко обозначенных тем в повести относится тема взаимоотношений «отцов» и «детей». В данном случае следует принимать во внимание следующие оппозиции: «ребенок – семья», «ребенок – старшие», «молодые – старшие», где семья – родные главной героини, старшие – персонажи старшего поколения в целом.

Главная героиня повести – Валерка, пятнадцатилетняя школьница. Она занимает важное место в своей молодежной компании, пользуется авторитетом среди сверстников. Автор рисует перед

читателем образ героини, олицетворяющей собой «бунтарскую» эпоху: «...девочка со стоящим торчком ядовито-желтыми волосами, черными тенями до висков, со стальной цепью на шее...» [2, с. 163]. Пользуясь музыкальной терминологией, стоит сказать, что подходящим будет описание Валерки как рок-девчонки. Рок – жанр, которому свойственно выражение протеста, и этой же характеристикой автор наделяет свою героиню.

Образ милицейского служащего – один из значимых героев в данной повести, он предстает в лице отца Валерки – Николаева. Образу дочери противопоставлен статус ее отца. Ему, как человеку, следящему за состоянием общественности, нарушением порядка, дано ко всему прочему регулировать поведение таких «аварий». И как отцу – следить за своей «Аварией».

Николаев – любящий отец, он неравнодушен к своей дочери. Отец интересуется жизнью Валерки, ее учебой, пытается находить с ней общий язык. Отчетливо мы это видим в эпизоде, когда Николаев спрашивает дочь о том, что она слушает, нравится ли ей такая-то музыка. Показателен ответ Валерки на вопросы отца: *«Мне нравится то, что не нравится вам <...> А что вас злит – так это я вообще, тащусь!»* [Там же, с. 172]. Эти слова служат неким лозунгом, отражающим противопоставленность «детей» «отцам», разность в их вкусах, взглядах, позициях.

Исходя уже из первой сцены взаимодействия героев, мы понимаем, что Валерке свойственно пререкается, проявлять дерзость в общении с родными людьми, язвить: *«– Ты что, куришь? – Нет, только пью и колюсь»* [Там же, с. 170] и т.д. Особый акцент героиня сосредоточивает на деде как участнике войны, издевается над ним: *«Слышь, дед <...> Знаешь, для ветеранов новые льготы ввели? <...> Вам теперь можно улицу переходить на красный свет и заплывать за буйки»* [Там же] и т.д. В поведении героини незрелость сочетается с веяниями в своей эпохе, которая сказывается и на человеке как таковом. Люди устают молчать, терпеть. Теперь хочется говорить правду, что, собственно, и сделала Валерка. В другом эпизоде с приемом пищи семьей героиня в очередной раз

язвит в сторону деда: «*А знаешь, дед <...> Я бы с тобой в разведку не пошла. Продай бы!*» [Там же, с. 175]. У героев разгорается перебранка, представляющая собой один из острых эпизодов повести и в целом страшную картину, особенно если учитывать тот факт, что она происходит между родными людьми. Валерка описывает прошлое, а именно довоенное время, когда расстреливали невинных людей, что, по сути, является маслом в огонь, ударом в сторону деда. Судя по его речам, Валерка задела деда за живое: «*– Не слушаю! – кричал дед <...> – Не слушаю!*» [Там же, с. 176]. Дед наносит внучке ответный удар, прикрывая свое прошлое тем, что такие люди одержали победу в войне. Досталось и отцу в том числе («*Страну грабили – ты не знал!*» [Там же]). Будучи еще ребенком, Валерка высказала «отцам» правду жизни, то, о чем раньше нельзя было говорить, и за это поплатилась: ее выгоняет мать со словами о том, чтобы та больше не возвращалась домой. Можно сказать, что в достаточно незрелом возрасте героиня, как мы можем наблюдать, проявляет себя как человека, осознающего истину жизни со всеми ее жестокими составляющими. На наш взгляд, слова Валерки в сторону взрослых членов семьи послужили неким «ударом» ввиду «усталости» вынашивать истину молча. Веяния перестройки оказывают влияние на и так нестабильный, трудный – переходный возраст героини: хочется высказываться, прекратить молчание.

Впоследствии «странствие» Валерки станет причиной другого конфликта – и тоже в кругу семьи. На героиню «нападает» мать, узнав о том, что ее дочь провела ночь с незнакомым мужчиной («*Дрянь! Дрянь! Дешевка! Шлюха подзаборная!*» [Там же, с. 194] и т.д.), хотя сама же и является источником «блужданий» своего чада. Перед читателем образ матери проникнут довольно тираническими чертами, но и этот образ может быть в той или иной степени оправдан. В целом у читателя может сформироваться схема поведения Валерки. И это именно тот момент, когда терпение матери дошло до предела. В матери прослеживается образ, так скажем, «уставшего» человека. Образ отца же стоит в противовес образу матери. Герой не набрасывается на дочь с ударами и криками, как это делает мать,

напротив, пытается спасти свою дочь: *«Ты что? Мать! Сдурила? – Николаев вскочил, схватил ее за руки, оттащил от дочери»* [Там же]. И, что довольно значимо, будучи милицейским служащим, Николаев не приходит к мысли о том, чтобы разобраться с *«женатым мужиком»* [Там же] (слова матери) в отделении, напротив, об этом открыто заявляет мать. Конфликт достигает предела, когда Валерка просит ее не делать этого. Однако, понимая необходимость идти на крайние меры, наносит себе ранение. Так, мы можем наблюдать, что переполох извне отражается в мире семьи Николаевых. Ребенок решает пойти на действительно страшный поступок, чтобы возникший конфликт не развить. Степень обострения данной ситуации находится на высоком уровне в сопровождении мотива самоубийства.

Говоря о таком персонаже, как Николаев, необходимо подчеркнуть, что он является ключевой фигурой в дальнейшем развитии сюжета. Герой экстренно необходим своей дочери, когда автором вводится в повесть взаимодействие Валерки с так называемыми «квадратными» парнями – насильниками. Отец приезжает на помощь к Валерке, когда она завуалировано просит его помочь. И здесь в очередной раз подчеркивается умение героя не выходить на конфликт. Показателен эпизод, когда Николаев успокаивает свою дочь: *«Ничего... Все нормально... Ничего»* [Там же, с. 205]. Валерка спасена – это главное. И далее, когда героиня оказывается изнасилованной компанией парней, не берется отчитывать дочь за ее блудное поведение. Черта некоего содружества с дочерью является неотъемлемой составляющей в образе-персонаже отца. Николаев не преследует цель прочитать дочери мораль, обзывать ее, накричать на нее, как это делает мать (*«Доигралась, дрянь! Нагулялась! Так тебе и надо, потаскуха!»*) [Там же, с. 213]), напротив, хочет ее утешить. Как мы видим, мать оценивает ситуацию внешне: героиня второй раз оказывается в плотских, сексуальных отношениях. Отец рационально смотрит на ситуацию: пытается ее оценить. Ему жалко героиню до такой степени, что сам практически готов пустить слезу, потому что любит ее крепкой отцовской любовью. Заметим

в скобках, что упреки Николаева в сторону Валерки по поводу ее внешнего вида (которые мы встречаем в начале повести) сходят на нет. Таким образом, здесь уже прослеживается конфликт не на уровне «отцов» и «детей», а конкретно между «старшими» – между мотивами отца и мотивами матери. Несмотря на то, что данный конфликт приобретает мнимый характер, он все же находит свое отражение в контексте противопоставленности образов представителей старшего поколения.

Говоря о противопоставленности образов матери и отца, необходимо сделать акцент на довольно значимом эпизоде после совершения надругательства над Валеркой бандой «квадратных» парней: в крике мать изъясляет о своей тяжелой участи («*Господи... – Мать, покачиваясь, пошла в другую комнату. – За что мне это... Господи, за что... Почему только мне...*» [Там же]), тогда как Николаев, напротив, хочет пойти на контакт с дочерью: «*Николаев стоял молча, глядя на рыдающую жену. Потом вошел к дочери, осторожно присел рядом*» [Там же]. Мать сконцентрирована на своей ноше, отцу же важно вступить с дочерью во взаимодействие для того, чтобы ее выслушать. Это, как мы видим, проявляется и в речах, и в разнонаправленных движениях, описанных автором.

Говоря о «семейном» образе Николаева, можно несколько расширить ряд его положительных черт: *способствует положительной атмосфере* – по приходе с работы герой с удовольствием рассказывает интересные случаи на службе; *интересуется жизнью семьи* – спрашивает, как дела у членов семьи, интересуется интересами Валерки (например, музыкальными вкусами), часто – учебной; *скрывает правду во благо* – когда Валерка звонит с просьбой о помощи, Николаев говорит матери о необходимости явиться по служебным делам, чтобы, с одной стороны, не спровоцировать мать на конфликт, с другой стороны, не выдать свою дочь (понятно, что в идеале следовало бы поведать матери о случившемся, но желание не заставлять мать переживать и сохранить «товарищеские» отношения, их тайну с дочерью не взяло верх); *защищает честь членов своей семьи* (в частности, дочери) – показателен эпизод, когда, узнав

об изнасиловании Валерии «квадратными» парнями, приезжает на их квартиру с целью мести (хоть и не обнаруживает их на месте).

Развитие сюжета повести иллюстрирует читателю проявление сильной отцовской любви Николаева. Отец хорошо понимает, в каком положении его дочь: ее переполняет жажда отмщения, и это заставляет Николаева беспокоиться. Даже в предшествующем их запланированному стовору разобраться с «квадратными» Николаев думает прежде всего о своей дочери. Герою становятся абсолютно безразличны совратители своей дочери: *«Теперь уже Николаеву наплевать было на этих подонков, пусть живут, как хотят, пусть дышат и топчут землю – только бы с ней ничего не случилось...»* [Там же, с. 224]. Идея героев разобраться со своими врагами показывает читателю способность героев сплотиться ради достижения цели.

В эпизоде преследования «квадратных» Николаевым желание отмщения за свою дочь возрастает и достигает апогея, он *«с яростным наслаждением»* [Там же, с. 227] сбивает машину насильников. Отец остался жив, а его с дочерью враги – мертвы. Итог – захват героя милицией, поскольку его поступок – это убийство. Развитие темы семейных отношений отца и дочери в повести сопрягается мотивом самопожертвования: Николаев спас свою «Аварию» от врагов-насильников, заплатив собой.

Образ Николаева является одним из ключевых в произведении. Он задает специфику в раскрытии темы взаимоотношений поколений. Исследуя место героя в произведении, следует рассматривать фигурирование мужчины в образе и среде «детей».

В повести «Авария» тема конфликта поколений поднимается автором не только в контексте внутрисемейных отношений, но и на внесемейном уровне. Здесь мы должны привлечь для анализа образ современной той эпохе молодежи, в образе которых, собственно, отражается перестройка. Образу перестроечной молодежи присущи мотивы свободы, протеста всему старому. Эпоха породила героя-бунтаря в образе подростка в кожаной куртке, с цепями на шее, кричащего под металл. Родителей они называют «черепами», что

уже говорит о непринятии их, так скажем, отживших, по их мнению, укладов жизни.

Конфликт, в котором самовыражается «перестроечная» молодежь, автор помещает в отделение полиции, где герои оказываются вследствие деструктивного поведения в музыкальном клубе. В порыве гнева подростки провозглашают свою невиновность, позиционируют себя знатоками закона, неприкосновенными: *«Пишите-пишите! <...> Мы тоже напишем. Незаконное задержание»; «А мы что, нарушали? <...> Мы никому не мешали! Не имеете права! Хотим – танцуем!»* [Там же, с. 167]. Группа подростков, в числе которых Валерка, обрисовывает ситуацию по-своему, полагая, что их арестовали за факт развлечения, а не за нарушение порядка. Важная черта в их образе – юношеский максимализм. Проявление этой черты автор изображает в контрастном взаимодействии не с родителями, а с представителями патруля. Ситуация, казалось бы, обострена довольно серьезно, но и такие условия не умаляют в персонажах пылкость, твердость, бунтовскую составляющую и вместе с тем несурзность натуры молодого поколения.

Часто случается так, что «дети» независимо от того, правы они или нет, терпят упреки в свою сторону от авторитетной личности – представителей «старших». Ранее нами упомянутый эпизод конфликта Валерки с дедом демонстрирует то, что он как «старший» ставит себя в позицию правого, не давая внучке понять, что она все же способна говорить истину. Один из эпизодов в школе иллюстрирует подобную ситуацию. Мы ведем речь о конфликте, возникшем между педагогом и школьниками. На уроке истории Валерка вне контекста темы занятия задает учительнице Вере Николаевне провокационный вопрос, одобряет ли она политику партии. Педагог дает понять, что одобряет: *«Это курс партии»; «А я себя не отделяю от партии»* [Там же, с. 173]. Ученики напоминают Вере Николаевне о прошлом, когда идеология была другая: *«Я помню, вы нас на «Малую землю» водили, в театр <...> В четвертом классе. И заставляли наизусть учить»* [Там же]. В очередной раз в повести представитель взрослого поколения (теперь уже педагог)

отрицает мнение «детей», но тем не менее сами «дети» эту правду осознают. Школьники, таким образом, заостряют проблему двуличия «старших», отсутствия собственного мнения, выводя полемику на идеологический уровень. Со сменой эпохи, соответственно, сменой политических взглядов «старшие» тут же примкнули от предшествующей идеологии к другой. Как и Валерка, твердящая деду истину, так и школьники в данном эпизоде тоже ведают правду, насущную проблему. Конфликт заключается в неразрешимости противоречия «отцов» и «детей». В лице «старших» «младшие» еще не могут рассуждать здраво, и это демонстрирует нам текст.

Правда, в каких-то случаях «дети» остаются детьми, но не без юношеского максимализма внутри. Это мы наблюдаем в эпизоде родительского собрания, где, кстати говоря, уже сразу, внешне задается оппозиция ««отцы» – «дети»»: «...*расселись стенка к стенку: родители слева, ученики справа, у окна*» [Там же, с. 190]. «Дети» предстают в образе молодых революционеров, оглашая идею «перестроить» школьную систему, и выражается эта идея через голос одного из представителей молодого поколения, одного из учеников – Кирилла: «*Мы предлагаем ввести в старших классах полноценное самоуправление учебным процессом*» [Там же]. Сторона «детей», таким образом, заинтересована в трансформации укладов жизни, ссылаясь на то, что управлять должны люди современной эпохи, однако эта попытка, довольно настойчивая, выглядит неразумно.

Наступление нового, непростого времени характеризуется, например, тем, что люди переживают кризис не только материальный, культурный, духовный, но и душевный. Людям трудно сдерживать насущные проблемы, скопившуюся боль. С этой целью они специфически самовыражаются, вещают истины или просто поддаются эмоциям. И это свойственно отнюдь не только Валерке. Как прозвучало в нашем исследовании ранее, настроения времени влияют на человека. Эту «усталость» мы видим и в эпизоде «странствий» Валерки, конкретно – в эпизоде езды героини в автобусе с взрослыми. Автором показана позиция «старших», не принимающих природу современной молодежи. Это создается через образ

главной героини. Здесь мы ведем речь об эпизоде, когда Валерка едет в автобусе и замечает, что ни билета на проезд, ни денег, чтобы оплатить штраф, у нее нет. Конфликт развивается в данном случае «старшими»: *«На штуртурку хватает, а на талон пять копеек жалко!»*; *«Да что с ними говорить! В отделение ее отведите!»*; *«В зоопарк! Самое место!»* [Там же, с. 177] и т. д. Против одного ребенка настроена «толпа» «старших». Интерес представляет то, что взрослые действуют вместе по принципу подхвата: один как бы продолжает речь другого. Эта цепочка речей образует тем самым единый, цельный проест в сторону «детей». По социальному статусу пассажиры выше, и этим пользуются, чтобы в удачно возникший для них момент «напасть». Но эти люди – «уставшие», как и мать Валерки.

Продолжая вести речь о молодежи, обратим внимание на рассуждения Николаева, находящие свое отражение в диалоге с Андреем – мужчиной, с которым провела ночь Валерка, будучи выгнанной из дома. Николаев размышляет над вопросом о том, почему современное молодое поколение отличается от прежних. Герою отмечаются, что они, взрослые, тогда еще дети, *«ведь тоже не подарком были»* [Там же, с. 197]. Николаеву не ясна та пропасть, которая находится между нынешними «детьми» и «отцами». *«Жили-жили, и вдруг все кувырком полетело, все через голову»* [Там же, с. 198], – отмечает герой. Это может быть объяснено, по нашему мнению, тем, что долго существовавшая эпоха Советского Союза в значительном темпе деструктурировалась, и это оказало влияние на людей. Николаев – человек советский, но взросление Валерки пришлось на этот тяжелый период в истории. Смена идеологии и прочих изменений нравов и уклада общества сказалась на современных перестройке детей, упоминаемых героем, и именно это могло стать причиной столь значительной разницы между детьми того времени и детьми современными.

Важным композиционным элементом в развитии сюжета является смена образа Николаева, его трансформация в образ современных «детей»: *«В стенном шкафу <...> Николаев разыскал свою*

старую кожаную куртку. Примерил перед зеркалом. <...> Приколол пару Валеркиных значков с чьими-то ублюдочными рожками [Там же, с. 218]. Так прослеживается дуалистичность в образе отца, который все же относится к позиции «старших». Ю.М. Коротков ставит перед персонажем точно такое же испытание взрослым негодованием, как и перед Валеркой: повторяется ситуация упрека, исходящего от старшего поколения и тоже в автобусе, только на этот раз – в сторону Николаева. Автор помещает героя в среду «перестроечной» молодежи, и тому удается наладить с ней контакт. По нашему мнению, автор через данного персонажа дает читателю возможность посмотреть на то молодое поколение, существующее само по себе, как замечает герой, *«отгородившись спинами от остального мира»* [Там же]. Непринятие облика нынешней Николаеву молодежи переходит в принятие. Вспомним, как герой отзывался о внешнем виде Валерки: *«Вырядилась как... как пугало!»* [Там же, с. 164]. Николаев видит, как молодежь сосредоточена на себе подобных, себе равных, живет в «своем» мире. Заметим, что, как только Николаев предстает «другим», автор приближает к нему молодых героев, в частности, с просьбой дать огня сигарете. Композиционный элемент преобразования Николаева раскрывает специфику взаимодействия поколений: «отец» становится временно подобным «детям» с целью посмотреть, что они собой представляют. Особый интерес представляет, по нашему мнению, сцена драки «квадратных» парней с молодежью, когда Николаев произносит фразу *«Эй, парни! <...> Вы что, озверели? Что они вам сделали?»* [Там же, с. 220]. Гораздо ранее в повести Николаев вместе с патрулем регулирует давку с «хиппарями» без знания причины и ее выяснения, т.е., как мы видим, ситуация повторяется, только теперь на нее герой смотрит уже с другого ракурса. Такой трансформационный переход является важным средством создания образа Николаева. Перепалка с бунтарями, в которую вступает герой, примыкая к подросткам, позволяет посмотреть Николаеву теперь глазами молодежи на ее угнетение.

Тема конфликта поколений остро поднимается в произведении на примере эпизодов из жизни семьи Николаевых и развивается

в синкретическом единстве с темой внутрисемейных отношений. Веяния эпохи отражаются на отношениях членов семьи. В центре семейного конфликта в повести находится дочь – Валерка. Героиня получает в свою сторону упреки касательно ее внешнего вида, образа жизни, что становится поводом для ответного «удара». Из уст ребенка выходят речи, отражающие правду жизни, тогда как «старшие» прикрываются временем, тем самым оказываясь на стороне победителей. Образ матери и образ отца, как мы видим, – противопоставленные образы. Матери свойственно обострять конфликт, «нападать» на свою дочь, делать акцент на своей тяжелой участи. В семейном отношении образ-персонаж Николаева проникнут положительными чертами: благодушием, крепкой отцовской любовью и готовностью сделать все, чтобы защитить родных людей.

Тема взаимоотношений поколений в повести поднимается и раскрывается Ю.М. Коротковым достаточно специфически. Герои выступают со своей правдой, и «дети», и «отцы» тверды в своих убеждениях. Однако нередко «дети» затрагивают важные, острые проблемы старшего поколения (как на семейном, так и на внесемейном уровне), хотя иногда все же выдают неразумные суждения, позиционируя себя как тех, кто знает, как следует развивать порядки. Особая роль в раскрытии темы взаимоотношений поколений отводится Николаеву, в образе которого автор рисует «отца», самостоятельно решившего проникнуть в природу «детей».

Повесть «Авария» иллюстрирует читателю «перестроечную» эпоху, характеризующуюся изменениями в нравственной среде человека. Тема чувств как «вечная» тема для литературы с каждой новой эпохой модифицируется, наполняясь новым содержанием. Эпоха перестройки явила раскрепощение цензуры. Ввиду этого в литературном творчестве начали находить свое отражение сексуальные сцены, которые можно охарактеризовать как переформатированные чувства. Мотивы страсти в ряде текстов о перестройке, вышедшие в 1985-1991 гг., концептуально меняют представление об истинности чувств. Здесь в каких-то случаях можно говорить даже не столько о понятии «чувство» как таковом, сколько просто об от-

ношениях между персонажами, скорее – деградирующему способу их взаимодействия. Мы придерживаемся обозначения темы чувств как вечной, переходящей из эпохи в эпоху, из текста в текст, но способной концептуально преобразоваться, модифицироваться в силу тенденций времени, в которое написан текст.

Неординарный тип взаимодействия наблюдается у персонажей совсем разных по возрасту, по статусу – Андрея и Валерки. Автор знакомит своих героев в автобусе, в котором ехала Валерка из дома. Здесь мы говорим именно о том эпизоде, в котором произошел конфликт героини с пассажирами. В этом же эпизоде возникает Андрей, оплачивающий за Валерку штраф и заступающийся за нее.

Андрей – тридцативосьмилетний мужчина, преподаватель филологического факультета высшего учебного заведения. Перед читателем он предстает в образе интеллигентного человека, ко всему прочему – женатого, однако не способного удержать свое влечение к главной героине. В дальнейшем половой акт с Валеркой станет предметом диалога между Андреем и Николаевым, когда ситуация станет известной семье героини. Педагог станет оправдывать свою мужскую страсть под предлогом того, что ему как мужчине было трудно не поддаться: *«Встречаю я девушку... У меня жена искусствовед, смотрит спектакли по всей стране. Полгода в командировках минимум. Я живой человек в конце концов... <...> Стоит такая лахудра, извините... Накрашена так, что лица не видно – откуда я знаю, сколько ей лет?..»* [Там же, с. 197].

Герой предлагает Валерке зайти к нему и получает согласие. Когда героиня напоминает о том, что пора возвращаться домой, Андрей не поддерживает ее инициативу, напротив, своим ответом выводит их отношения на новый уровень: *«Знаешь, давай попробуем на «ты»»* [Там же]. Далее – поцелуй и аккуратные попытки снять со своей встречной одежду.

Нам известно, что главная героиня – бунтарка в душе, она смелая и, если она решается на очередную авантюру, не останавливается и действует. Как и, собственно, в данном случае. Героиня идет на весьма неординарный поступок, хотя и не без душевных сомнений. По-

казателен тот эпизод, который рисует автор, когда у Валерки *«руки предательски дрожали»*, а затем она *«прикусила палец и сдавливала зубами, пока не выступила кровь»* [Там же, с. 180]. Значит, умение оценивать ситуацию в сугубо нестандартных условиях, осознавая, что на кону очень дорогое – невинность, у Валерки все же наблюдается. Однако сами рассуждения героини автором не описываются, а лишь подразумеваются. Читатель лишь видит внешнюю сторону переживаний Валерки: ее телесные движения. Таким образом, спор с самой собой – стоит или не стоит – раскрывается невербально. В конечном счете, желание «повзрослеть» взяло верх над сохранением невинности. Автор через описания телодвижений показывает читателю Валерку в момент принятия решения. Данным поступком героине удалось доказать свою независимость, смелость.

Отношения Валерки и Андрея демонстрируют человеческую неспособность препятствовать плотскому влечению, желанию сексуального контакта. Прикрывать Андрея тем, что не смог разглядеть в своей партнерше еще девчонку, нецелесообразно. Герой пошел на половую связь с пониманием того, что у него есть своя семья – жена и ребенок. Совершив прелюбодеяние, мужчина искореняет чистоту своего брака. Таким образом, нарушает нравственный закон и обрекает себя на грех. Сам факт полового влечения, независимо от возраста партнерши, говорит о деградации души, истинно романтических чувств. Деструктив, порожденный плотским контактом с еще недавно не знакомой девчонкой, усугубляется семейным положением героя.

Когда Валерка отказывается от предложенного ей алкогольного напитка еще до полового акта, Андрей цитирует героине разных авторов, в том числе И. Ильфа, вернее слова книги «Из записных книжек»: *«Все пьяные поют одним голосом, и, кажется, что одну и ту же песню»* [Там же, с. 179]. Впоследствии, по сути, эти слова перенесли на мотивы персонажей: опьяненные друг к другу страстью, они «спели» свою «песню», то есть вступили в половую связь. Мы наблюдаем аморальный характер взаимодействия героев, познакомившихся совсем недавно.

После физического контакта поведение Андрея приобретает шаткий характер, он становится растерянным, узнав о том, что Валерка – «в первый раз» [Там же, с. 181]. Сама героиня же проявляет колкость по отношению к своему партнеру: «Ты что думаешь – это ты меня снял? Ха!.. Это я тебя подцепила!» [Там же]. Более того – автор изображает азарт в героине. Когда Валерка узнает, что у Андрея есть сын, с воодушевлением предлагает пойти на половой контакт и с ним. «Представляешь – семейная любовница!» [Там же].

Валерка выходит из ситуации победителем для самой себя. Времяпровождение с Андреем привело ее к мысли о том, что черты, за которую запрещали выходить родители, вовсе нет. Таким образом, героиня доказала самой себе свою свободу.

На этом встречи героини с Андреем не заканчиваются. Она приходит к нему на лекцию, после ведет с ним диалог, в котором проявляется ребячливость в ее поведении. Бесстыдство продолжает составлять часть образа Валерки. Поведение героини еще не лишилось детскости, которая проявляется в неразумных ответах. Схема поведения героини достаточно неоднозначна. Безрассудство в словах типа «А что, до утра не успеем?» [Там же, с. 186] (намек на очередной половой контакт) переплетается с чувством «взрослости». Важно отметить следующее: если педагог вразумляется, и его больше не влечет Валерка, то она как бы продолжает свою игру. В третьей и последней встрече с героиней Андрей четко дает понять, что «привык общаться со взрослыми людьми. С нормальными людьми!» [Там же, с. 200]. Мы видим образ наглой девчонки, которой нравится дразнить своего сексуального партнера (связь с которым, между прочим, совсем недавно стала причиной жесткого столкновения Валерки с матерью и как его итога – пореза героиней вен): «Испуга-ался! Бедненький Андрейчик испугался» [Там же]. Она прощается с Андреем с пожеланием ему спокойной жизни. Перед нами пример того, насколько сильно интерес к «взрослости» вместе с азартом искоренил представление о чистоте в человеческих взаимоотношениях, в нашем случае – отношение девчонки к взрослому мужчине. Автор изображает героиню, которая коммуницирует

с персонажем на равных, позволяя себе язвить. На данный момент Валерка не подозревала, как сложится дальнейшая история ее походов, куда приведет ее устоявшийся азарт: к изнасилованию бандой «квадратных».

Данный текст иллюстрирует то, как человеческие чувства де-структурировались, утратили нравственность, перешли нравственные законы. Вместо чувства к мужчине, который оказал ей помощь в противостоянии «отцам», у Валерки возник интерес к мужчине, желание рано «повзрослеть», доказать себе свою независимость. Героиня убедила себя в том, что за «чертой» ничего нет. На самом же деле за пределами нравственности находится порочность, способная влечь к азарту, который, к сожалению, приводит к печальным последствиям. Деструктив мы наблюдаем и в образе Андрея. Педагог, находясь в браке, совершил прелюбодеяние. Так, на фоне сложной внешней обстановки наблюдаются искажения в человеческих отношениях, их безнравственность, что и показывает нам повесть.

Не менее значимой наряду с другими темами, поднимающимися в повести «Авария», является тема блудного сына. С течением времени реализация той или иной темы модифицируется. Хочется отметить мысль Э.А. Радь: «Без всеобъемлющего осмысления, без концептуального анализа текстов разных жанров, без целостного взгляда на развитие сцепленных мотивов «отцы-дети» и «блудный сын» невозможно увидеть и понять всю суть сюжетных модификаций. Наше обращение к библейскому сюжету-архетипу о блудном сыне <...> предполагает систематизацию типологической повторяемости структурных элементов в парадигме сюжетных модификаций модели-матрицы, выступающей смыслопорождающим и сюжетообразующим компонентом в структуре художественного произведения» [6, с. 4]. Специфика раскрытия темы блудного сына обусловлена эпохой, тем не менее оставляя в себе основное смысловое звено, звучащее в текстах, где эта тема находит свое отражение. В данном произведении упомянутая нами тема раскрывается иначе по сравнению с каноническим, евангельским сюжетом о блудном сыне, покинувшем родной дом, а затем вернувшегося с раскаянием.

В повести тема блудного сына реализуется в образе дочери – Валерки. Автор рисует девчонку, любящую проводить время вне дома, вне родительского очага. Нередко мы видим ее в действии во внешнем мире. Истории, в которые попадает Валерка, раскрываются как раз-таки в эпизодах «блужданий» Валерки.

Самовыражение героини корнями восходит к ее неприятию в семейном кругу. Конфликты, сопровождающиеся криками, тяжело безответно воспринимать ребенку, особенно подростку.

Один из самых острых эпизодов в повести и вместе с тем причиной «странствия» становится столкновение с дедом, в результате которого мать выгоняет ее из дома: *«Убирайся, тварь! Пошла вон! <...> И не возвращайся! Под забором будешь ночевать!»* [1, с. 176]. Неприятие позиции Валерки взрослыми в семейном конфликте стало поводом доказать самой себе свою независимость.

Автор показывает то, как похождения блудной дочери сказываются на ее родителях, что, собственно, расширяет рамки раскрытия исследуемой темы. Читатель видит мать, жалующуюся на свою участь: *«Я так больше не могу... <...> Меня на работе уважают... Марина Михайловна, не хотите? Марина Михайловна, пожалуйте. А прихожу домой – она смотрит как... на убогую...»* [Там же, с. 180]. Мать переживает за свою дочь, но подается это читателю в деструктивной форме. Ко всему прочему она не осознает, что отчасти сама способствовала блужданию Валерки. Долгое отсутствие Валерки дома сказывается и на переживаниях отца. Так, душевно тяжким для героя испытанием становится случай, когда Николаев узнает об инциденте группы подростков, среди которых была девочка. Автор описывает беспокойство отца, вызванное незнанием местонахождения своей дочери: *«Николаев почувствовал, что сердце проваливается в холодную пустоту. Он медленно прошел между людей, ему показалось, что все сочувственно замолкают при его приближении»* [Там же, с. 187]. Герою как любящему отцу представлялась Валерка, с которой случилась страшная история. Такой прием – прием интриги – позволяет передать переживания героя и его неподдельную привязанность к любимой дочери.

Валерка получает удовольствие от авантюры, в которых она принимает участие. «Отношения» с Андреем способствовали азарту, о котором мы говорили ранее, в результате чего становится жертвой насилия. По ходу развития сюжета неоднократно перед читателем возникают образы «квадратных» – четверых взрослых парней. До контакта с Валеркой они появляются в отдельных эпизодах и как бы наблюдают за происходящим. В один момент героиня, которая доказала себе свою смелость, соглашается на их предложение провести время в их компании, обрекая себя на жертву. Казалось бы, безысходность ситуации, в которую попадает Валерка, – попытка парней изнасиловать ее на съемной квартире – оборачивается спасением: автор использует интересный прием диалога с персонажем посредством подтекста: Валерка звонит якобы Машке, которую она приглашает провести время с парнями, хотя на самом деле на проезде – ее отец, который понимает, о чем просит дочь – о спасении. Таким образом, единственным спасением дочери из авантюры становится обращение именно к отцу.

Героиню не покидает смелость, когда с осознанием того, что враги намерены отомстить ей, выходит из дома. Она вновь становится заложницей четверых «квадратных» парней. Автор описывает жестокую сцену с боями и на этот раз безвыходную ситуацию. Мы понимаем, что Валерка стала жертвой сексуального насилия. Николаев вновь становится важной фигурой в развитии действия: дома в судорожном состоянии Валерка вновь находит утешение в своем отце, прижавшись к нему.

Тема блудного сына, важно отметить, развивается автором с привлечением героя-отца, пытающегося отомстить за свое чадо. В конечном счете, отец спасает свою дочь, но ценой нарушения закона: он совершает преступление-убийство в отношении банды насильников Валерки.

Героиня сама выбрала сомнительный путь самовыражения. Чтобы посмотреть, чем чреват этот выбор, героине стоило заплатить наказанием самого дорогого человека – отца, который в семье любил ее больше всех. Автор строит текст так, что лишь показывает

героине то, к чему в итоге привели ее блуждания: взрыв машины насильников, арест отца. Валерке было мало того, что с ней приключилось в связи с Андреем. В ее образе мы видим человека, не испытывающего чувство страха того, что в один момент легко попасть в ситуацию, выход из которой будет носить судьбоносный характер.

Хочется сказать о том, что, по нашему мнению, в данной повести тема блудного сына раскрывается за счет мотива преступления и наказания. Цепочка событий, в которую была вовлечена главная героиня, не привела ее к осознанию деструктивности своего образа жизни, за что «расплатилась» в развязке повести. Трудные семейные взаимоотношения стали весомым поводом для попытки самовыражения. Однако именно такой персонаж, как отец, играющий одну из ключевых ролей в произведении, в свою очередь, помогает своей дочери, избавляя ее от недругов, но отдавая на суд самого себя.

Заключение

«Вечные» темы представляют особую важность для литературы, они отражаются в разных произведениях разных эпох, однако могут модифицироваться в силу особенностей эпохи, в которой пишется текст. Эпоха перестройки не могла не оказать влияние на литературный процесс. В текстах, создаваемых непосредственно в 1985-1991 гг., отражается переломный период в судьбе не только страны, но и отдельных людях (персонажах) в целом. Такие произведения появлялись параллельно с запрещенной ранее литературой, которая и представляла особой интерес для читателя того времени. Конкретно в «перестроечных» текстах, как мы выявили, продолжается тенденция поднятия авторами «вечных» тем, которые еще долгое время не утратят своей актуальности.

На примере повести Ю.М. Короткова нами было выяснено, что темы взаимоотношений поколений, чувств, блудного сына не только особенно важны для литературы и понимания человеческого бытия, но и специфически раскрываются на фоне непростого периода. Как в семейном, так и в несемейном контекстах мы продолжаем наблюдать традицию в изображении противопоставлении позиций

«отцов» и «детей». «Старшие» выходят из конфликта победителями, однако, внутренне понимают, что «дети» способны говорить правду. Но и в самих «детях» наблюдается изъян в виде юношеского максимализма, сопрягающийся с веяниями эпохи, которые лишь усугубляют степень остроты в их самовыражении. Семейная тематика, поднимающаяся на фоне темы взаимоотношений поколений, раскрывается в повести посредством конфликтов, деструктивного поведения дочери, а также героя – любящего отца, утешающего, помогающего и в итоге жертвующего собой во имя родного человека. Параллельно исследованию конфликта «детей» и «старших» была выявлена антитеза в отношении «старших» к «детям» (на примере отношений матери и отца к дочери). В данном «перестроечном» произведении важное место занимают споры, основанные на смене идеологий и времени вообще. Также в контексте темы конфликта поколений в повести мы выявили образ «уставшего» человека – такого, который под влиянием деструктуризации внешнего мира духовно и душевно «устал», при появившейся возможности изъясняет жалобы и (или) девиантное поведение; на такого героя «обрушилась» эпоха, не только раскрепостившаяся, но и раскрепощающая.

Тема чувств также служит «вечной» для художественного творчества, интерес представляет ее трактовка в деструктивном аспекте. Нами было показано, как на примере истории Андрея и Валерки, мужчины и девочки, складываются отношения аморального характера. При всем при этом персонаж-мужчина оказывается в неловком положении (осознание насилия пятнадцатилетней девчонки), а сама героиня, будучи подростком, сочетая в себе детскость и «взрослость», воплощает важную черту в ее образе – безнравственность. Мы воспринимали тему чувств как цельную, вечную и рассматривали ее в аспекте деструктива, обусловленного эпохой, в чем, собственно, и заключена специфика отражения данной темы. Таким образом, повесть позволяет посмотреть, как тема чувств в качестве вечной способна модифицироваться. «Перестроечный» пафос обостряет ситуацию, вплетает в повествование сексуальный контекст, оказывая тем самым влияние на реализацию данной темы как вечной.

Тема блудного сына раскрывается за счет авантюристского образа жизни главной героини. На примере главной героини – жаждущей свободы и самовыражения (что так же стало следствием тенденций перестройки) – автором показана необходимость в осознании своих действий и дальнейшем предупреждению своих поступков.

На основании вышесказанного нужно отметить, что поставленная нами цель достигнута. Была выявлена трансформация «вечных» тем, что позволило прийти к следующему выводу: в повести Ю.М. Короткова «Авария» «вечные» темы ясно отражены и находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Перестройка приносит специфический контекст реализации тем, которые долгое время волнуют человека. Такие «вечные» темы проходят сквозь эпохи, способны видоизменяться сквозь призму веяний исторического периода, в который был написан текст.

Список литературы

1. Бедрикова, М. Л. (2003). О «вечных темах» в русской прозе конца XX века. *Проблемы истории, филологии, культуры*, (13), 487–491. EDN: <https://elibrary.ru/IAAYUD>
2. Коротков, Ю. (1991). *Авария: Повести*. Петрозаводск: Карелия. 336 с.
3. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. (Т. 2) (Под ред. Н. Бродского [и др.]). (1925). Москва; Ленинград: Изд-во Л. Д. Френкель. 1198 Стб. Получено с <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm> (дата обращения: 14.11.2025)
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий (Под ред. А. Н. Николюкина). (2001). Институт научн. информации по общественным наукам РАН. Москва: НПК «Интелвак». 1600 стб.
5. Литературный энциклопедический словарь (Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева). (1987). Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. Москва: Сов. энциклопедия. 751 с.
6. Радь, Э. А. (2014). История «блудного сына» в русской литературе: модификации архетипического сюжета в движении эпох (Автореферат дис. ... д-ра фил. наук). Саратов. 45 с. EDN: <https://elibrary.ru/WQСJKP>

7. Раненко, М. Б. (2022). Массовая литература как социальный феномен. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки, (6(861))*, 151–156. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_6_861_151 EDN: <https://elibrary.ru/SUAOYU>
8. Словарь литературоведческих терминов (Ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев). (1974). Москва: Просвещение. 509 с.
9. Томашевский, Б. (1925). *Теория литературы*. Ленинград: Гос. изд-во «Ленинград». 238 с.
10. Тимофеев, Л. И. (1971). *Основы теории литературы*. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов (4-е изд., испр.). Москва: Просвещение. 461 с.
11. Халимова, Н. Д. (2022). Особенности литературного процесса эпохи перестройки. *Talqin va tadqiqotlar ilmiy-uslubiy jurnali, (5)*, 139–145.

References

1. Bedrikova, M. L. (2003). On “eternal themes” in Russian prose of the late 20th century. *Problems of History, Philology, Culture, (13)*, 487–491. EDN: <https://elibrary.ru/IAAYYD>
2. Korotkov, Yu. (1991). *Accident: Stories*. Petrozavodsk: Karelia. 336 p.
3. Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: In 2 vols. (Vol. 2) (Edited by N. Brodsky et al.). (1925). Moscow; Leningrad: L. D. Frankel Publishing House. 1198 columns. Retrieved from <https://feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm> (Accessed: November 14, 2025)
4. Literary Encyclopedia of Terms and Concepts (Edited by A. N. Nikol'yukin). (2001). Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow: NPK «Intelvak». 1600 columns.
5. Literary and Encyclopedic Dictionary (Edited by V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev). (1987). Editorial Board: L. G. Andreev, N. I. Balashov, A. G. Bocharov et al. Moscow: Soviet Encyclopedia. 751 p.
6. Rad', E. A. (2014). The history of the “prodigal son” in Russian literature: modifications of the archetypal plot in the movement of epochs (Abstract of doctoral thesis). Saratov. 45 p. EDN: <https://elibrary.ru/WQCJKP>

7. Ranenko, M. B. (2022). Mass literature as a social phenomenon. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, (6(861)), 151–156. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_6_861_151 EDN: <https://elibrary.ru/SUAOYU>
8. Dictionary of Literary Terms (Edited by L. I. Timofeev, S. V. Turaev). (1974). Moscow: Prosveshchenie. 509 p.
9. Tomashevsky, B. (1925). *Theory of Literature*. Leningrad: State Publishing House “Leningrad”. 238 p.
10. Timofeev, L. I. (1971). *Fundamentals of Literary Theory*. Textbook for students of pedagogical institutes (4th ed., revised). Moscow: Prosveshchenie. 461 p.
11. Khamidova, N. D. (2022). Features of the literary process of the perestroika era. *Talqin va tadqiqotlar ilmiy-uslubiy jurnali*, (5), 139–145.

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Жупиков Вадим Сергеевич, студент

*Оренбургский государственный университет
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
vzp01@mail.ru*

Проваторова Ольга Николаевна, кандидат филологических наук,
доцент, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка

*Оренбургский государственный университет
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
olgaprovatorova@yandex.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Vadim S. Zhupikov, student

*Orenburg State University
13, Pobedy prospekt, Orenburg, 460018, Russian Federation
vzp01@mail.ru*

Olga N. Provatorova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Russian Philology and Methods of Teaching Russian Language

Orenburg State University

13, Pobedy prospekt, Orenburg, 460018, Russian Federation

olgaprovatorova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-2251-7109>

Поступила 24.02.2025

После рецензирования 11.04.2025

Принята 25.04.2025

Received 24.02.2025

Revised 11.04.2025

Accepted 25.04.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-483

EDN: YFQZDI

УДК 811.111

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ В ВИДЕОРЕАКЦИЯХ

О.А. Прохорова, В.В. Каратанова

Аннотация

Обоснование. Изучение категории оценки в рамках занимающей ведущую роль в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы, лакунарность обозначенной сферы, а также растущий интерес к интернет-коммуникации, в том числе к способам выражения в ней оценочной составляющей при помощи различных лингвокоммуникативных средств, обуславливают актуальность данного исследования.

Цель – выявить вербальные и невербальные средства экспликации экспертной оценки в музыкальных видеореакциях.

Материалы и методы. В ходе исследования применялись методы дискурсивного, прагмалингвистического, сопоставительного анализа, а также метод количественных подсчётов.

Результаты. В статье описаны лингвокоммуникативные средства, репрезентирующие положительное и отрицательное оценивание в музыкальных видеореакциях. В рамках исследования были выделены характеристики эксперта, к которым относятся самопрезентация как эксперта, сфера деятельности, связанная с музыкой, опыт и отзывы о деятельности эксперта. Для выражения экспертной оценки закономерно использование оценочных прилагательных и существительных, а также усилительных наречий, позволяющих охарактеризовать объект оценки относительно мнения оценивающего. Эксперты при выражении оценки в видеореакциях используют преимущественно общепотребительную оценочную лексику, дополненную музыкальной терминологией. При выражении экспертной оценки использование

отрицательных и вопросительных предложений главным образом связано с выделением отрицательных качеств оцениваемого материала, и их последующим рассмотрением со стороны эксперта. Для выражения одобрения или неодобрения эксперты используют также риторические вопросы и восклицания. Невербальные средства (мимика, жесты, просодия) интенсифицируют оценочное высказывание.

Ключевые слова: категория оценки; способы выражения оценки; вербальные и невербальные средства; коммуниканты; видеореакция

Для цитирования. Прохорова, О. А., & Каратанова, В. В. (2025). Способы репрезентации экспертной оценки в видеореакциях. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 38–57. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-483>

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

WAYS OF REPRESENTING EXPERT EVALUATION IN VIDEO REACTIONS

O.A. Prokhorova, V.V. Karatanova

Abstract

Background. The study of the category of evaluation within the anthropocentric paradigm, which plays a leading role in modern linguistics, the lacunarity of the designated area, as well as the growing interest in Internet communication and the ways of expressing the evaluative component in it, using various linguistic and communicative means, determine the relevance of this study.

The **purpose** of the research is to identify verbal and non-verbal means of expressing expert evaluation in music video reactions.

Materials and methods. The study used methods of discourse, pragma-linguistic, comparative analysis, as well as the quantitative method.

Results. The article describes linguo-communicative means that represent positive and negative evaluation in music video reactions. The study identifies expert characteristics that include self-presentation as an expert, field of ac-

tivity related to music, experience, and reviews about the expert's work. For expressing expert evaluation, it is common to use evaluative adjectives and nouns, as well as intensifying adverbs, which allow to characterize the object of evaluation in relation to the speaker's opinion. When expressing evaluation in video reactions, experts mostly use evaluative vocabulary, supplemented by musical terminology. The use of negative and interrogative sentences in expressing expert evaluation is mainly associated with highlighting negative qualities of the evaluated material and the further consideration of these qualities by the expert. To express approval or disapproval, experts use rhetorical questions and exclamations. Non-verbal means (facial expressions, gestures, prosody) intensify the evaluative utterance.

Keywords: category of evaluation; ways of expressing evaluation; verbal and non-verbal means; communicants; video reaction

For citation. Prokhorova, O. A., & Karatanova, V. V. (2025). Ways of representing expert evaluation in video reactions. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 38–57. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-483>

Введение

В современном мире интернет-коммуникация играет все более значимую роль, формируя новые форматы и жанры взаимодействия. Видеореакция как один из динамично развивающихся жанров является популярным способом коммуникации, который позволяет оказывать воздействие на адресата и выражать собственное отношение к объектам действительности, играя важную роль в рамках дискурса как процесса речевого взаимодействия. Данные особенности видеореакции представляют интерес для изучения в рамках различных лингвистических направлений, в том числе и в аксиологии.

Актуальность исследования определяется в первую очередь возросшим интересом к проблеме взаимодействия вербальных и невербальных средств в процессе коммуникации, особенностей выражения оценки невербальными средствами в соотношении с их вербальными описаниями. Научная новизна работы заключается

в комплексном изучении и описании особенностей вербализации оценки в новом интернет-жанре видеореакции.

Стоит отметить, что оценка выступает в качестве языкового понятия, имеющего множество классификаций и различные подходы к анализу данного явления, различные трактовки в научной литературе (Н.Д. Арутюнова, Т.И. Вендина, Л.И. Власова, Е.М. Вольф, Г.Ф. Гибагова, А.А. Ивин, В.И. Карасик, В.В. Квашина, В.А. Марьянчик, А.Н. Морозова, Т. Oteíza, С.Г. Павлов, и др.).

Так, Е.М. Вольф рассматривает оценку как ценностный аспект значения языковых выражений, который может проявляться следующим образом: субъект оценки считает, что объект оценки хороший/плохой [3, с. 5]. Н.Д. Арутюнова интерпретирует оценку как логическую категорию, оценка – это соотношение действительного мира с его идеализированной моделью; осуществляется принцип, согласно которому есть нормативное оценочное значение «хорошо», к которому стремится мир. Несоответствие критериям этой идеальной модели приводит к тому, что рассматриваемое явление получает оценку «плохо» [2, с. 59]. Оценку, вслед за А.Н. Морозовой и Л.И. Власовой, мы определяем как выражение отношения субъекта речи к объекту действия, наделение объекта положительными или отрицательными свойствами [7, с. 44].

Согласно традиционной точке зрения, оценка состоит из трёх основных элементов: субъекта, объекта оценки и основания (критерия) оценки. Субъект оценки – это эксплицитный или имплицитный компонент оценки, представляющий социум или отдельного человека, со стороны которого выражается оценка. Объект оценки – компонент оценочного значения, представляющий оцениваемый фрагмент окружающей среды. Объект оценки может обозначать не только конкретный предмет, но и целую ситуацию, факт или действие [4, с. 48]. Объект и оценочное значение оценки всегда эксплицитны, в то время как основание (критерий) оценки может быть имплицитным и выводиться из общего контекста [1, с. 8].

Анализируя языковые явления, исследователи в зависимости от их сферы научных интересов обращаются к различным категориям оцен-

ки, основанным на разных критериях. По критерию аксиологической интерпретации выделяют два типа оценки: положительная (мейоративная) и отрицательная (пейоративная, дерогативная). Они основаны на аксиологических значениях «хорошо/плохо» [3, с. 5]. Положительная оценка способна как выразить отношение субъекта к объекту в значении «хорошо» с помощью различных языковых средств, так и выступать средством речевого воздействия и являться элементом коммуникативного поведения в ситуации «одобрения и согласия». Выражение отрицательной оценки можно также рассматривать как форму социального взаимодействия, которая определяется определёнными нормами и ценностями оценивающего, его менталитетом [5, с. 7].

Научная гипотеза настоящего исследования заключается в том, что дискурсивная категория оценки в интернет-жанре видеореакции комплексно репрезентирована с помощью вербальных и невербальных средств, при этом невербальные компоненты играют значительную роль в выражении эмоционально-оценочного отношения, часто усиливая или модифицируя вербальную оценку. Результаты и материалы исследования могут быть использованы в рамках курсов по дискурс-анализу, прагмалингвистике, стилистике, лингвоаксиологии.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили экспертные музыкальные видеореакции, опубликованные на видео-хостинге «YouTube». Всего было проанализировано 17 видеороликов общей продолжительностью 322 минуты, содержащих 432 языковых средства выражения положительной и отрицательной экспертной оценки в музыкальных видеореакциях.

Реализация задач исследования осуществлялась при помощи следующих методов: дискурсивный анализ, прагмалингвистический анализ, сопоставительный анализ, метод количественных подсчётов.

Результаты и обсуждение

Интернет-коммуникация представлена различными формами, среди которых особенно выделяется формат видеоблога, который можно

характеризовать как монолог, публичную, подготовленную или спонтанную речь, записанную на камеру самим автором [8, с. 343]. Реакцию можно трактовать как жанр видео, в котором один или несколько авторов «реагируют» на какой-либо предмет, явление или событие, высказывая на протяжении всего видео свое мнение [6, с. 68].

Роль автора видеореакций многогранна: он может как оценивать, так и интерпретировать объект оценки, может выступать критиком, а также давать комментарии, в зависимости от того, является ли он любителем без опыта в выбранной области, или же профессионалом. Выражая свои эмоции и отношение к объекту оценки, автор видеореакции воздействует на зрителя, транслирует свою позицию, а в случае экспертной оценки, может передавать познания в определённой области [14, с. 4].

По статусу субъекта оценки выделяется экспертная и неэкспертная оценка. Экспертная или профессиональная оценка – это суждение специалиста о входящем в зону его компетентности определённом объекте, основанное на качественном анализе и выявлении ценности данного объекта. Выражая своё отношение к какому-либо явлению или предмету, оценивающий использует язык определённых социальных групп и с помощью него позиционирует себя как представителя определённой социальной или профессиональной среды. Характерными чертами экспертной оценки являются высокая значимость личного вклада эксперта в формирование вывода, обладание знаниями в исследуемой области, привлечение анализа рассматриваемого объекта и опора на рациональные факторы в процессе оценки [9, с. 57].

Статус адресанта-эксперта видеореакций обуславливают следующие характеристики:

1. Самопрезентация как эксперта. Авторы музыкальных видеореакций указывают статус профессионального музыканта при описании своей деятельности в социальных сетях или упоминают данный факт в начале своих видеороликов: *I'm a **guitarist, composer, and teacher** based in Nashville, TN. I teach private lessons to students around the world over Zoom, and create weekly videos sharing my*

ideas and approaches to music theory, practice, and technique. (Alex Rockwell – YouTube. 2024).

2. Сфера деятельности, связанная с музыкой. Авторы экспертных видеореакций чаще всего указывают под своими видеороликами информацию о музыкальных композициях собственного сочинения или предоставляемых ими услугах в музыкальной сфере, предлагая зрителям также ознакомиться с продуктами их деятельности в области музыки: *The Foundations of Singing – Online Singing Course...It includes: How we sing, The Benefits of Singing, Warm Up exercises, Registers, Range, Personal Development and so much more. Explained in a fun, honest and uncomplicated way.* (Vocal Coach Reacts to Jesy Nelson 'Boyz' Capital's Jingle Bell Ball. 2021).

3. Наличие опыта. Также одной из характеристик, указывающих на экспертность авторов видеореакций, является упоминание опыта в области музыки при описании их деятельности: *About Me: I am a 25-year-old musician from Long Island, New York. Coming up on 6 years as a professional in the industry, I have released over 60 songs I am constantly releasing more.* ('Let It Happen' by Tame Impala – Musician Reacts. 2020).

4. Отзывы о деятельности эксперта. Для подтверждения экспертности авторов выбранных видеореакций во внимание также принимались отзывы о профессиональной деятельности данных экспертов из сети Интернет. Отзывы были оставлены другими пользователями на веб-сайтах или в комментариях к видеороликам авторов: *I listened to each of your songs & all I can say is... 'I am so impressed'! I absolutely love your lyricism, your vocals, the variety of the beautiful tones in your voice, your musicality & melodies chosen for each song & last, but not least, your singing voice is beautiful!* (Luscent & Jade Eliza – The Girl Who Burned Her House to the Ground – Lyric Video (2022). 2023).

Оценочный фрагмент экспертной видеореакции отличается широкой палитрой разноуровневых языковых средств выражения.

Наиболее значительная группа языковых средств с ярко выраженной оценкой представлена прилагательными с изначально при-

сушей им оценочной семантикой: положительной (*nice, beautiful, impressive, cool, perfect, great, catchy, lovely, gorgeous, brilliant*) или отрицательной (*weird, anxious, stressful, intense, upsetting, bad, vanilla, amateur, boring, atrocious, awful*), например: 1) **Gorgeous, gorgeous, gorgeous, I loved it! I love the song, I think it's a wonderful song, it's so sweet, it's so 60s, it just has this fabulous vintage vibe.** (*Vocal Coach Reacts to Ariana Grande 'Tattooed Heart' Live from London. 2023*); 2) **Okay, this is really bad, her voice is so annoying. Sorry, but Iceland 2006, what were you thinking? Nope, just no.** (*Music Producer Reacts to WORST Eurovision Songs Each Year. 2022*).

Нейтрально-коннотированные прилагательные в определённом контексте также могут выражать оценку. В рассматриваемом примере прилагательное *amateur* имеет значение «не обладающий профессиональными навыками». Используя данную лексическую единицу в отрицательном значении, эксперт указывает на недостаточный уровень профессионализма автора музыкального произведения, отмечает низкое качество оцениваемого материала. Усиление неодобрения в данном высказывании осуществляется с помощью наречия *extremely*: *There are hardly any moments, where he tonicizes something other than the I chord. For music of this time period, that's like an extremely amateur thing.* (*Reacting to one of the worst pieces of classical music ever. 2021*).

Следующим по частоте употребления лексическим средством выражения оценочного суждения являются эмоционально-коннотированные существительные: 1) *Let's break down what she did on that "i-e-e-e" because you really need to understand the greatness that you just heard there.* (*Vocal Coach Reacts: Adele On Tiny Desk – Full Performance! 2023*); 2) *It's a really obvious lip-sync as well the volume levels are not right, that's a shame.* (*Vocal Coach Reacts to Jesy Nelson 'Boyz' Capital's Jingle Bell Ball 2021. 18.12.2021*).

Ещё одной особенностью экспликации экспертной оценки на лексическом уровне является употребление глаголов, в которых уже заложено оценочное значение (*to like, to love, to enjoy*). Оценочный компонент глаголу также добавляют усилительные наречия

really, very, so, extremely, absolutely: 1) It's so good: the belting, the transitions, everything. And I love the way she went to head voice for the "heart", gorgeous! (Vocal Coach Reacts to Ariana Grande 'Tattooed Heart' Live from London. 31.08.2023); 2) I'm really enjoying the drum production and the bass as well! (TROYE SIVAN'S NEW ALBUM! | Something To Give Each Other Reaction. 2023).

Стоит отметить, что эксперты часто употребляют музыкальные термины, что позволяет им быстро давать точные оценки характеристик рассматриваемого объекта с опорой на свои профессиональные знания. Использование данных терминов позволяет автору видеореакции указать на сложность и разнообразие музыкальной композиции, которые привлекают слушателя, или наоборот являются маркерами отрицательной оценки материала с профессиональной точки зрения: 1) *You could just listen to the **bass line** and be completely entertained there, because it's so **funky** and so sexy, the way it's being played, and all those intricacies of the **treble layers** we talked about before, all the voices within those **upper harmonies** – that's all present in there, but you gotta pick where you're gonna listen, because each layer is real, real **nice**. (MUSIC DIRECTOR REACTS | Kendrick Lamar – Wesley's Theory. 2023); 2) *Okay, it's clearly **out of tune**, her **vocal folds** are **not connecting properly**. It's sounds like she's been upset and **can't** really **get at tone** coming through. (Vocal Coach Reacts to Selena Gomez 'Lose you to love me/Look at her now' #whatwentwrong AMA's. 2020).**

Синтаксические структуры также способны отражать широкий спектр оттенков эмоций и чувств. Среди синтаксических средств реализации оценочных намерений эксперта видеореакций можно выделить следующие.

1. Восклицательные предложения создают эффект эмоциональной реакции эксперта и являются ярким средством экспликации оценки: *This woman is such a master at changing her registers!* (Vocal Coach Reacts: Adele On Tiny Desk – Full Performance! 2023).

2. Отрицательные предложения являются маркером вербализации пейоративной оценки музыкального исполнения: *The volume*

levels of the backing vocals are not right, you can obviously see when she's lip-syncing and when she's not, which is not ideal. (Vocal Coach Reacts to Jesy Nelson 'Boyz' Capital's Jingle Bell Ball. 2021).

3. Риторические вопросы являются косвенными приемами выражения экспертной оценки, и направлены не на получение ответа, что невозможно в видеореакциях, а на передачу оценочно-окрашенного высказывания. Эксперты выражают недоумение во время прослушивания музыкального материала, но также демонстрируют стремление дать ему рациональную оценку и понять, почему он обладает теми или иными характеристиками: *I don't like it. That's too much auto-tune... Why would they go so hard on the auto-tune?* (SONGWRITER Reacts to BTS (방탄소년단) – 'Dynamite' Official MV. 2020).

Наиболее распространёнными невербальными средствами выражения оценочных значений являются акты, связанные с использованием языка тела: мимика, жесты, положение тела, поскольку они действенны и в случаях, когда участники коммуникации находятся в непосредственной близости друг с другом, и тогда, когда коммуниканты находятся на расстоянии. Данные средства выражения оценки способны передавать большой объем информации как в сочетании с вербальными средствами, так и самостоятельно.

Для экспертной положительной оценки характерно умеренное использование мимики. Эксперт в процессе ознакомления с музыкальным материалом, прослушивание которого приносит ему удовольствие, поднимает уголки губ или задействует улыбку.

В ходе анализа практического материала было выявлено, что для экспликации положительной оценки характерна активная жестикация адресанта. Во время прослушивания музыкальной композиции эксперты используют эмоциональные жесты: покачивают головой, щелкают пальцами в ритм музыки, чтобы показать своё одобрение по отношению к музыкальному материалу, задействуют изобразительные жесты: во время прослушивания рецензенты «рисуют руками» мелодию музыкальной композиции или голоса исполнителя, чтобы лучше расслушать и проанализировать с про-

фессиональной точки зрения понравившийся момент в оцениваемой песне или музыкальном выступлении (Рис. 1).

Рис. 1. Эксперт «рисует руками» мелодию в процессе анализа музыкального материала и выражения положительной оценки

Особенностью выражения положительной оценки на невербальном уровне является воспроизводство оцениваемого музыкального материала самими авторами видеореакции. Так, эксперт использует находящийся в кадре музыкальный инструмент, и в момент прослушивания пытается наиграть отрывок музыкальной композиции, который впечатлил его, и который эксперт анализирует с профессиональной точки зрения (Рис. 2).

Эксперты при выражении отрицательной оценки также обращаются к невербальным средствам, которые усиливают интенсивность оценки, выраженной вербальными средствами, и также позволяют передать эмоциональное состояние говорящего в процессе оценочной деятельности.

Умеренное использование мимики: в процессе оценочной деятельности эксперты сохраняют нейтральное выражение лица, однако, обратив внимание на качества музыкального материала, приносящие дискомфорт или отрицательные эмоции, они начинают задействовать мимику. Чаще всего эксперты прищуриваются,

хмурят брови или вовсе закрывают глаза, что может являться сигналом замешательства, вызванного оцениваемой композицией или выступлением. Также неодобрение прослушанного музыкального материала выражается через опущенные уголки губ (Рис. 3).

Рис. 2. Эксперт наигрывает мелодию в процессе ознакомления с музыкальным материалом

Рис. 3. Эксперт опускает уголки губ в процессе ознакомления с музыкальным материалом

В видеореакциях экспертов в качестве невербальных средств выражения отрицательной оценки чаще используются жесты, нежели мимика. При ознакомлении с музыкальным материалом они используют эмоциональные жесты: покачивают или кивают головой, однако при ощущении дискомфорта, вызванного оцениваемой композицией или выступлением, они начинают отрицательно качать головой. Неодобрение прослушанного музыкального материала также выражается через напряженные позы, скрещенные или широко расставленные руки, они могут отклоняться назад и закрывать лицо руками в случаях, когда музыкальный материал вызывает у них отвращение или растерянность (Рис. 4).

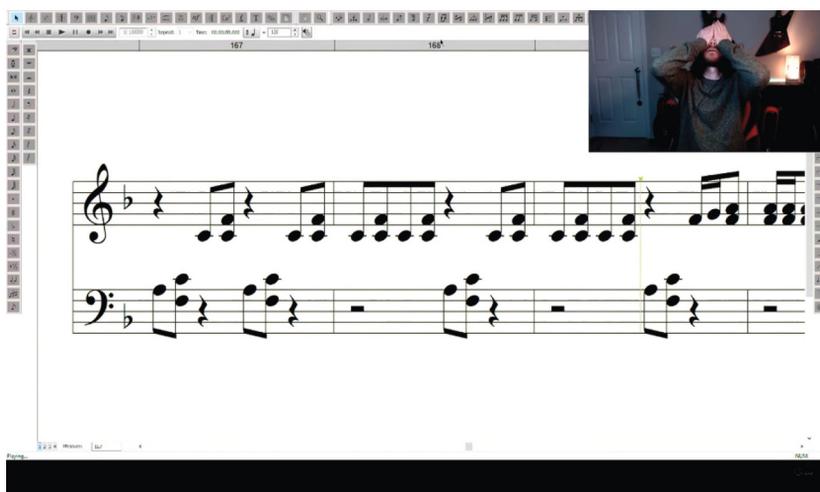

Рис. 4. Эксперт отклоняется назад и закрывает лицо руками в процессе выражения оценки

Просодия играет заметную роль в реализации оценки произведения. После прослушивания эксперты проводят анализ и выражают своё мнение о музыкальном материале, их голос спокоен, а интонация размерена. Однако в процессе ознакомления с музыкальным материалом речь экспертов более эмоциональна, они повышают громкость голоса, а интонация более выразительна, что указывает на испытываемое экспертом одобрение, удивление или

даже восторг непосредственно в момент прослушивания оцениваемой композиции, выступления, или видеоролика. При выражении отрицательной оценки можно отметить умеренное использование просодических средств выражения оценки эксперта. Авторы почти не повышают уровень громкости голоса, их голос спокоен, а интонация размеренна. Эмоциональный фон говорящего преимущественно выражается через короткие вздохи, сопровождающие речь. Во время прослушивания музыкального материала эксперты делают паузы в тех моментах композиции, которые они хотят прокомментировать. В целом, эмоциональная составляющая в манере речи экспертов не ярко выражена.

Заключение

Существует множество разнообразных приёмов формирования экспертной оценки в видеореакциях на музыкальные произведения. В ходе работы были определены характеристики эксперта, к которым относятся самопрезентация как эксперта; сфера деятельности, связанная с музыкой; опыт; отзывы о деятельности эксперта. Согласно результатам исследования, было выявлено, что наибольшим оценочным потенциалом обладают лексические средства выражения оценки: прилагательные и существительные используются в процессе оценки чаще других частей речи, дополнительным элементом системы лексических средств являются усилительные наречия. Использование отрицательных, вопросительных предложений, риторических вопросов главным образом связано с выделением отрицательных качеств оцениваемого материала. Особенностью выражения экспертной оценки является использование музыкальной терминологии, позволяющей подкреплять оценку экспертной аргументацией.

Интенсификация оценки, выражение эмоциональной составляющей высказывания осуществляется за счет невербальных средств. Умеренное использование невербальных средств, характерное для экспертной оценки указывает на сдержанную эмоциональность. Эксперт с помощью улыбки или опущенных уголков губ, напряжен-

ных или расслабленных поз, изобразительных жестов подкрепляет вербальную оценку, доминирующим невербальным оценочным средством является жестикуляция.

Список литературы

1. Артамонов, В. Н., & Уба, Е. В. (2020). Лингвистический анализ текста. Категория оценки. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, (2), 6–12. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-2-6-12> EDN: <https://elibrary.ru/LZIUWV>
2. Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука. 341 с.
3. Вольф, Е. М. (1985). *Функциональная семантика оценки*. Москва: Наука. 228 с.
4. Дормидонтова, О. А. (2009). Категория оценки и оценочная категоризация с позиций современной лингвистики. *Альманах современной науки и образования*, 2(21), 47–49. EDN: <https://elibrary.ru/OXKRVT>
5. Комарова, Е. Ю., & др. (2022). Способы выражения отрицательной оценки англоязычном дискурсе. *Мир науки. Социология, филология, культурология*, 13(3)*, 1–11. EDN: <https://elibrary.ru/XMUCQC>
6. Лушиков, В. А., & Терских, М. В. (2018). Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*, 4(14), 57–75. EDN: <https://elibrary.ru/YLRQTJ>
7. Морозова, А. Н., & Власова, Л. И. (2018). Оценочность и эмотивность определения в составе атрибутивного словосочетания (на материале англоязычных медиатекстов жанра «features»). *Балтийский гуманитарный журнал*, 7(1), 43–47. EDN: <https://elibrary.ru/YWKWDT>
8. Мурсекаева, С. В. (2017). Некоторые особенности видеоблога как жанра риторического дискурса. *Преподаватель XXI век*, (4), 342–347. EDN: <https://elibrary.ru/YMKAFR>
9. Шутёмова, Н. В. (2022). Виды экспертной оценки в англоязычном

- искусствоведческом дискурсе о творчестве И. Наховой. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 14(3), 56–68. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-56-68> EDN: <https://elibrary.ru/USOGVR>
10. Alex Rockwell - YouTube. (2024). Получено с <https://www.youtube.com/@alexrockwellmusic> (дата обращения: 03.01.2024)
 11. Cambridge Dictionary. (2024). Получено с <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 03.02.2024)
 12. Let It Happen' by Tame Impala - Musician Reacts. (2020). Получено с <https://youtu.be/1Y8IKRZvut8?si=lku4aWTjQc6PhRuK> (дата обращения: 05.04.2024)
 13. Luscent & Jade Eliza - The Girl Who Burned Her House to the Ground - Lyric Video (2022). (2023). Получено с <https://youtube/agVSIXVMX-sk?si=oN2r8jKVEbN5A32-> (дата обращения: 03.01.2024)
 14. Lundby, H. (2022). *Watching people, watching people: Exploring viewing experiences of music-video (MV) reaction videos on YouTube as shaped by viewers' reception of the genre's format*. University of Oslo. 119 p.
 15. Music Director Reacts | Kendrick Lamar - Wesley's Theory. (2023). Получено с <https://youtu.be/IkL72joP11Q?si=nQaGI4gRtoqa7Xzd> (дата обращения: 17.04.2024)
 16. Music Producer Reacts To Pentatonix - Hallelujah (Official Video). (2022). Получено с https://youtu.be/VVjZjrE1z14?si=iPLg4UgzU_FZ-r8R1 (дата обращения: 05.04.2024)
 17. Music Producer Reacts to WORST Eurovision Songs Each Year. (2022). Получено с <https://youtu.be/SkTCmwayffw> (дата обращения: 19.04.2023)
 18. Private Lessons | Alex Rockwell | Guitarist. (2023). Получено с <https://www.alexrockwellguitar.com/lessons> (дата обращения: 02.01.2024)
 19. Reacting to one of the worst pieces of classical music ever. (2021). Получено с <https://youtu.be/gCTtYPPa7fU> (дата обращения: 18.04.2023)
 20. SONGWRITER Reacts to BTS (방탄소년단) - 'Dynamite' Official MV. (2020). Получено с <https://youtu.be/KQ1FuVxxKFI> (дата обращения: 18.04.2023)

21. Troye sivan's new album! | Something To Give Each Other Reaction. (2023). Получено с <https://youtu.be/U0gwZn9UULA?si=eJoL-cS-Civqrvm8M> (дата обращения: 05.04.2024)
22. Vocal Coach Reacts to Ariana Grande 'Tattooed Heart' Live from London. (2023). Получено с <https://youtu.be/RHMg3GItAoo?si=PBah-1bYTmZ9aIuJd> (дата обращения: 17.04.2024)
23. Vocal Coach Reacts to Jesy Nelson 'Boyz' Capital's Jingle Bell Ball 2021. (2021). Получено с <https://youtu.be/WvyiRjDEebY> (дата обращения: 18.04.2023)
24. Vocal Coach Reacts to Selena Gomez 'Lose you to love me/Look at her now' #whatwentwrong AMA's. (2020). Получено с <https://youtu.be/XHZIguarrVw> (дата обращения: 18.04.2023)
25. Vocal Coach Reacts: Adele On Tiny Desk - Full Performance! (2023). Получено с https://youtu.be/t-4xQV2AjWE?si=_H2oxDUJ67tEGoCx (дата обращения: 17.04.2024)
26. Voice Teacher Reacts to American Idol - Ten Worst Singers Ever. (2018). Получено с <https://youtu.be/0tefXeCDn4g> (дата обращения: 19.04.2023)

References

1. Artamonov, V. N., & Uba, E. V. (2020). Linguistic analysis of text. Category of assessment. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology, (2), 6–12. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-2-6-12> EDN: <https://elibrary.ru/LZIUWV>
2. Arutyunova, N. D. (1988). Types of linguistic meanings: Assessment. Event. Fact. Moscow: Nauka. 341 p.
3. Volf, E. M. (1985). Functional semantics of assessment. Moscow: Nauka. 228 p.
4. Dormidontova, O. A. (2009). Category of assessment and evaluative categorization from the perspective of modern linguistics. Almanac of Modern Science and Education, 2(21), 47–49. EDN: <https://elibrary.ru/OXKRVT>
5. Komarova, E. Yu., et al. (2022). Ways of expressing negative assessment in English discourse. World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies, 13(3), 1–11. EDN: <https://elibrary.ru/XMUCQC>

6. Lushkov, V. A., & Terskikh, M. V. (2018). Genre-thematic and linguistic features of video blogs. *Bulletin of Tambov University. Series: Social Sciences*, 4(14), 57–75. EDN: <https://elibrary.ru/YLRQJTJ>
7. Morozova, A. N., & Vlasova, L. I. (2018). Evaluative and emotive definition in the structure of attributive phrase (based on English-language media texts of the genre “features”). *Baltic Humanitarian Journal*, 7(1), 43–47. EDN: <https://elibrary.ru/YWKWDT>
8. Murskaeva, S. V. (2017). Some features of the video blog as a genre of rhetorical discourse. *Teacher of the XXI Century*, (4), 342–347. EDN: <https://elibrary.ru/YMKAFR>
9. Shutemova, N. V. (2022). Types of expert assessment in English-language art discourse on the work of I. Nakhova. *Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology*, 14(3), 56–68. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-56-68> EDN: <https://elibrary.ru/USOQVR>
10. Alex Rockwell - YouTube. (2024). Retrieved from <https://www.youtube.com/@alexrockwellmusic> (Accessed: January 3, 2024)
11. Cambridge Dictionary. (2024). Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org> (Accessed: February 3, 2024)
12. Let It Happen’ by Tame Impala - Musician Reacts. (2020). Retrieved from <https://youtu.be/1Y8IKRZvut8?si=lku4aWTjQc6PhRuK> (Accessed: April 5, 2024)
13. Luscent & Jade Eliza - The Girl Who Burned Her House to the Ground - Lyric Video (2022). (2023). Retrieved from <https://youtube/agVSIXVMX-sk?si=oN2r8jKVEbN5A32-> (Accessed: January 3, 2024)
14. Lundby, H. (2022). Watching people, watching people: Exploring viewing experiences of music-video (MV) reaction videos on YouTube as shaped by viewers’ reception of the genre’s format. *University of Oslo*. 119 p.
15. Music Director Reacts | Kendrick Lamar - Wesley’s Theory. (2023). Retrieved from <https://youtu.be/lkL72joP11Q?si=nQaG14gRtoqa7Xzd> (Accessed: April 17, 2024)
16. Music Producer Reacts To Pentatonix - Hallelujah (Official Video). (2022). Retrieved from https://youtu.be/VVjZjrE1z14?si=iPLg4Ug-zU_FZr8R1 (Accessed: April 5, 2024)

17. Music Producer Reacts to WORST Eurovision Songs Each Year. (2022). Retrieved from <https://youtu.be/SkTCmwayffw> (Accessed: April 19, 2023)
18. Private Lessons | Alex Rockwell | Guitarist. (2023). Retrieved from <https://www.alexrockwellguitar.com/lessons> (Accessed: January 2, 2024)
19. Reacting to one of the worst pieces of classical music ever. (2021). Retrieved from <https://youtu.be/gCTtYPPa7fU> (Accessed: April 18, 2023)
20. SONGWRITER Reacts to BTS (방탄소년단) - 'Dynamite' Official MV. (2020). Retrieved from <https://youtu.be/KQ1FyBxxKFI> (Accessed: April 18, 2023)
21. Troye sivan's new album! | Something To Give Each Other Reaction. (2023). Retrieved from <https://youtu.be/U0gwZn9UULA?si=eJoL-cS-CivqrvM8M> (Accessed: April 5, 2024)
22. Vocal Coach Reacts to Ariana Grande 'Tattooed Heart' Live from London. (2023). Retrieved from <https://youtu.be/RHMg3GItAoo?si=PBah-1bYTmZ9aIuJd> (Accessed: April 17, 2024)
23. Vocal Coach Reacts to Jesy Nelson 'Boyz' Capital's Jingle Bell Ball 2021. (2021). Retrieved from <https://youtu.be/WvyiRjDEebY> (Accessed: April 18, 2023)
24. Vocal Coach Reacts to Selena Gomez 'Lose you to love me/Look at her now' #whatwentwrong AMA's. (2020). Retrieved from <https://youtu.be/XHZIguarrVw> (Accessed: April 18, 2023)
25. Vocal Coach Reacts: Adele On Tiny Desk - Full Performance! (2023). Retrieved from https://youtu.be/t-4xQV2AjWE?si=_H2oxDUJ67tEGo-Cx (Accessed: April 17, 2024)
26. Voice Teacher Reacts to American Idol - Ten Worst Singers Ever. (2018). Retrieved from <https://youtu.be/0tefXeCDn4g> (Accessed: April 19, 2023)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Прохорова Ольга Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации

Сибирский федеральный университет

пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
oprokhorovasfu@gmail.com

Каратанова Виктория Викторовна, преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных направлений Института филологии и языковой коммуникации
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Федерация
victoriakaratanova@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Prokhorova, PhD in Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages for the Humanities
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
oprokhorovasfu@gmail.com
SPIN-code: 4066-1155
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5884-5193>

Victoria V. Karatanova, master's student at School of Philology and Language Communication
Siberian Federal University
79, Svobodny Pr., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Krai, 660041, Russian Federation
victoriakaratanova@gmail.com

Поступила 09.04.2025
После рецензирования 23.04.2025
Принята 30.04.2025

Received 09.04.2025
Revised 23.04.2025
Accepted 30.04.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-491 EDN: OYFYPM

УДК 811.81'373.47;811.161.1

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОЛОРАТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ «БЕЛЫЙ» И «ЧЕРНЫЙ» В ЗАГОЛОВКАХ СМИ

Л.К. Халитова, Д.В. Соловьева

Аннотация

Обоснование. Использование фразеологизмов с колоративным компонентом в заголовках средств массовой информации (СМИ) стало распространенной практикой среди журналистов для привлечения внимания аудитории к газетному материалу. Однако применение подобных языковых средств несет в себе риски, такие как речевые штампы, непонимание и двусмысленность в случае неправильного использования. Авторы доказывают актуальность использования таких единиц в заголовках СМИ на примере фразеологических единиц с колоративными компонентами «белый» и «черный».

Цель – теоретически и практически обосновать актуальность использования фразеологизмов с колоративным компонентом в заголовках прессы и их необходимость в реализации ключевых функций заголовков СМИ.

Материалы и методы. Методы исследования – контекстуальный и количественный анализ. Статья базируется на комплексе материалов СМИ за период 2024–2025 гг., представленных на сайте новостей Яндекс Дзен и архивах онлайн-прессы. Материал исследования был получен методом сплошной выборки заголовков, содержащих фразеологизмы с колоративными компонентами «белый» и «черный» (204 заголовка). Для определения фразеологических единиц в исследовании использовался Фразеологический словарь русского литературного языка А.И. Федорова.

Результаты. В процессе исследования удалось подтвердить актуальность использования фразеологизмов с колоративными компонентами «белый» и «черный» в заголовках СМИ. Количественный ана-

лиз продемонстрировал частотное употребление заданных языковых средств. Функция фразеологизмов с колоративными компонентами в таких заголовках заключается в создании экспрессивности и интриги, которая повышает читательский интерес и желание ознакомиться с текстом. Преимущество таких языковых средств основывается на лаконичности, возможности языковой игры и передаче оценки автора без выражения ее напрямую. Контекстуальный анализ показал, что из 204 заголовков, содержащих фразеологизмы с цветокомпонентами «белый» и «черный», 171 (84%) заголовков отражает негативные новости. Актуализация отрицательной коннотации у исследуемых фразеологизмов раскрывает имплицитные смыслы и усиливает общую отрицательную окраску сообщения заголовка.

Область применения. Результаты исследования могут быть использованы в области изучения языка медиакommunikации, преподавания лингвистики, лексикологии и стилистики. Также полученные данные полезны для журналистов при разработке эффективных стратегий воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: заголовок; СМИ; функции заголовков; фразеологизм; колоративный компонент; коннотация

Для цитирования. Халитова, Л. К., & Соловьева, Д. В. (2025). Фразеологизмы с колоративными компонентами «белый» и «черный» в заголовках СМИ. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 58–80. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-491>

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COLOR TERMS ‘WHITE’ AND ‘BLACK’ IN MASS MEDIA HEADLINES

L.K. Khalitova, D.V. Solovieva

Abstract

Background. The use of phraseological units with a color term in mass media headlines has become a common practice among journalists in or-

der to attract the audience's attention to the published material. However, the incorrect use of such means of language entails risks, such as clichés, misunderstanding and ambiguity. The authors demonstrate the relevance of using phraseological units with the color terms 'white' and 'black' in media headlines.

Purpose – to claim the relevance of usage of phraseological units with color terms 'white' and 'black' in media headlines.

Materials and methods. The research methods include contextual and quantitative analysis. The article is based on media materials for the period 2024-2025 published on the news platform Yandex Dzen and online press archives. The research material was obtained by a continuous sampling of headlines containing phraseological units with the color terms 'white' and 'black' (N=204 headlines). In order to identify and describe phraseological units the Phraseological Dictionary of the Russian literary language by A.I. Fedorov was used.

Results. The study proves that the use of phraseological units with the color terms 'white' and 'black' in media headlines creates expressiveness, intrigue and thus increases a reader's willingness to read the text. Quantitative analysis demonstrates the frequent use of these units in mass media headlines. Moreover, color terms being concise have a great potential for wordplay and can convey the author's ideas implicitly. Contextual analysis shows that out of 204 headlines containing phraseological units with the color terms "white" and "black", 171 (84%) headlines reflect negative news. Actualization of the negative connotation in the studied phraseological units reveals implicit meanings and enhances the overall negative coloring of the message.

Practical implications. The results of the study can be used in the field of media communication, teaching linguistics, lexicology and stylistics. The obtained data can be useful for journalists in developing effective strategies to influence the audience.

Keywords: headline; mass media; headline functions; phraseological unit; color term; connotation

For citation. Khalitova, L. K., & Solovieva, D. V. (2025). Phraseological units with the color terms 'white' and 'black' in mass media headlines. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 58–80. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-491>

Введение

Для современного медиапространства характерна высокая конкуренция за внимание аудитории, из-за чего перед авторами текстов стоит задача подобрать наиболее яркие и экспрессивные языковые выражения. Особую роль в этом процессе играют заголовки, порой выступающие едва ли не единственным фактором привлечения внимания читателя [14]. Именно от них зависит, будет ли статья прочитанной или затеряется в Интернет-пространстве.

Заголовок – это элемент, предвещающий текст, способный оказывать речевое воздействие на читателя. Как правило, заглавие выбирают таким образом, чтобы оно было способно отображать суть текста. Поскольку заголовок композиционно располагается отдельно от самой статьи, то он часто воспринимается как отдельное, самостоятельное высказывание. В то же время он остается структурным элементом текста, смысловой частью озаглавливаемого произведения, который дает краткое содержание самого текста. По мнению И.Р. Гальперина, заголовок является «компрессированным, нераскрытым содержанием текста, которое можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе разворачивания» [5, с. 133]. Эту же мысль подхватывает Б.Г. Бобылев, называя заголовок «свернутой пружинкой, разворачивание которой дает в итоге весь текст работы» [3, с. 83].

Современный газетный заголовок характеризуется языковой многофункциональностью. Отечественные исследователи отбирают различные функции заглавий в прессе. Так, Г.О. Винокур выделяет такие функции, как обозначающая, указательная и рекламная [4]. Исследователь полагает, что цель заголовка – «указать на событие и его обозначить», а также «разрешить проблему внешней занимательности, увлечь читателя, заинтриговать заманчивой сюжетностью» [4]. Благодаря рекламной функции заголовки могут обретать оригинальность структур и неоднозначность содержания.

Заглавие также выполняет номинативную функцию, поскольку позволяет реципиенту отличить текст от других в объемном информационном пространстве [11]. Н.А. Фатеева подразделяет номина-

тивную функцию на внешнюю и внутреннюю: с одной стороны заголовков выступает «представителем и заместителем текста во внешнем мире», то есть обращен к читателю, а с другой – служит раскрытию содержания понимаемую «автором художественного произведения в соответствии с внутренней заданностью текста» [18, с. 9]. Также заголовок может дать образную характеристику и оценку описываемому событию, при этом не раскрывая его содержания, реализует информативную функцию, передавая читателю информацию об основной мысли статьи, тезисе, ключевой детали [17].

Эффективное восприятие газетного текста возможно благодаря заглавию, которое способно сэкономить усилия человека, находящегося в процессе поиска интересующей темы. Иногда по одному заглавию можно сделать вывод, не только чему будет посвящена статья, но и как автор относится к описываемым событиям [2]. Так, заголовок может выполнять экспрессивную функцию.

Функция привлечения внимания, или аттрактивная функция, газетного заголовка в современном медиапространстве является ключевой, так как осуществляется уже на первом этапе восприятия информации, представленной в «сжатой форме», и, следовательно, отвечает за степень заинтересованности читателя. После высокой или низкой степени заинтересованности формой заголовка читатель может проявить или не проявить интерес к самой статье [14, с. 4]. Поскольку характерной особенностью современной медийной коммуникации является высокая степень вовлеченности читателя посредством онлайн комментариев, то заголовки, содержащие языковую игру или аллюзию, могут вызвать различные реакции, зачастую выходящие за пределы тематики статьи, с использованием различных стилистических средств и речетворчества [7, с. 147]. Так, заголовок становится особенностью интернет-жанра – интерактивной газетной статьи (ИГС), когда журналист и читатель создают совместный продукт, а читательский комментарий становится продолжением статьи [там же].

В качестве элементов заголовков журналисты часто прибегают к использованию фразеологизмов, устойчивых выражений, в кото-

рых значения входящих компонентов не определяются значением самих лексем. В исследованиях, посвященных изучению газетных заголовках, доказываемая актуальность использования фразеологизмов для привлечения внимания читателя, создания образности, описания сенсационных событий, создания иронического контекста или языковой игры [6; 8; 10; 16; 19; 22; 24].

Согласно А.В. Кунину, фразеологические единицы играют особую роль в языке, поскольку позволяют заполнить лакуны в лексической системе, которая не способна полностью дать наименования всех сторон действительности, а также могут служить основой для языковой игры и создания стилистических приемов [12].

В профессиональном и общеупотребительном контексте встречаются фразеологизмы с колоративным компонентом. Такой компонент предполагает наличие в составе фразеологической единицы прилагательного, обозначающего определенный цвет. Фразеологические единицы с компонентом цвета отражают картину мира, культуру определенного этноса, ее особенности и этническое мировосприятие, именно этим объясняется интерес исследователей к цветообозначениям [1; 21; 8; 23; 25; 26; 27; 28]. Наличие колоративного элемента способствует придаче фразеологизму особой специфики, поскольку семантика цвета в культуре довольно многослойна.

Однако существует и противоположная точка зрения. Заголовок с неуместным фразеологизмом может создать дополнительные неправильные смыслы и быть истолкован неверно, из-за чего велик риск речевых ошибок [16]. Также отмечается, что привычные фразеологические единицы могут восприниматься «как штампы в силу их обобщающего характера» [13].

В данном исследовании проанализируем значения и оценочный потенциал (положительный или отрицательный) фразеологических единиц с колоративами «белый» и «черный», которые представляют собой устойчивую антонимическую пару, рассмотрим их функционирование в заголовках современных СМИ, а также продемонстрируем актуальность использования этих фразеологизмов в реализации основных функций заголовков прессы.

Материалы и методы

В качестве материала исследования был использован корпус заголовков электронных СМИ за период с мая 2024 года по апрель 2025 года. В выборку вошли федеральные (ТАСС, «Коммерсантъ», «Известия», «Первый канал»), местные СМИ, («Санкт-Петербургские Ведомости», «ПензаИнформ», «Маленькая Сызрань», «Новости Брянска» и др.), а также некоторые представители «желтой» прессы. Отбор заголовков производился с помощью метода сплошной выборки с сайта новостей Яндекс Дзен и архивов заданных СМИ с использованием поисковых запросов, включающих компоненты «белый», «черный» в различных грамматических формах в сочетании с потенциальными компонентами фразеологических единиц, а также путем ручного просмотра заголовков.

Для отбора и верификации фразеологических единиц был использован Фразеологический словарь русского литературного языка А.И. Федорова [20]. Значения лексических единиц уточнялись в толковых словарях [9; 15].

В процессе исследования также применялись контекстуальный анализ для определения актуального значения фразеологической единицы в заголовке и количественный анализ для установления частотности употребления фразеологизмов с колоративными компонентами «белый» и «черный».

Результаты и обсуждение

По итогам исследования было установлено, что с мая 2024 года по апрель 2025 года журналистами было использовано 204 заголовков с фразеологизмами, содержащими колоративные компоненты «белый» и «черный». Заголовки, отражающие события одного и того же инфоповода не учитывались, чтобы исключить повтор. (Например, содержание 11 статей от 27.06.2024 г. с заголовками, содержащими фразеологизм *черная магия*, были посвящены одному и тому же событию – аресту министра окружающей среды Фатимат Шамназ Али Салем, которая подозревалась в применении черной магии с целью нанесения вреда президенту.) Таким образом, было

выявлено 152 заголовка с цветокомпонентом «белый» и 49 заголовков цветокомпонентом черный. Заголовков с фразеологизмами с цветокомпонентом «белый» оказалось подавляющее большинство. Также нам встретилось 3 заголовка, содержащих фразеологизмы с сочетанием «черный» и «белый» – это два фразеологизма *черная и белая магия* и один фразеологизм *белая и черная магия*.

Мы уточнили значения исследуемых фразеологических единиц, чтобы выяснить всегда ли фразеологизмы с колоративом «белый» выражают положительную коннотацию, а фразеологизмы с колоративом «черный» отрицательную. Затем при помощи контекстуального анализа рассмотрели функционирование и оценочный потенциал отобранных фразеологизмов в составе заголовков СМИ.

Принято считать, что белый цвет несет положительную коннотацию, а черный отрицательную в бинарной оппозиции «белое-черное», например, день и ночь, жизнь и смерть, добро и зло, свет и тьма и т.д. [23; 25; 27; 28]. Чтобы подтвердить эту мысль, мы обратились к толковым словарям [9; 15].

У прилагательного «белый» выделяют следующие значения (словарная статья приводится в сокращенном виде, рассматривались переносные значения): «<...> 2. Светлый, светлее обычного. // *перен. разг.* Очень бледный (от страха, испуга, болезни и т. п.). // *перен. разг.* Светло-русый, белокурый. // *перен. разг.* Седой. 3. Ясный, светлый (о времени суток). 4. Не заполненный текстом, рисунками; не исписанный, чистый (о листе бумаги). // *перен.* Незапятнанный, безупречный. 5. *Употр.* как постоянный эпитет в народно-поэтической речи» [9].

Приведем некоторые значения прилагательного «черный»: «<...> 2. Отличающийся темной окраски, шерсти, оперения, одежды и т. п.; очень темный (противоп.: светлый) // *перен.* Непроницаемо густой. 3. Имеющий кожу темного цвета; темнокожий (о расе). // *перен. разг.* Смуглый и темноволосый; чернявый. 4. Отапливаемый печью без трубы, по-черному; курной (о бане, избе и т. п.). 5. *перен.* Мрачный, беспросветный, тяжелый, безотрадный. // Горестный, трудный. 6. *разг.* Грязный, испачканный, покрытый сажой, копотью. 7. *перен.*

Преступный, злой, дурной. // Губительный, изнуряющий (о болезни). // Не вызывающий одобрения; предосудительный. // *разг.* Содержащий упоминание черта, нечистой силы (о брани). 8. *перен.* Физически тяжелый, грязный, подсобный, не требующий квалификации (о труде, работе). 9. *перен.* Не обработанный до конца или обработанный начерно, не окончательно отделанный; черновой» [9; 15].

Из приведенных словарных статей видно, что прилагательное «белый» в своих переносных значениях выражает положительную оценку (например: незапятнанный, безупречный), а прилагательное «черный» отрицательную оценку (например: мрачный, беспросветный, грязный, преступный, злой, имеющий отношение к нечистой силе, содержащий упоминание черта).

Далее при помощи Фразеологического словаря русского литературного языка [20] мы рассмотрели значения фразеологизмов с компонентами «белый» и «черный», которые использовались в заголовках СМИ. В заголовках были обнаружены следующие фразеологизмы с компонентом «белый» (всего 152 заголовков, в скобках указано количество заголовков, содержащих фразеологизм): *белая ворона* (15) – «по отношению к людям чудаковатым, необычным, резко выделяющимся среди других (часто с неодобрительным оттенком)»; *белая горячка* (16) – «алкогольный психоз»; *белые мухи* (10) – «падающие снежинки, первый снегопад»; *белая магия* (1) – «волшебство, чародейство с помощью небесных сил, обычно понимается как магия лечащая, оберегающая, защищающая»; *белое пятно* (27) – «совершенно не исследованная территория, край и т.п.; не разработана часть какой-либо темы, проблемы»; *среди бела дня* (83) – «днем, при ясном дневном свете; делать что-то открыто, без стыда». Несмотря на то, что прилагательное «белый» выражает общую положительную оценку, фразеологизмы с данным колоративом могут обладать положительной (*белая магия*), нейтральной (*белые мухи*) и отрицательной (*белая ворона*, *белая горячка*, *белое пятно*, *среди бела дня*) коннотацией.

Контекстуальный анализ позволил нам выявить, какое значение, положительное, отрицательное или нейтральное, вносят эти фра-

зеологизмы в заголовки СМИ. Анализ показал, что из 152 заголовков, содержащих фразеологизм с цветокомпонентом «белый», 137 заголовков (что составляет 90%) обладают отрицательной оценкой и лишь у 15 (10%) заголовков выявлено нейтральное или положительное значение.

Наиболее частотным в заголовках электронных газет стал фразеологизм *среди бела дня*, встретившийся 83 раза. В таких статьях описывались преступления, которые произошли в светлое время суток, и были совершены преступниками, уверенными в своей безнаказанности, без стыда и страха быть пойманными. Примеры: «В Калмыкии задержали вора, который похитил среди бела дня из-под прилавка товар» (Московский Комсомолец Калмыкия, 19.07.2024), «Дерзкое ограбление мебельного магазина среди бела дня произошло в ЕАО» (Аргументы и факты Хабаровск, 14.03.2025), «В Ярославле мигранты среди бела дня похитили человека» (Smotrim.ru, 14.09.2024), «В Петербурге подростка среди бела дня ранили ножом» (Росбалт, 05.07.2024), «В Екатеринбурге мужчина зарезал возлюбленную на улице среди бела дня» (Росбалт, 18.05.2024), «Серийный вор-домушник, проникавший в дома среди бела дня, задержан в Актобе» (inbusiness.kz, 16.03.2025). Также были статьи, в которых говорилось о неожиданных и шокирующих происшествиях случившихся днем, но не указывалось, что причиной стал чей-то злой умысел, например: «В Климовском районе среди бела дня сгорел легковой автомобиль» (Наш Брянск.ru, 06.09.2024), «В Тверской области среди бела дня сгорела баня» (Tverigrad.ru, 29.03.2025), «Три иномарки вспыхнули на автопарковке в Новороссийске среди бела дня» (Кубань Информ, 18.08.2024). Здесь фразеологизм *среди бела дня* не только экспрессивно указывает на светлое время суток, но и актуализирует имплицитное скрытое метатекстовое значение «возможно, этот вред был причинен умышленно».

Также фразеологизм *белое пятно* использовался с отрицательной оценкой, когда указывалась проблема или недоработка, например: «На Вологодской трассе А-114 досрочно ликвидировали «белые пятна» сотовой связи» (Бриф24, 09.02.2025), «Последние

«белые пятна» на газовой карте Ивановской области закрыты» (Ивтелерадио, 07.11.2024), «Белых пятен в хирургии региона больше нет: пересадку печени впервые провели в Хабаровском крае» (Smotrim.ru, 07.08.2024).

Фразеологизм *белые мухи*, который используется для образного описания первого снега и обладает нейтральной коннотацией, в 8-ми заголовках из 10-ти употреблялся с отрицательным значением, например: «В апреле зима еще раз сменит лето: надвигается время «белых мух» и заморозков» (Телекомпания КТВ-Луч, 23.04.2025), «Атмосферный фронт несет «белых мух» в Свердловскую область» (Уральский Меридиан, 05.04.2025), «Кусачие «белые и злые мухи» посетят жителей Тверской области в конце этой недели (Тверские Ведомости, 28.10.2024). Как видно из примеров, фразы «надвигается время», «атмосферный фронт несет» и «кусачие и злые» в сочетании с «белые мухи» актуализируют и усиливают отрицательную оценочность фразеологизма, и заголовок вызывает у читателя чувство тревоги перед наступлением снегопада.

Полагаем, что фразеологизмы с цветокомпонентом «белый» выражают отрицательную коннотацию, когда есть указание на некую проблему, несмотря на общую базовую положительную оценочность самого прилагательного.

Все проанализированные заголовки благодаря входящим в их состав фразеологизмам с цветокомпонентом «белый» обладают аттрактивной и экспрессивной функцией – читателю хочется узнать подробности происшествий. Кроме того, благодаря лаконичности фразеологизм заменяет несколько слов и выражает значение имплицитно, не теряя смысловой нагрузки. Данные количественного анализа представлены на графике (Рис. 1).

В заголовках СМИ были обнаружены следующие фразеологизмы с цветокомпонентом «черный» (всего 49 заголовков, в скобках указано количество заголовков, содержащих фразеологизм): *черная кошка пробежала* (8) – «о возникшем взаимном недружелюбии, ссоре; по старинной народной примете о том, что черная кошка, перебежавшая дорогу, сулит неприятности»; *черное золото* (15) –

«нефть; каменный уголь»; *черный день* / (*отложить*) на *черный день* (9) – «очень трудное в жизни кого-нибудь время; отложить, копить в предвидении нужды, трудностей; *черная магия* (17) – «волшебство, чародейство с помощью адских сил; чернокнижие», понимается как магия причиняющая вред. Фразеологические единицы с цветовыми компонентом «черный», как правило, обладают отрицательной коннотацией и служат для описания мрачных событий (*черный день*, *черная магия*, *черная кошка*). Однако отрицательная оценка колоратива «черный» не всегда сохраняется, когда это цветообозначение входит в состав фразеологизма.

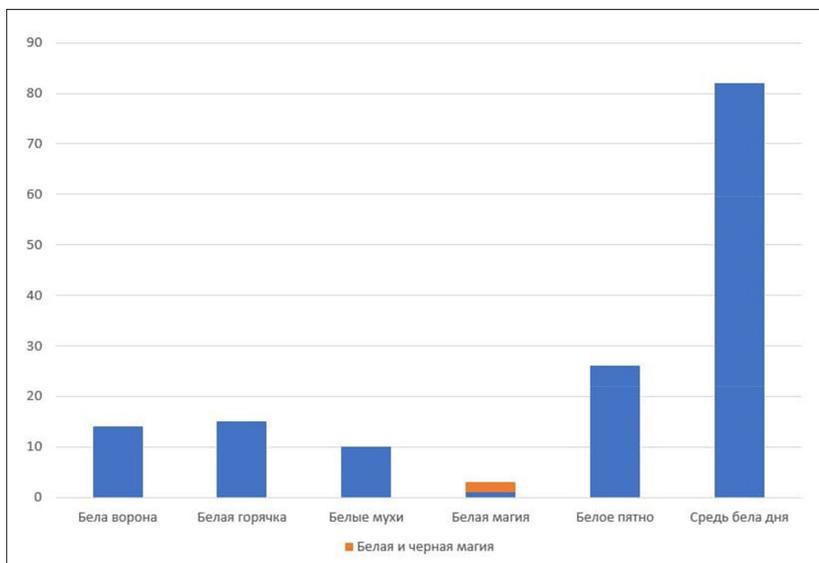

Рис. 1. Статистика использования фразеологизмов с колоративным компонентом «белый» в заголовках прессы

При помощи контекстуального анализа мы определили с какой оценкой используются фразеологизмы в заголовках. Было выявлено, что из 49-ти заголовков с цветокомпонентом «черный» 34 (70%) обладают отрицательной оценкой и 15 (30%) – нейтральной / положительной. Так, фразеологизм *черное золото* имеет положительное или нейтральное значение во всех 15-ти отобранных заголовках и

используется для придания экспрессии при упоминании ценных природных ископаемых, например: «Передовые технологии добычи черного золота обсуждают на «Нефтяной столице» в Сургуте» (Югра-ТВ, 19.03.2025), «Нефтяные ориентиры: как могут измениться цены на черное золото в наступившем году» (Санкт-Петербургские ведомости, 13.01.2025); «Назрела схватка Запада с Россией и Китаем за несметное «черное золото» Антарктиды» (Московский Комсомолец, 19.05.2024). Будучи экспрессивной метафорой, данный фразеологизм может использоваться для выражения отрицательных эмоций, чтобы привлечь внимание читателя к проблеме: «Черное золото не засияло» (Коммерсантъ, 24.04.2025), «Массовая миграция спекулянтов: нефть больше не черное золото» (Репортер, 22.04.2025).

Заголовки, содержащие фразеологизм *черная магия*, стали самыми частотным в группе заголовков с колоративным компонентом «черный» (17 заголовков). Приведем несколько примеров: «На Мальдивах министра заподозрили в применении черной магии в отношении президента» (Известия, 27.06.2024), «Директор школы принес в жертву ребенка в ритуале черной магии в Индии» (Вечерняя Москва, 02.10.2024), «Мужчина поджег храм из-за неприятия черной магии» (Lenta.ru, 08.07.2024).

Также нам встретилось два заголовка, содержащих сочетание фразеологизмов *черная и белая магия*. Полагаем, что цель таких заголовков – усилить противопоставление добра и зла, положительного и отрицательного начал, например: «Черная и белая магия: что такое колдун, или механический регулятор тормозных усилий» (Колеса.ру, 15.02.2025). На графике ниже (Рис. 2) приводятся статистические данные использования фразеологизмов с колоративом «черный».

Соглашаясь с тем, что бинарная оппозиция «белый-черный» коррелирует с принципом полярности оценки «хорошо-плохо», отметим, что в составе фразеологических единиц они являются полиполярными и могут иметь положительные и отрицательные значения. Наш анализ показал, что фразеологизмы с компонентами

«черный» в заголовках СМИ, как правило, обладают отрицательной коннотацией и служат для описания мрачных событий: из четырех фразеологизмов с компонентом «черный» три (*черная кошка*, *черный день*, *черная магия*) обладают отрицательной оценкой и одно (*черное золото*) – нейтральной. Фразеологизм *черная и белая магия* нейтральна.

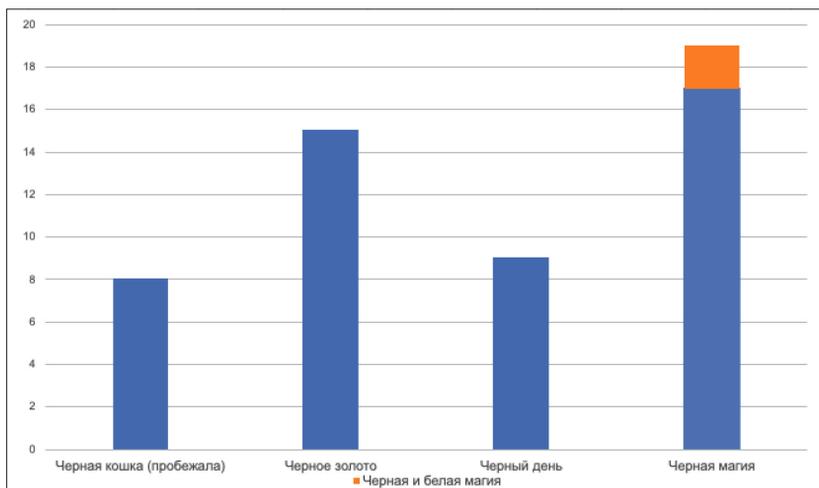

Рис. 2. Статистика использования фразеологизмов с колоративным компонентом «черный» в заголовках прессы

Следует отметить, что фразеологизмы с колоративом «белый» в заголовках СМИ также чаще использовались с отрицательной коннотацией (*белая ворона*, *белая горячка*, *белое пятно*, *среди бела дня*, *белые мухи*), несмотря на то что у фразеологизма отрицательное значение не фиксируется словарем (*белые мухи*) или слабо актуализировано (*белое пятно*, *белая ворона*). Из 204-х проанализированных заголовков, содержащих фразеологизмы с цветокомпонентами «белый» и «черный», 171 (84%) заголовков отражает негативные новости.

Несомненно, фразеологизмы помогают журналистам создавать яркие образы для того, чтобы привлечь внимание читателя и придать образную оценку описываемому событию, не раскрывая его содержания. Также фразеологизмы способны заменить несколько

слов или выразить мысль имплицитно без потери смысловой нагрузки. Однако, необходимо провести специальное исследование, чтобы выявить причины включения фразеологизмов с колоративами «белый» и «черный» в состав заголовков СМИ в основном с отрицательной коннотацией и определить как этот выбор влияет на реакцию целевой аудитории.

Заключение

1. Как показал наш материал, фразеологизмы с колоративными компонентами «белый» и «черный» в составе заголовков газетных статей остаются часто употребительными. Согласно данным количественного анализа, за период с мая 2024 года по апрель 2025 года было обнаружено 204 заголовков, содержащих фразеологические единицы с компонентами «белый» (152 заголовков) и «черный» (49 заголовков), а также 3 фразеологизма, сочетающих оба этих прилагательных. Они позволяют реализовать ключевые функции заголовка в СМИ: информативную, экспрессивную, аттрактивную.

2. Прилагательное «белый» обычно обладает положительной коннотацией, а прилагательное «черный» отрицательной, отражая принцип полярности оценки «хорошо-плохо», однако в составе фразеологизма слова «белый» и «черный» могут обладать полисемантической: каждое из них может выражать как положительную, так и отрицательную оценку. Так, фразеологизмы *белая ворона*, *белая горячка*, *белое пятно*, *среди бела дня*, *белые мухи* в проанализированных заголовках СМИ употреблялись в негативных значениях, фразеологизм *черное золото* использовался с нейтральной или положительной оценкой.

3. Контекстуальный анализ показал, что из 152 заголовков, содержащих фразеологизм с цветокомпонентом «белый», 137 (90%) обладают отрицательной оценкой, у 15 (10%) заголовков выявлено нейтральное или положительное значение. Из 49 заголовков с цветокомпонентом «черный» 34 (70%) обладают отрицательной оценкой и 15 (30%) – нейтральной или положительной. Актуализация отрицательной коннотации у фразеологизмов с компонентом «белый» в заголовках СМИ, например, *среди бела дня*, *белое пятно* или

белые мухи, раскрывает имплицитные смыслы и усиливает общую отрицательную окраску сообщения заголовка.

4. Было выявлено, что большинство заголовков СМИ, содержащих фразеологизмы с колоративами «белый» и «черный», описывают мрачные, шокирующие события или преступления: из 204-х проанализированных заголовков 171 (84%) заголовков отражает негативные новости.

Дальнейшая перспектива исследования ориентирована на изучение функционирования фразеологизмов с другими колоративными компонентами в заголовках русских СМИ и их сопоставление с фразеологическими единицами из других языков.

Список литературы

1. Алиева, С. А., & Муртазалиева, П. М. (2023). Семантика колоративов «черный», «белый» и «красный» во фразеологических единицах русского и аварского языков. *Международный научно-исследовательский журнал*, (1(127)), 1–5. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.58> EDN: <https://elibrary.ru/MLSMEY>
2. Багманова, А. Р. (2013). Газетный заголовок как средство речевого воздействия. *Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств*, (1), 119–121. EDN: <https://elibrary.ru/HZUGYP>
3. Бобылёв, Б. Г. (1987). *Стилистический анализ художественного и публицистического текста*. Алма-Ата: Мектеп. 102 с.
4. Винокур, Г. О. (1991). *О языке художественной литературы*. Москва: Высшая школа. 448 с.
5. Гальперин, И. Р. (1981). *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: Наука. 138 с. EDN: <https://elibrary.ru/VXKANF>
6. Герасимова, А. С., & Квартникова, А. (2020). Функции фразеологизмов в современных английских и русских интернет-СМИ. *Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики*, (2(70)), 33–38. EDN: <https://elibrary.ru/TSGRBP>
7. Гималетдинова, Г. К. (2012). Лингвистические основы интерактивной газетной статьи: к постановке вопроса. *Политическая лингвистика*, (3(41)), 143–148. EDN: <https://elibrary.ru/PGKHPB>

8. Дымова, А. В., & Золотайко, А. И. (2021). Семантика черного цвета в заголовках англоязычных и русскоязычных СМИ. *Балтийский гуманитарный журнал*, (1(34)), 341–344. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1001-0080> EDN: TKXTFL
9. Ефремова, Т. Ф. (2000). *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык. Получено с <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (дата обращения: 15.05.2025)
10. Задитовская, М. В. (2012). Прецедентность и языковая игра в заголовках российской «желтой» прессы. *Научная мысль Кавказа*, (2(70)), 162–167. EDN: <https://elibrary.ru/PAPATF>
11. Корнилова, К. Е. (2007). Функции заголовков современных журналистских текстов. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, (1), 118–119. EDN: <https://elibrary.ru/LAOECV>
12. Кунин, А. В. (1996). *Курс фразеологии современного английского языка: учеб. пособие* (2-е изд., перераб.). Москва: Высшая школа; Дубна: Феникс. 381 с.
13. Лекова, П. А. (2017). Трансформация фразеологических единиц как способ языкового манипулирования в СМИ. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*, 11(3), 60–66. EDN: <https://elibrary.ru/YSWQUN>
14. Мони́на, Т. С. (2018). Аттрактивная функция газетного заголовка. *Современная парадигма гуманитарных исследований: проблемы филологии и культурологии: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф.*, с. 22–28. EDN: <https://elibrary.ru/YLYSLR>
15. Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (1999). *Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений* (Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова; 4-е изд., дополненное). Москва: Азбуковник. Получено с <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> (дата обращения: 15.05.2025)
16. Ракитина, Т. И. (2019). Фразеологизмы в качестве прецедентных текстов в заголовках СМИ. *Наука в Меганполисе = Science in Megapolis. Исследования молодых ученых*, (16). Получено с

- as-case-texts-in-media-headlines.html (дата обращения: 15.05.2025).
EDN: <https://elibrary.ru/VZZLXJ>
17. Тортунова, И. А. (2016). Анализ языковых функций заголовков печатных СМИ как основа методики обучения базовым филологическим дисциплинам. *Гуманитарные науки*, (3(35)). Получено с <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-yazykovyih-funktsiy-zagolovkov-pechatnyh-smi-kak-osnova-metodiki-obucheniya-bazovym-filologicheskim-distsiplinam> (дата обращения: 15.05.2025)
18. Фатеева, Н. А. (2010). *Синтез целого: на пути к новой поэтике*. Москва: Новое литературное обозрение. 352 с. ISBN: 978-5-86793-814-7 EDN: <https://elibrary.ru/PXWFTZ>
19. Фаткуллаева, В. (2022). Фразеологизмы в роли заголовка газет. *Academic research in educational sciences*, 3(9), 259–262.
20. Федоров, А. И. (2008). *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель, АСТ. Получено с <https://rusphraseology-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 15.05.2025). EDN: <https://elibrary.ru/QYNEOX>
21. Цвенгер, Л. В. (2020). Колоративные коллокации и их функции в газетном заголовке. *Вестник Челябинского государственного университета*, (1), 173–180. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10122> EDN: <https://elibrary.ru/ONMSVP>
22. Халитова, Л. К., & Гималетдинова, Г. К. (2025). Фразеологизмы-антропонимы в заголовках газетных статей: взгляд современного читателя. В кн.: *Фразеология на пересечении культур: опыт Казанской фразеологической школы: коллективная монография* (с. 71–94). Казань: Издательство Казанского университета.
23. Чайко, Н. Н., & Муриева, М. В. (2023). Цветовосприятие в разных языках и культурах (на материале французского и немецкого языков). *Современные исследования социальных проблем*, 15(4), 107–123. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-4-107-123> EDN: <https://elibrary.ru/DNUSTQ>
24. Щербакова, Н. Н., & Шевелева, Т. Н. (2020). Фразеологизм в газетном заголовке: трансформация языкового стереотипа. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гумани-*

- тарные исследования, (4(29)), 90–93. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-29-90-93> EDN: <https://elibrary.ru/DNGMNL>
25. Berlin, B., & Kay, P. (1969). *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. California: University of California Press. 178 p.
26. Gimaletdinova, G., & Khalitova, L. (2020). WordNet and RuWordNet Thesauri in a Foreign Language Classroom: Studying Color Term White. *ICERI 2020 Proceedings: 13th annual International Conference of Education, Research and Innovation*, с. 4585–4591. <https://doi.org/10.21125/iceri.2020.1003>
27. Roberson, D., & Hanley, J. R. (2010). “Relatively speaking: An account of the relationship between language and thought in the colour domain”. В кн.: *Words and the Mind: How Words Capture Human Experience* (Ed. by B. Malt, P. Wolff, с. 183–198). New York: Oxford University Press.
28. Wierzbicka, A. (2006). The semantics of colour: a new paradigm. В кн.: *Progress in Colour Studies* (Ed. by C. P. Biggam, C. Kay, N. Pitchford, Vol. I: Language and culture, pp. 1–24). <https://doi.org/10.1075/z.pics1> EDN: <https://elibrary.ru/WVOESF>

References

1. Alieva, S. A., & Murtazaliev, P. M. (2023). Semantics of color terms «black», «white» and «red» in phraseological units of Russian and Avar languages. *International Research Journal*, (1(127)), 1–5. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.58> EDN: <https://elibrary.ru/MLSMEY>
2. Bagmanova, A. R. (2013). Newspaper headline as a means of speech influence. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*, (1), 119–121. EDN: <https://elibrary.ru/HZUGYP>
3. Bobylev, B. G. (1987). *Stylistic analysis of artistic and journalistic texts*. Alma-Ata: Mektep. 102 p.
4. Vinokur, G. O. (1991). *On the language of fiction*. Moscow: Higher School. 448 p.
5. Galyperin, I. R. (1981). *Text as an object of linguistic research*. Moscow: Nauka. 138 p. EDN: <https://elibrary.ru/VXKANF>
6. Gerasimova, A. S., & Kvartnikova, A. (2020). Functions of phraseological units in modern English and Russian online media. *Scientific notes*

- of the St. Petersburg University of Management Technologies and Economics*, (2(70)), 33–38. EDN: <https://elibrary.ru/TSGRBP>
7. Gimaletdinova, G. K. (2012). Linguistic foundations of interactive newspaper article: towards the formulation of the problem. *Political Linguistics*, (3(41)), 143–148. EDN: <https://elibrary.ru/PGKHPB>
 8. Dymova, A. V., & Zolotayko, A. I. (2021). Semantics of black color in headlines of English and Russian media. *Baltic Humanitarian Journal*, (1(34)), 341–344. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2021-1001-0080> EDN: TKXTFL
 9. Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Explanatory-derivational*. Moscow: Russian Language. Retrieved from <https://lexicography.online/explanatory/efremova> (Accessed: May 15, 2025)
 10. Zaditovskaya, M. V. (2012). Precedentness and language play in headlines of Russian “yellow” press. *Scientific Thought of the Caucasus*, (2(70)), 162–167. EDN: <https://elibrary.ru/PAPATF>
 11. Kornilova, K. E. (2007). Functions of headlines in modern journalistic texts. *Izvestia of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Sciences*, (1), 118–119. EDN: <https://elibrary.ru/IAOECV>
 12. Kunin, A. V. (1996). *Course of phraseology of modern English: textbook* (2nd ed., revised). Moscow: Higher School; Dubna: Phoenix. 381 p.
 13. Lekova, P. A. (2017). Transformation of phraseological units as a means of language manipulation in the media. *Izvestia of the Dagestan State Pedagogical University. Social and Humanitarian Sciences*, 11(3), 60–66. EDN: <https://elibrary.ru/YSWQUN>
 14. Monina, T. S. (2018). Attractive function of newspaper headline. *Modern Paradigm of Humanitarian Studies: Problems of Philology and Cultural Studies: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*, pp. 22–28. EDN: <https://elibrary.ru/YLYSLR>
 15. Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1999). *Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions* (Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language; 4th ed., supplemented). Moscow: Azbukovnik. Retrieved from <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> (Accessed: May 15, 2025)

16. Rakitina, T. I. (2019). Phraseological units as precedent texts in media headlines. *Science in the Megalopolis = Science in Megapolis. Research of Young Scientists*, (16). Retrieved from <https://mgpu-media.ru/issues/issue-16/speechwriting-and-literary-editing/phraseologisms-as-case-texts-in-media-headlines.html> (Accessed: May 15, 2025). EDN: <https://elibrary.ru/VZZLXJ>
17. Tortunova, I. A. (2016). Analysis of language functions of print media headlines as a basis for teaching basic philological disciplines. *Humanities*, (3(35)). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-yazykovyh-funktsiy-zagolokov-pechatnyh-smi-kak-osnova-metodiki-obucheniya-bazovym-filologicheskim-distiplinam> (Accessed: May 15, 2025)
18. Fateeva, N. A. (2010). *Synthesis of the whole: on the way to a new poetics*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 352 p. ISBN: 978-5-86793-814-7 EDN: <https://elibrary.ru/PXWFTZ>
19. Fatkullaeva, V. (2022). Phraseological units as newspaper headlines. *Academic Research in Educational Sciences*, 3(9), 259–262.
20. Fedorov, A. I. (2008). *Phraseological dictionary of the Russian literary language*. Moscow: Astrel, AST. Retrieved from <https://rus-phraseology-dict.slovaronline.com> (Accessed: May 15, 2025). EDN: <https://elibrary.ru/QYNEOX>
21. Tsvenger, L. V. (2020). Collocative collocations and their functions in newspaper headlines. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, (1), 173–180. <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2020-10122> EDN: <https://elibrary.ru/ONMSVP>
22. Khalitova, L. K., & Gimaletdinova, G. K. (2025). Phraseological units-anthroponyms in newspaper article headlines: a modern reader's perspective. In *Phraseology at the intersection of cultures: experience of the Kazan phraseological school: collective monograph* (pp. 71–94). Kazan: Kazan University Press.
23. Chaiko, N. N., & Muriova, M. V. (2023). Color perception in different languages and cultures (based on French and German languages). *Modern Research of Social Problems*, 15(4), 107–123. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-4-107-123> EDN: <https://elibrary.ru/DNUSTQ>

24. Shcherbakova, N. N., & Sheveleva, T. N. (2020). Phraseological unit in newspaper headline: transformation of language stereotype. *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Studies*, (4(29)), 90–93. <https://doi.org/10.36809/2309-9380-2020-29-90-93> EDN: <https://elibrary.ru/DNGMNL>
25. Berlin, B., & Kay, P. (1969). *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. California: University of California Press. 178 p.
26. Gimaletdinova, G., & Khalitova, L. (2020). WordNet and RuWordNet Thesauri in a foreign language classroom: studying color term white. *ICERI 2020 Proceedings: 13th annual International Conference of Education, Research and Innovation*, pp. 4585–4591. <https://doi.org/10.21125/iceri.2020.1003>
27. Roberson, D., & Hanley, J. R. (2010). “Relatively speaking: An account of the relationship between language and thought in the colour domain”. In *Words and the Mind: How Words Capture Human Experience* (Edited by B. Malt, P. Wolff, pp. 183–198). New York: Oxford University Press.
28. Wierzbicka, A. (2006). The semantics of colour: a new paradigm. In *Progress in Colour Studies* (Edited by C. P. Biggam, C. Kay, N. Pitchford, Vol. I: Language and culture, pp. 1–24). <https://doi.org/10.1075/zpics1> EDN: <https://elibrary.ru/WVOESF>

ДАнные ОБ АВТОРАХ

Халитова Лилия Камилевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Татарстан, 2, г. Казань, 420021, Российская Федерация
liliya.halitova@kpfu.ru

Соловьева Диана Викторовна, магистрант 2-го года обучения, направление «Лингвистика», профиль «Лингвистика медиапространства»
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Татарстан, д. 2, г. Казань, 420021, Российская Федерация
solovievadiana77@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Liliia K. Khalitova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Department of Romance and Germanic Philology
Kazan Federal University
2, Tatarstan Str., Kazan, 420021, Russian Federation
liliya.khalitova@kpfu.ru
SPIN-code: 5222-8389
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9107-7684>
Researcher ID: E-1431-2015
Scopus Author ID: 57190305737
Academia.edu: <https://kpfu.academia.edu/LiliaKhalitova>
ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Liliia-Khalitova>

Diana V. Solovieva, 3d year Master student in Linguistics (Linguistics of media space)
Kazan Federal University
2, Tatarstan Str., Kazan, 420021, Russian Federation
solovievadiana77@gmail.com

Поступила 01.06.2025

После рецензирования 24.06.2025

Принята 28.06.2025

Received 01.06.2025

Revised 24.06.2025

Accepted 28.06.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-493 EDN: UFIMMM
УДК 81'42

Научная статья | Русский язык. Языки народов России

ПОСТРОЕНИЕ ДЕТСКОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНАФОРИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СПОНТАННОЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

А.А. Айсанова, А.С. Морозова

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена описанию особенностей употребления анафорических средств в устной спонтанной речи детей дошкольного возраста. Традиционно детскую речь исследуют с точки зрения окказиональных образований, а изучением построения детского дискурса занимаются в гораздо меньшей степени. Вместе с тем в современной лингвистике недостаточно изученными остаются различные особенности структурирования детского монологического дискурса, связанные, в частности, с формированием репертуара анафорических средств и спецификой их использования. Исследование этого вопроса поможет расширить представления как о детской речи и ее особенностях, так и об универсальных механизмах порождения устного неподготовленного дискурса.

Цель – выявить и описать особенности употребления анафорических средств детьми 5–6 лет.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили расшифровки монологов детей дошкольного возраста. Информантами стали одиннадцать человек в возрасте 5-6 лет. Для получения необходимого для исследования материала был проведен эксперимент: информанты смотрели мультфильм «Жихарка», после чего они должны были пересказать сюжет данного мультфильма. В качестве методов исследования использованы количественный метод, метод дискурсивного анализа, сравнительный метод.

Результаты. Результаты исследования показали, что самыми активно используемыми анафорическими средствами в речи детей 5-6

лет являются формы местоимения *он* и формы одного и того же слова, в то время как нулевая анафора и формы других местоимений почти не употребляются. Указательные группы и составные номинации оказались самыми низкочастотными средствами и встретились только в нескольких контекстах, что, вероятно, связано с трудностями, которые могут возникнуть при их употреблении.

Установлено, что с точки зрения использования анафорических средств речь детей 5–6 лет несколько отличается от речи взрослых, так как указательная группа у последних встречается в качестве анафóра значительно чаще, в то время как в речи детей это анафорическое средство – одно из наименее частотных.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть использованы в психолого-педагогической практике при работе с дошкольниками, а также для разработки учебных курсов по таким дисциплинам, как онтолингвистика, дискурсивный анализ и пр.

Ключевые слова: дискурс; устная речь; онтолингвистика; детская речь; анафора; анафорические отношения; анафорические средства

Для цитирования. Айсанова, А. А., & Морозова, А. С. (2025). Построение детского монологического дискурса: особенности употребления анафорических средств в спонтанной детской речи. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 81–102. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-493>

Original article | Russian Language. Languages of the Peoples of Russia

FORMING A CHILDREN'S MONOLOGUE DISCOURSE: USE OF ANAPHORIC MEANS IN SPONTANEOUS CHILDREN'S SPEECH

A.A. Aisanova, A.S. Morozova

Abstract

Background. The article examines the features of the use of anaphoric means in the spontaneous oral speech of preschool children. Traditionally,

children's speech is studied from the point of view of occasional formations, and the construction of children's discourse is studied to a much lesser extent. At the same time, in modern linguistics, various features of the structuring of children's monological speech remain insufficiently studied, related, in particular, to the formation of a repertoire of anaphoric means and the specifics of their use. The study of this issue will help expand the understanding of both children's speech and its features, as well as the universal mechanisms of generating oral unprepared discourse.

The **purpose** of the article is to identify and describe the distinctive features of the use of anaphoric means by children aged 5-6 years.

Materials and methods. The research material was the transcription of monologues of preschool children. Eleven people aged 5-6 years old became informants. To obtain the necessary research material, an experiment was conducted: the informants watched the cartoon Zhiharka, and then they had to retell the plot of this cartoon. The research methods used are the quantitative method, the method of discursive analysis, and the comparative method.

Results. The results of the study showed that the most actively used anaphoric means in the speech of children aged 5-6 years are the forms of the pronoun "he" and the forms of the same word, while the zero anaphora and the forms of other pronouns are almost not used. Index groups and compound nominations turned out to be the lowest-frequency means, which is probably due to the difficulties that may arise when using them.

It has been established that from the point of view of the use of anaphoric means, the speech of children aged 5-6 years differs from that of adults, since the index group of the latter occurs much more often as an anaphor, while in the speech of children this anaphoric means is one of the least frequent.

Scope of application. The results of the research can be used in psychological and pedagogical practice when working with preschoolers, as well as for the development of training courses in such disciplines as ontolinguistics, discursive analysis, etc.

Keywords: discourse; oral speech; ontolinguistics; children's speech; anaphora; anaphoric relations; anaphoric means

For citation. Aisanova, A. A., & Morozova, A. S. (2025). Forming a children's monologue discourse: use of anaphoric means in spontaneous

children's speech. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 81–102. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-493>

Введение

Сравнительно недавно в языкознании начал развиваться новый раздел, который получил название **онтолингвистика** [10; 11; 12; 15]. В центре внимания онтолингвистики находится изучение развития языковых способностей человека, приобретения и освоения им коммуникативных навыков, совершенствования речевой компетенции. Одним из ключевых понятий онтолингвистики является **детская речь** – речь ребенка, находящаяся на стадии становления, рассматриваемая в совокупности со всеми ее особенностями, обусловленными возрастом говорящего.

Исследователей, анализирующих детскую речь, интересует, в частности, то, как дети разного возраста, коммуникативные навыки которых еще находятся на стадии формирования и развития, строят дискурс [3; 13], а также то, какие различия в построении дискурса взрослыми людьми и детьми при этом можно обнаружить.

Данная статья посвящена выявлению особенностей структурирования устного монологического дискурса, связанных с выстраиванием анафорических отношений детьми 5–6 лет. Изучение анафорических отношений в спонтанной детской речи имеет большое значение для дискурсивно ориентированной лингвистики, так и для онтолингвистики, так как анафорические связи в тексте, созданные неопытным говорящим, могут иметь какие-либо особенности, выявление и изучение которых поможет больше узнать о развитии коммуникативных и дискурсивных навыков у человека.

Прежде чем рассматривать результаты исследования, остановимся на определении анафоры и анафорических отношений, а также обозначим основные элементы и виды подобных отношений.

Необходимо прежде всего отметить, что существует два омонимичных термина «анафора». В первом случае под анафорой подразумевается стилистическая фигура, заключающаяся в повторении

одинаковых элементов (звуков, слов, словосочетаний) в начале каждого параллельного ряда (стиха, строфы, прозаического отрывка) [8; 14]. Такое понимание анафоры относится прежде всего к области стилистики.

В рамках данного исследования нас интересует иное понимание термина «анафора», существующее в рамках теории референции и дискурсивного анализа. В этом случае **анафора** рассматривается как использование языковых единиц, отсылающих к введенному ранее названию объекта действительности [2].

С помощью анафоры в тексте выстраиваются **анафорические отношения** – такие отношения, которые могут быть поняты и проанализированы лишь с учетом существования введенного ранее в других, предшествующих высказываниях названия некоторого предмета действительности.

Анафора и верно выстроенные анафорические отношения являются основой текста, которая обеспечивает его структурную и логическую связанность – это неотъемлемая часть дискурса, без которой он не может существовать.

Основными элементами, вступающими в анафорические отношения, являются антецедент и анафор. **Антецедент** – это слово или именная группа, которая указывает на конкретный объект действительности. **Анафóр** – это языковая единица, которая отсылает к антецеденту. В качестве анафора могут выступать разные анафорические средства [2; 7; 9].

Существуют разные типы анафоры. Например, с точки зрения порядка употребления антецедента и анафора можно выделить катафору – тип анафоры, при котором употребляется сначала анафора, а уже потом вводится антецедент (*Куда его ни зашвырни, а бумеранг летит по кругу*).

В случае отсутствия тождества между референтами выделяют анафору равнозначности – это случаи употребления антецедента и анафорического выражения, реальные референты которых по сути не одинаковы (*Тот мужчина, который дал свой банковский чек жене, мудрее, чем тот, который дал его своей любовнице*’).

С точки зрения наличия или отсутствия антецедента можно выделить косвенную, или имплицитную, или ассоциативную анафору – это тип анафоры, при которой имя референта в предыдущих высказываниях введено не было, но упоминался такой антецедент, из которого можно вывести данный референт (*Джон стал гитаристом, так как считал, что это прекрасный инструмент*) [7].

По признаку «наличие / отсутствие анафора» можно выделить нулевую анафору – ситуацию пропуска анафора в высказывании (*Он вернулся в помещение станции. Затем Ø снял скафандр и Ø приступил к анализу результатов*) [2].

В качестве анафорических средств могут выступать существительные, указательные группы из существительных и местоимений, составные номинации, формы одного и того же слова, синонимы, однокоренные слова и пр. Самым частотным анафорическим средством являются местоимения (*он, этот, там* и пр.) [7, с. 276; 9, с. 10].

Выбор анафорического средства в высказывании обусловлен степенью активации референта, то есть тем, насколько «далеко» он в сознании говорящего: чем референт активнее, тем короче, меньше анафорическое средство. Например, если референт был употреблен недавно, то, скорее всего, говорящий использует местоимение *он*, а если референт был активирован несколько высказываний назад, то уместно будет «восстановить» его в памяти слушающего с помощью более сложного, многокомпонентного средства, которое позволит максимально точно отделить нужный референт [2].

Выбор анафорического средства влияет на снятие или, наоборот, развитие **референциального конфликта**. Референциальным конфликтом называют ситуацию, при которой невозможно однозначно определить референт анафора (*Космонавт, работавший в открытом космосе, завершил эксперимент. Затем его вызвал на связь начальник центра. Он изложил план работы на завтра* – оба референта одинакового рода, что затрудняет понимание высказывания) [2].

Таким образом, анафорические отношения представляют собой основу текста и реализуются с помощью большого разнообразия

анафорических средств, от выбора которых зависит успешное построение дискурса.

Цель работы заключается в выявлении и описании особенностей употребления анафорических средств в речи детей 5–6 лет.

Материалы и методы

Для определения репертуара анафорических средств, используемых детьми, был проведен эксперимент: одиннадцать информантов смотрели мультфильм «Жихарка», после чего они должны были пересказать сюжет данного мультфильма. Чтобы не провоцировать употребление определенных словоформ в качестве анафорических средств, проводивший эксперимент интервьюер старался не использовать номинации персонажей. Полученные монологи были расшифрованы и проанализированы.

В качестве методов исследования использованы количественный метод, метод дискурсивного анализа, сравнительный метод.

Результаты и обсуждение

В рамках данной работы проанализированы анафорические средства, используемые детьми 5–6 лет при построении анафорических отношений. Обратимся к результатам исследования. Отметим, что во всех приведенных далее примерах антецедент обозначен подчеркиванием, а интересующий нас анафор выделен жирным.

При выстраивании анафорических связей большинство информантов предпочитает использовать различные формы местоимения *он* (≈ 41 % от всего количества анафорических употреблений). См. пример

(1) Увидела зайчика, на **него** прыгнула; лиса хотела съесть девочку и зайца, а в итоге получилось, что **она** *ее* не съела.

Во многих случаях антецедент находится с анафором в разных высказываниях, см. следующий пример, в котром говорящий сначала упоминает антецедент: (2) Птица и кот уехали на... наа бал, а потом Крыфушка и = ждала их (информант не запомнил имя главной героини в связи с чем заменил его на похожее звуко сочетание). А потом пришла лиса и сказала «поиграем?», она сказала «да».

И потом они играли, а потом лиса ее утащила. <...> Затем этоо... потом они играли... там... там надо было садиться на лопату. <...> И сказала «стой, заяц», потом он остановился, «теперь, – сказала, – беги, заяц», потом уже побежала домой, закрыла двери... и окна. Потом... они вернулись. На протяжении всего рассказа в разных репликах интервьюируемый употребляет анафóр **они**, который указывает на введенных в начале *Крыфушку* и *лису* (первые три употребления) либо на *птицу* и *кота* (последнее употребление).

Возможно, данный тип анафоры (использование форм местоимения *он*) является самым высокочастотным в детской речи, так как при описании какого-либо персонажа говорящий удерживает референт активным в сознании (см. подробнее о когнитивных основаниях референциального выбора [1; 16-19]), следовательно, не считает нужным употреблять другое средство, которое бы позволило конкретизировать antecedент.

В некоторых случаях при использовании этого анафорического средства возникает референциальный конфликт из-за совпадения рода antecedентов.

(3) *Лиса хотела посадить девочку ту. И она не знает... и она не знала, как это сделать. И потом, она ей показала и... потом она засунула в печь и закрыла её.*

В данном примере antecedенты *лиса*, *девочку ту* и *печь* имеют одинаковый род, что порождает референциальный конфликт. Сам информант его не снимает, поэтому установить antecedент можно, лишь зная сюжет мультфильма.

Референциальный конфликт также может возникнуть при употреблении местоимения *они*:

(4) *Пришла лиса и украдила девочку. Потом приехали кот и воробей, лиса убежала. <...> Потом они далеко уехали от дома, и лиса схватила Жихарку, и побежали домой. Потом она... они играли в куличики.*

В данном контексте antecedенты формы *они* могут быть определены, как и в предыдущем примере, только при условии того, что слушающий знает сюжет мультфильма.

Возможно, причина того, что информанты оставляют референциальный конфликт неразрешенным, заключается в том, что в силу возраста у них еще недостаточно развита ориентация на адреса: сами говорящие понимают, о ком они говорят, потому что совсем недавно просмотрели мультфильм, а следовательно, номинации основных действующих лиц активированы в их оперативной памяти, поэтому информанты не считают нужным поддерживать местоимение другими анафорическими средствами, которые позволили бы конкретизировать референт и уточнить его для слушающего.

В качестве особого случая употребления анафорического местоимения *он* в нашем исследовании можно рассматривать следующее высказывание: (5) *Кот и... и... и птица, они, они... они девочке сказали, что не открывать дверь лисе <...> она увидела зайчика, и зайчик побежал к ней в домику. И она сказала: «Стоп, зайчик». И у... и она закрыла дверь, а потом он бежал, зайчик, от лисы.* В начале фразы введен антецедент мужского рода *кот*, в середине высказывания появляется еще один антецедент мужского рода – *зайчик*, а в конце фразы употреблено местоимение *он*, что могло бы привести к референциальному конфликту, но информант использует уточнение *зайчик*, что позволяет избежать подобного конфликта. Это может свидетельствовать о том, что говорящий ориентируется на адресата – осознает, что при употреблении словоформы *он* слушающему может быть не понятен антецедент.

В анализируемом материале обнаружено еще одно высказывание, подобное описанному выше: (6) *Лисичка бегала за зайчиком <...> лиса притворилась зайчиком, а девочка заглянула, и начали играть. Она лисичка была, девочка, а зайчиком – лисичка.* В своей первой фразе говорящий вводит антецедент *лисичка*, в другом высказывании появляется еще один антецедент женского рода – *девочка*, в конце этой же фразы употреблено местоимение *она*. Референциального конфликта удастся избежать благодаря уточнению *девочка*.

Вторым по частотности анафорическим средством являются формы слов (≈ 35 % от всего количества употреблений). См. пример.

(7) Он увидел лису, потом она хотела погнаться за ним, но у нее не получилось, потому что там были уже кот и птица. <...> когда лиса подождАла, когда они уедут, потом она подкралась в дом и потом она сказал: «Это я, зайчик». Потом она уже сказала около двери: «Лисы нету поблизости?». «Нету» – сказал заяц... переоделась который. И там уже ей сказали... девочка сказала: «Давай поиграем, во что вы в лису играли... с лисой»... <...> И потом зайчик погнался за ней, на самом деле это была лиса, когда она сделала приманку морковкой, она увидела морковку. Данный тип анафоры используется детьми довольно часто, как представляется, потому, что информанту проще выбрать одну номинацию для референта и последовательно употреблять ее, чем постоянно использовать разные слова. С помощью одного и того же слова говорящий успешно активизирует референт на протяжении всего диалога.

Следующим по частотности анафорическим средством является использование разных слов (чаще всего однокоренных) для называния одного и того же объекта ($\approx 12\%$ от всего количества употреблений). См. примеры.

(8) Она увидела зайчика, на него прыгнула. Потом заяц побежал, ну когда заметил лису, потом она заметила свой домик и сказала: «Стой, заяц», – потом он остановился. «Теперь, – сказала, – беги, заяц».

(9) Лисичка бегала за зайчиком <...> Потом лиса притворилась зайчиком, а девочка заглянула, и начали играть. Она лисичка была, девочка, а зайчиком – лисичка. <...> Эм... девочка не знает как э... к... куличиком завернуться, и лиса по... показала. И девочка ее закрыла.<...> Потом лиса выбралась из трубы, девочка убежала. <...> Ну (8) кот и воробей приехали, лиса возле двери была. <...> Выкинули лису на улицу... <...> Лиса пошла на мост и упала.

Неоднокоренные слова, имеющие один и тот же референт, встретились в речи только одного информанта.

(10) Пришла лиса и украдила девочку. Потом приехали кот и воробей, лиса убежала. Жихарка закрыла дверь <...> лиса схватила Жихарку и побежали домой. Потом она... они играли в куличики, Жихарка за... за... пер... затолкнула лису в печь. Потом она вы-

прыгнула из трубы, побежала, а Жихарка сказала: «Заяц, беги». Жихарка сказала: «Стой, стой».

В монологе данного информанта обнаружено 7 слов, референтом которого является главная героиня мультфильма, 6 из которых являются формами имени главной героини, а 1 – нарицательным существительным *девочка*.

Нулевая анафора находится на четвертом месте по частотности употребления ($\approx 5\%$ от всего количества контекстов).

(11) *К... птица и кот уехали на бал, а потом Крыфушка и= ждА-ла их <...> она вспомнила, что н... кот и птица, они скоро приедут. <...> Потом О побежала домой.*

Как представляется, низкая частотность данного средства связана с тем, что детям пока сложно отказаться от употребления анафора, так как им требуется периодическая активация референта в собственном сознании для уточнения предмета разговора.

Формы других местоимений (9 – *там*, по 1 – *туда*, *это*, *что-то*; в общем $\approx 5\%$ от всего количества употреблений) имеют такую же частотность, как и нулевая анафора. Рассмотрим примеры употребления таких местоимений в анафорической функции.

(12) *Надо было садиться на лопату <...> когда уже она **туда** с... садилась.*

(13) *Потом она сказала «Это я, зайчик» <...> на самом деле **это** была лиса.*

(14) Ин-р: *А кот и воробей что-то... сделали с...*

А.: *Ну они, ну они что-то сделали такое...*

Ин-р: *С кем?*

А.: *Они... ну... с девочкой.*

Ин-р: *А с... а... а еще... ээ, с... девочке кто угрожал-то?*

А.: *Лиса.*

Ин-р: *Лиса. А с ней?*

А.: *Заяц.*

Ин-р: *С ней кот и воробей ничего не сделали?*

А.: *Не, не, они ей настучали по гол... по... по голове: кот вот так кинул, а лисе прямо по голове прилетело.*

В последнем примере лексему *что-то* первым произносит взрослый собеседник. Местоимение *что-то* в данном контексте выступает в роли катафорического, так как под ним подразумевается действие, которое кот и воробей сделали с лисой, и это действие названо только после довольно продолжительного диалога с интервьюером.

В качестве особого случая употребления местоимения *там* можно рассматривать следующее высказывание: (15) ...*потом они играли там... там надо было садиться на лопату*. Под *там* в данном случае подразумевается 'в этой игре'. В данном высказывании обнаруживается имплицитная анафора, так как непосредственно сам антецедент *игра* назван не был, но его можно восстановить на основе предшествующего контекста, в котором используется слово *играли*.

Возможно, более низкая частотность употребления форм прочих местоимений связана с тем, что некоторые из них (*там, что-то*) отсылают не к предмету (к которому сделать отсылку проще, например, с помощью местоимения *он*), а к ситуации: подобная операция оказывается для детей 5–6 лет более сложной (с когнитивной точки зрения), чем отсылка к объекту с помощью форм местоимения *он*.

Одним из самых редких анафорических средств в высказываниях информантов оказалась указательная группа ($\approx 1\%$ от всего количества употреблений):

(16) *Эта девочка не послушалась кота с воробьём и с лисой играли* <...> *эта лиса хотела девочку украсть*.

Указательная группа *эта девочка* в приведенном выше контексте является антецедентом для всех остальных номинаций данного референта в последующих высказываниях информанта, что представляется интересным, так как обычно указательная группа используется в качестве анафора. Слово сочетание *эта лиса* антецедентом не является, его антецедент – словоформа *лисой* из предыдущего высказывания. Возможно, указательная группа встречается в речи детей реже всего из-за того, что она выполняет скорее дейктическую (указательную), а не анафорическую функцию (см. об этом подробнее [6: 74]).

Составная номинация, как и указательная группа, оказалась самым низкочастотным средством, используемым в детской речи ($\approx 1\%$ от всего количества употреблений; это средство встречается два раза в речи одного и того же информанта):

(17) *Она забыла, что она не знает дорогу домой <...> **пути-дороги** она не знает.*

В качестве особого случая употребления данного анафорического средства можно рассматривать следующее высказывание:

(18) *Заяц побежал, потом он увидел лису <...> сказала около двери: «Лисы нету поблизости?». «Нету» – сказал **заяц... переоделась который**.*

По сюжету мультфильма лиса, переодевшись в зайца, ведет диалог с Жихаркой – именно этот эпизод отражен в рассказе информанта. Употребляя составную номинацию *заяц... переоделась который*, информант говорит о лисе, при этом используя местоимение *который* в форме мужского рода (согласуя его с существительным *заяц*), а глагол *переоделась* – в форме женского рода (согласуя его со словом *лиса*, которое фактически является антецедентом в данном случае). Как представляется, информант затрудняется выбрать род, потому что точно не может определиться, поведение какого персонажа он описывает – лисы или «зайца».

Попробуем определить причины низкой частотности использования составной номинации. Возможно, это связано с тем, что детям пока сложно подобрать нужное сочетание слов для называния какого-либо объекта, тем более что составная номинация – самое объемное анафорическое средство из всех (кроме указательной группы), и, следовательно, оно требует больших речевых и когнитивных усилий.

Результаты исследования можно представить в следующей диаграмме.

Наиболее частотными анафорическими средствами в детской речи оказываются формы местоимения *он* и формы слова, в то время как нулевая анафора, формы других местоимений, указательная группа, составная номинация практически не используются. Можно сделать

следующий вывод: информанты в возрасте 5–6 лет предпочитают сложным анафорическим средствам более простые. Это может быть связано с тем, что основные референты на протяжении всего рассказа активированы в оперативной памяти говорящего (так как сюжет еще находится в сознании, поскольку мультфильм просмотрен совсем недавно), поэтому информант не считает нужным конкретизировать antecedent с помощью сложных анафорических средств (например, указательной группы), так как не ориентируется на адресата.

Анафорические средства

Рис. 1. Анафорические средства, используемые детьми 5–6 лет

Безусловно, данная работа не является единственным исследованием, посвящённым проблеме анализа анафорических отношений в детском монологическом дискурсе. Так, вопросами изучения анафоры в детской речи также занималась С. В. Краснощекова. В своих работах «Он и этот: освоение детьми указательной и анафорической функции» и «Местоименный дейксис в русской детской речи» она рассматривает особенности построения анафорических отношений в речи детей в возрасте от 1,5 до 5 лет [5; 6].

Представляется интересным сопоставить результаты нашего эксперимента с выводами, сформулированными в работах С. В. Краснощековой, для того чтобы определить степень универсальности сформулированных выше выводов. Отдельно отметим, что целью данного

сравнения является в первую очередь поиск схожих, общих для двух возрастных групп явлений, а не описание различий между ними.

С. В. Краснощёкова установила, что любые местоимения, кроме слова *он*, в спонтанной речи детей от 1,5 до 5 лет в анафорической функции употребляются редко [5, с. 211].

Анализ частотности использования анафорических средств в речи детей 5–6 лет, проведённый в рамках нашего исследования, позволил получить следующие результаты: на долю местоимения *он* приходится $\approx 89\%$ от всего количества высказываний с любыми местоимениями в анафорическом употреблении (101 контекст из 113). Доля употреблений других местоимений (*там, что-то, это, туда*) в анафорической функции составляет $\approx 11\%$ от общего количества употреблений любых местоимений в анафорической функции (12 контекстов из 113).

Следовательно, результаты, полученные в рамках нашего исследования и исследования С. В. Краснощёковой, согласуются, и местоимение *он* в анафорической функции употребляется гораздо чаще, чем любое другое местоимение, как в речи детей до 5 лет, так и в речи детей 5–6 лет.

Коротко остановимся на выявленных различиях между результатами нашей работы и исследования С. В. Краснощёковой. С. В. Краснощёкова отмечает, что в подавляющем большинстве контекстов местоимение *он* в анафорической функции расположено в следующей реплике после антецедента, однако это не в полной мере согласуется с результатами нашего эксперимента [5, с. 148]: дети 5–6 лет способны на построение довольно длинного монолога, на протяжении которого могут использовать местоимение *он* спустя несколько реплик после введения антецедента.

С. В. Краснощёкова также отмечает возможность возникновения референциального конфликта в детской речи. Определяя причину, по которой дети не снимают этот конфликт, она предполагает, что ею является неправильное представление информанта о видении ситуации слушающим, тогда как мы считаем, что причиной референциального конфликта является отсутствие ориентации на адресата: ребенок сам

понимает, о ком он говорит, и не считает нужным употреблять анафорические средства, конкретизирующие референт.

Установлено, что местоимение *этом* (3 % от количества контекстов с *он* и *этом* по результатам исследования С. В. Краснощековой) в анафорической функции используется детьми до 5 лет гораздо реже, чем местоимение *он* (97 % от количества контекстов с *он* и *этом*).

В речи детей 5–6 лет 98 % от всего количества высказываний с местоимениями *он* и *этом* (101 контекст из 103) составляют примеры с формами местоимения *он*, в то время как конструкции с формами указательного местоимения *этом* в анафорической функции составляют \approx 2 % от всего количества высказываний с *он* и *этом* (2 контекста из 103).

Следовательно, результаты нашего исследования и исследования С. В. Краснощековой согласуются, и местоимение *этом* в анафорической функции практически не встречается в речи детей до 5 лет и информантов 5–6 лет. Это может быть связано с тем, что данное слово в детской речи чаще выполняет указательную, а не анафорическую функцию [5, с. 73].

Таким образом, выводы С. В. Краснощековой, касающиеся употребления анафорических средств в спонтанной детской речи, согласуются с результатами нашего исследования.

Для более полного описания особенностей выстраивания анафорических отношений в речи детей этого возраста также требуется сопоставление результатов, полученных во время исследования речи детей 5–6 лет, с данными, полученными в процессе изучения анафорических средств в спонтанной речи взрослых людей.

На основе анализа результатов исследования, описанных в работе О. Н. Красавиной [4; 20], установлено, что с точки зрения выстраивания анафорических отношений речь детей несколько отличается от речи взрослых людей [4, с. 51].

Так, например, указательная группа в качестве анафорического средства используется взрослыми гораздо чаще, чем детьми. В детской же речи чаще встречается нулевая анафора, в то время как указательная группа является одним из наименее частотных анафорических средств.

Заключение

В результате анализа расшифровок монологов одиннадцати детей 5–6 лет установлено, что дети этого возраста в своей речи используют такие анафорические средства, как формы местоимения *он*, формы слова, разные слова, нулевую анафору, формы других местоимений, указательную группу и составную номинацию.

Среди анафорических средств самыми активно используемыми являются формы местоимения *он* ($101 \approx 41\%$), формы слова ($84 \approx 35\%$) и разные слова ($29 \approx 12\%$), промежуточное положение занимают нулевая анафора ($13 \approx 5\%$) и формы других местоимений ($12 \approx 5\%$), а указательная группа ($2 \approx 1\%$) и составная номинация ($2 \approx 1\%$) практически не употребляются.

В рамках исследования проанализированы примеры особых случаев выстраивания анафорических отношений (возникновение референциального конфликта, введение уточняющего референт существительного после употребления формы местоимения *он* и т. д.).

Рассмотрены также нетипичные для детской речи случаи использования анафорических средств, таких как указательная группа и составная номинация. Данные средства встретились лишь в 4 контекстах (по 2 на каждое средство) из 234. Низкая частотность их употребления связана, вероятнее всего, со сложностью использования данных анафорических средств.

В статье представлено сравнение результатов данного исследования с результатами работы С. В. Краснощековой. Установлено, что все выводы С. В. Краснощековой, касающиеся употребления анафорических средств в речи детей до 5 лет, согласуются с результатами нашего исследования.

Сравнение выводов нашего исследования и результатов, описанных в работе О. Н. Красавиной, показало, что указательная группа в качестве анафорического средства используется взрослыми гораздо чаще, чем детьми. В детской же речи чаще встречается нулевая анафора, в то время как указательная группа является одним из наименее частотных анафорических средств.

Дальнейшее изучение и сопоставление речи взрослых и детей этого возраста с точки зрения выстраивания анафорических отношений поможет выявить причины описанных выше различий.

К перспективам исследования можно отнести изучение анафорических отношений в речи детей других возрастов и речи детей-билингвов этого же возраста, а также сопоставительный анализ полученных результатов. В рамках дальнейшего изучения речи детей 5–6 лет возможно расширение круга анализируемых дискурсивных явлений, рассмотрение особенностей ведения детьми диалога и др. Все вышесказанное поможет изучить и описать процесс освоения языка, а также выявить различные особенности, которые могут обнаруживаться на разных этапах овладения им.

Результаты исследования также позволяют сформулировать некоторые методические рекомендации для для улучшения речевой компетенции у детей дошкольного возраста. Так, для развития умения осознавать и снимать референциальный конфликт в процессе диалога с детьми взрослый может применять операцию переспроса. Это поможет указать ребенку на возникновение неясности, коммуникативную неудачу, а также постепенно сформирует у него ориентацию на адресата, разовьет способность конкретизировать антецедент с помощью более сложных средств.

Список литературы

1. Кибрик, А. А. (2003). *Анализ дискурса в когнитивной перспективе* (автореф. дис. ... д-ра филол. наук). Москва. 90 с. EDN: <https://elibrary.ru/QDXH1H>
2. Кибрик, А. А. (2025). Анафора. *Энциклопедия «Кругосвет»*. Получено с https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ANAFORA.html (дата обращения: 20.05.2025)
3. Кибрик, А. А., & Подлеская, В. И. (2009). Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования. В кн.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009»* (с. 390–395). Москва: Изд-во РГГУ.

4. Красавина, О. Н. (2004). Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе. *Вопросы языкознания*, (3), 51–68. EDN: <https://elibrary.ru/OTWTTL>
5. Краснощекова, С. В. (2016). *Местоименный дейксис в русской детской речи* (дисс. на соискание учёной степени канд. филол. наук). Санкт-Петербург. 273 с. EDN: <https://elibrary.ru/VLWMEF>
6. Краснощекова, С. В. (2012). Он и этот: освоение детьми указательной и анафорической функции. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 1(36), 72–75. EDN: <https://elibrary.ru/PBYPRH>
7. Кронгауз, М. А. (2005). *Семантика*. Москва: Издательский центр «Академия». 352 с.
8. Никитина, С. Е., & Васильева, Н. В. (1996). *Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов*. М.: ИЯЗ РАН. 171 с.
9. Падучева, Е. В. (1985). *Высказывание и его соотносённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука. 276 с.
10. Проблемы онтолингвистики – 2007: материалы международной конференции (21–22 мая 2007 г., Санкт-Петербург). (2007). Санкт-Петербург: Златоуст. 224 с.
11. Проблемы онтолингвистики – 2009: материалы международной конференции (17–19 июня 2009 г., Санкт-Петербург). (2009). Санкт-Петербург: Златоуст. 388 с.
12. Проблемы онтолингвистики – 2013: материалы международной научной конференции (26–29 июня 2013 г., Санкт-Петербург). (2013). Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена. 528 с.
13. Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. (2009). Москва: Языки славянских культур. 736 с.
14. Розенталь, Д. Э., & Теленкова, М. А. (1976). *Словарь-справочник лингвистических терминов*. Москва: Просвещение. 543 с.
15. Цейтлин, С. Н. (2000). *Язык и ребенок: лингвистика детской речи*. Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС. 240 с. ISBN: 5-691-00527-8 EDN: <https://elibrary.ru/RTRLGJ>
16. Kibrik, A. A. (2020). Language, cognitive systems, and the methodology of observation. *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics*, 1358, 3–16.

17. Kibrik, A. A., Khudyakova, M. V., Dobrov, G. B., & Linnik, A. S. (2013). Referential choice: Factors and modeling. *LATEUM 2013. Conference proceedings*, 16–21.
18. Kibrik, A. A. (2013). Peculiarities and origins of the Russian referential system. В кн.: *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska* (с. 239–274). Берлин: Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110331127.227> EDN: <https://elibrary.ru/WNLJVX>
19. Kibrik, A. A., Dobrov, G. B., Khudyakova, M. V., Loukachevitch, N. V., & Pechenyj, A. (2013). A corpus-based study of referential choice: Multiplicity of factors and machine learning techniques. *Text Processing and Cognitive Technologies*, (20), 118–126.
20. Krasavina, O. N., & Chiarcos, Ch. (2007). PoCoS — Potsdam Coreference Scheme. In *Proceedings of the Conference of the Association for Computational Linguistics*, Прага, Чехия, с. 156–163. <https://doi.org/10.3115/1642059.1642084>

References

1. Kibrik, A. A. (2003). *Discourse analysis in a cognitive perspective* (doctoral dissertation abstract). Moscow. 90 p. EDN: <https://elibrary.ru/QDXHIIH>
2. Kibrik, A. A. (2025). Anaphora. *Encyclopedia “Krugosvet”*. Retrieved from https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ANAFORA.html (Accessed: May 20, 2025)
3. Kibrik, A. A., & Podlesskaya, V. I. (2009). Discourse markers in oral storytelling: a corpus-based study. In *Computer linguistics and intelligent technologies: Proceedings of the annual international conference “Dialogue 2009”* (pp. 390–395). Moscow: RGGU Publishing House.
4. Krasavina, O. N. (2004). Usage of demonstrative phrases in Russian narrative discourse. *Voprosy Yazykoznaniya*, (3), 51–68. EDN: <https://elibrary.ru/OTWTTL>
5. Krasnoschekova, S. V. (2016). Demonstrative deixis in Russian child speech (doctoral dissertation). Saint Petersburg. 273 p. EDN: <https://elibrary.ru/VLWMEF>
6. Krasnoschekova, S. V. (2012). “He” and “this”: acquisition of pointing and anaphoric functions by children. *Bulletin of Cherepovets State University*, 1(36), 72–75. EDN: <https://elibrary.ru/PBYPRH>

7. Krongauz, M. A. (2005). *Semantics*. Moscow: Izdatel'skii tsentr "Akademiya". 352 p.
8. Nikitina, S. E., & Vasilyeva, N. V. (1996). *Experimental systematic dictionary of stylistic terms*. Moscow: IYaR RAN. 171 p.
9. Paducheva, E. V. (1985). *Statement and its relation to reality: Referential aspects of pronoun semantics*. Moscow: Nauka. 276 p.
10. Problems of Ontolinguistics – 2007: Proceedings of the International Conference (May 21–22, 2007, Saint Petersburg). (2007). Saint Petersburg: Zlatoust. 224 p.
11. Problems of Ontolinguistics – 2009: Proceedings of the International Conference (June 17–19, 2009, Saint Petersburg). (2009). Saint Petersburg: Zlatoust. 388 p.
12. Problems of Ontolinguistics – 2013: Proceedings of the International Scientific Conference (June 26–29, 2013, Saint Petersburg). (2013). Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University. 528 p.
13. Stories About Dreams: Corpus Study of Oral Russian Discourse. (2009). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. 736 p.
14. Rozental', D. É., & Tel'enkova, M. A. (1976). *Dictionary-guide of linguistic terms*. Moscow: Prosveshchenie. 543 p.
15. Tzeitlin, S. N. (2000). *Language and child: Linguistics of child speech*. Moscow: Humanitarian Publishing Center VLADOS. 240 p. ISBN: 5-691-00527-8 EDN: <https://elibrary.ru/RTRLGJ>
16. Kibrik, A. A. (2020). Language, cognitive systems, and the methodology of observation. *Advances in Cognitive Research, Artificial Intelligence and Neuroinformatics*, 1358, 3–16.
17. Kibrik, A. A., Khudyakova, M. V., Dobrov, G. B., & Linnik, A. S. (2013). Referential choice: Factors and modeling. *LATEUM 2013. Conference Proceedings*, 16–21.
18. Kibrik, A. A. (2013). Peculiarities and origins of the Russian referential system. In *Languages Across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska* (pp. 239–274). Berlin: Mouton de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110331127.227> EDN: <https://elibrary.ru/WNLJVX>
19. Kibrik, A. A., Dobrov, G. B., Khudyakova, M. V., Loukachevitch, N. V., & Pechenyj, A. (2013). A corpus-based study of referential choice:

- multiplicity of factors and machine learning techniques. *Text Processing and Cognitive Technologies*, (20), 118–126.
20. Krasavina, O. N., & Chiarcos, Ch. (2007). PoCoS – Potsdam Coreference Scheme. In *Proceedings of the Conference of the Association for Computational Linguistics*, Prague, Czech Republic, pp. 156–163. <https://doi.org/10.3115/1642059.1642084>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Айсанова Александра Андреевна, доцент, кандидат филологических наук
Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
aleksandracheva@yandex.ru

Морозова Александра Сергеевна, студент
Иркутский государственный университет
ул. Карла Маркса, 1, г. Иркутск, 664003, Российская Федерация
morozov.aleksandra2002@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Aleksandra A. Aisanova, Associate Professor, Ph.D. in Philology
Irkutsk State University
1, Karla Marksa Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
aleksandracheva@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2409-7519>

Aleksandra S. Morozova, student
Irkutsk State University
1, Karla Marksa Str., Irkutsk, 664003, Russian Federation
morozov.aleksandra2002@yandex.ru

Поступила 22.05.2025
После рецензирования 16.06.2025
Принята 20.06.2025

Received 22.05.2025
Revised 16.06.2025
Accepted 20.06.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-496 EDN: VRZVPL
УДК 811.111-26

Научная статья |
Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Г.К. Гималетдинова, А.Р. Алимова

Аннотация

Обоснование. Реклама как неотъемлемый атрибут экономической, социальной и культурной составляющих современного общества, диктует необходимость многоаспектного изучения коммуникации, участниками которой являются рекламодатель, автор рекламного текста и целевая аудитория. Успех рекламной коммуникации зависит от правильного выбора именно тех лингвостилистических приемов и средств, которые соответствуют, во-первых, ценностям культуры потенциальной целевой аудитории, во-вторых, жанрово-стилистическим особенностям рекламного дискурса, в-третьих, цели рекламной коммуникации – произвести желаемое воздействие на адресата.

Цель – систематизация лингвостилистических особенностей рекламной коммуникации в современном английском языке.

Материалы и методы. В качестве материала исследования выбраны рекламные тексты двух тематических групп: парфюмерии и часов. Изучено 61 рекламное сообщение, на материале отобранных текстов выявлено 144 случая использования стилистически маркированных выразительных средств на фонетическом, морфемном, лексическом и синтаксическом уровнях языка. Материал отбирался методом сплошной выборки из открытых источников сети Интернет. Для изучения аргументативной составляющей рекламного текста применялся метод коммуникативно-прагматического анализа, для систематизации средств выразительности – метод стилистического анализа.

Результаты. Описаны особенности разноуровневых стилистических приемов и средств, характерных для рекламной коммуникации, выявлены механизмы повышения аргументативности рекламного сообщения в целях эмоционального воздействия на потенциального потребителя. Одной из особенностей рекламной коммуникации является частотность использования лексических стилистических средств для передачи замысла автора рекламного сообщения адресату, в том числе эмоционального посыла. Как показал проанализированный материал, это объясняется широкими возможностями лексического уровня для создания ярких образов, воздействующих на воображение потребителя, что особенно актуально для рекламы. Исследование рекламной коммуникации на материале выбранных тематических групп товаров (парфюмерия и часы) позволило выделить культурно значимые установки, к которым апеллирует рекламный текст, и доказать, что языковая сторона рекламного сообщения – значимый инструмент влияния на сознание, эмоции и поведение потребителей.

Ключевые слова: рекламный текст; рекламная коммуникация; лингвостилистика; стилистический прием; аргументативность; персуазивность; эмоциональное воздействие

Для цитирования. Гималетдинова, Г. К., & Алимова, А. Р. (2025). Лингвостилистические особенности современной англоязычной рекламной коммуникации. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 103–123. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-496>

Original article | Theoretical, Applied and Comparative Linguistics

LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF MODERN ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING

G.K. Gimaletdinova, A.R. Alimova

Abstract

Background. Advertising has become an integral part of economic, social and cultural life of modern society. This fact makes it necessary to

apply a multi-aspect approach to study advertising communication, the participants of which are the advertiser, the author of the advertising text and the target audience. The success of advertising communication depends on various factors, including the relevant choice of linguostylistic techniques and language means. These must comply with the cultural norms and values of the target audience, correspond to the genre and stylistic features of the advertising discourse and fit the goal of advertising communication – to produce the desired effect on the consumer.

The **purpose** of the study is to systematize the linguostylistic features of advertising communication in modern English.

Materials and methods. The study was conducted on the material of advertising texts of two thematic groups: perfumery products and watches. The authors used the continuous sampling method to analyse 61 advertising message and identified 144 examples of stylistically marked expressive means and stylistic devices at the phonetic, morphemic, lexical and syntactic levels of the language. The main methods used in the research include the communicative-pragmatic analysis which helped to study argumentation as a fundamental aspect of advertising, and the method of stylistic analysis.

Results. The research described the features of various expressive means and stylistic devices at all levels of the language. The authors identified the effective tools used by authors to increase the persuasion of an advertising message and have the emotional impact on a potential consumer. The findings showed that the relevant feature of advertising communication is the frequency of using lexical stylistic means to deliver the author's idea to the addressee. This can be explained by ample opportunities of the lexical level for creating vivid imagery that affects the consumer's imagination, which is exceptionally relevant to advertising. The study of advertising communication allowed us to identify culturally significant norms and values to which the advertising text appeals. Thus, the research proved that the linguistic component of the advertising message is a significant tool that affects the consciousness, emotions and behavior of consumers.

Keywords: advertising text; advertising communication; linguistic stylistics; stylistic device; argumentativeness; persuasiveness; emotional impact

For citation. Gimaletdinova, G. K., & Alimova, A. R. (2025). Linguistic and stylistic features of modern english-language advertising. *Sovremen-*

nye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 103–123. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-496>

Введение

Роль рекламной коммуникации в современном обществе сложно переоценить. При этом понятия «реклама» и «рекламная коммуникация» не следует рассматривать как тождественные, поскольку они соотносятся как форма и процесс соответственно. Если рассматривать рекламу как сообщение, состоящее из определенного набора знаков, символов, вербальной и невербальной информации, то есть представляющее *форму* продвижения товара или услуги, то рекламная коммуникация представляет собой сложный *процесс* передачи закодированной информации адресату. При этом наличие отклика со стороны адресата выступает измерителем успеха, а значит, эмоциональная составляющая рекламного сообщения выступает доминантой. Еще одним ключевым термином теории рекламоведения является *рекламный дискурс*, изучающий не только язык, но и контекст коммуникации в сфере рекламы [12; 13; 14]. Рекламный дискурс трактуется как «единство результата языковой профессиональной деятельности в сфере рекламы и процесса осуществления данной деятельности с учетом ее социальных, культурных, прагматических особенностей и иных релевантных экстралингвистических факторов» [3, с. 47].

В исследованиях, посвященных разноаспектному изучению рекламы, отмечается, что «реклама является также одним из средств популяризации национальной культуры, которая в рекламных текстах передается с помощью различных лингвистических и экстралингвистических средств. Для достижения цели рекламного текста необходимо учитывать особенности менталитета, культуры и жизненного уклада целевой аудитории» [7, с. 3]. Рекламная коммуникация в современной мире не ограничена рамками исключительно коммерческих отношений, а рассматривается как эффективный механизм, имеющий значительную степень влияния на социально-общественные процессы. Любое рекламное сообщение разрабатывается в

соответствии с действующими законами и правилами, а также с культурным наследием общества, для которого оно предназначено [15, р. 372]. В междисциплинарном исследовании группы зарубежных авторов [11] проанализирован опыт стратегического использования компаниями иностранных языков в рекламном тексте и сделан вывод о том, что с точки зрения эффективности эта стратегия коммуникации дает отличные результаты по сравнению с использованием родного языка. В частности, в исследовании указывается, что адресату обязательно понимать содержание сообщения на иностранном языке, так как более значимым в рекламной коммуникации выступает символическая структура языка и социокультурные ассоциации, которые люди приписывают продукту на основе стереотипов, связанных с языком и/или страной его происхождения. Однако критический фактор заключается в способности получателя правильно идентифицировать используемый язык: понимание содержания сообщения не имеет решающего значения, однако неспособность точно идентифицировать иностранный язык приводит к ошибочным символическим ассоциациям с продуктом, что приводит к неэффективной рекламной коммуникации [11, р. 85-86].

Осуществление рекламной коммуникации нередко сопровождается созданием текста, в котором особая роль отводится стилистическим приемам и средствам художественной выразительности, а сам «язык рекламы постоянно требует обновления, так как выразительные средства изнашиваются и, быстро распространяясь, начинают воспроизводиться механически» [4, с. 203]. Задача автора рекламного текста – верно прогнозировать воздействующую силу используемых языковых и речевых средств, так как ошибки могут привести к отторжению рекламируемого продукта, а следовательно, к неудачной рекламной коммуникации.

Согласно коммуникативной модели Романа Якобсона [10, с. 203], в структуре текста могут быть реализованы и подвергнуты лингвистическому анализу шесть функций: коммуникативная (референтивная), апеллятивная, поэтическая, экспрессивная, фатическая и метаязыковая. Полагаем, эти функции применимы и к рекламному

тексту. В частности, целью экспрессивной (эмотивной) функции выступает выражение чувств и эмоций, в рекламном сообщении она реализуется посредством использования экспрессивной лексики, средств выразительности, способствующих созданию определенного настроения и формированию привлекательного образа продукта или услуги. Апеллятивная функция, целью которой является обращение к адресату и побуждение к действию, в рекламном тексте реализуется посредством использования форм повелительного наклонения, риторических вопросов, а также иных языковых средств, выражающих призыв к действию. Фатическая функция, обеспечивающая установку, поддержание контакта между коммуникатором и адресатом, выражается путем использования личных местоимений, прямых обращений. Поэтическая (риторическая) функция, фокусирующая внимание на форме сообщения, его эстетической составляющей, в рекламной коммуникации основана на ритмической организации сообщения, использовании рифмы, каламбуров, игры слов и других стилистических приемов. Подобные средства нередко используются для создания рекламных слоганов и способствуют запоминаемости рекламы.

Современная англоязычная реклама представляет собой лингвистически сложный тип коммуникации, в котором сочетаются черты различных функциональных стилей и выполняющее широкий спектр задач, направленных на привлечение внимания, убеждение и формирование оценочных установок. Лингвистический анализ рекламной коммуникации позволяет выявить специфику языковых средств, используемых для воздействия на сознание адресата и моделирования его картины мира.

Обзор новейших научных исследований, посвященных рекламной коммуникации в различных сферах современного общества, показал, что она становится объектом специального рассмотрения в таких областях, как социология, философия, психология, экономика и др. Диссертационные исследования в области филологии обращают внимание на актуальность изучения лингвистической составляющей рекламного текста, связывая это с «все возрастающим вниманием современной лингвистической науки к структурным,

функциональным и языковым особенностям рекламных текстов, представляющих собой важный элемент сложной многокомпонентной рекламной индустрии» [8, с. 3]. Актуально изучение лингвокультурных, лингвокогнитивных, лингвориторических и лингвопрагматических аспектов рекламной коммуникации на различном эмпирическом материале [1; 5; 6; 9]. Так, например, в результате лингвопрагматического анализа рекламы в сфере туризма доказан высокий потенциал лексических единиц с этнокультурным компонентом значения, посредством которого повышается манипулятивный потенциал и реализуется аттрактивная функция рекламного текста [5, с. 25]. В результате разработки лингвориторической аргументативной модели рекламного текста отмечено, что лингвориторический характер отдельных параметров «обусловлен тем, что при обращении к целевой аудитории предъявлении риторических аргументов, реализации аргументативных стратегий прецедентности и поликодовости осуществляется замысел адресанта с целью воздействия на адресата (риторическое действие), а в качестве инструмента воздействия используются языковые средства» [1, с. 19]. Изучение вирусной рекламы в социальных сетях и обращение непосредственно к лингвистической составляющей вирусной рекламы позволило прийти к выводу о необходимости учета лингвокогнитивных характеристик рекламного текста, при этом маркерами эффективности служат фонетические, лексические, синтаксические и морфологические средства выразительности [9].

Англоязычная реклама и рекламная коммуникация, к которой мы обращаемся в данном исследовании, требуют специального рассмотрения именно с точки зрения языковой и речевой составляющих. Это продиктовано появлением на современном этапе развития английского языка неологизмов, новых форм выражения оценочности, эмотивности, экспрессивных форм, блендов и других языковых средств, в контексте рекламной коммуникации превращающихся в инструмент манипулятивного воздействия. О.А. Ксензенко обозначает «изучение особенностей использования языковых единиц в рекламной коммуникации с учетом разнообразных условий их

употребления в данном коммуникативном пространстве» как одну из важнейших задач лингвистического рекламоведения [3, с. 48].

Цель нашего исследования заключается в выявлении и систематизации лингвистических средств, используемых в англоязычной рекламной коммуникации. Достижение поставленной цели позволяет уточнить стилистические особенности рекламы и выявить наиболее эффективные каналы эмоционального воздействия на потребителя в рекламной коммуникации как одной из важнейших форм социальной коммуникации.

Материалы и методы

Для проведения исследования авторы изучили англоязычные вербальные и вербально-визуальные рекламные сообщения (тексты) двух тематических направлений: парфюмерия и часы. Рассматривались рекламные сообщения, датируемые не ранее 2000 года, материал отбирался методом сплошной выборки из открытых источников сети Интернет и печатных источников: изучены официальные сайты компаний, журналы, содержащие рекламу указанных товаров, интернет-блоги и др. Общее количество проанализированных рекламных текстов составило 61 единицу. Метод коммуникативно-прагматического анализа использовался в исследовании в процессе изучения аргументативной функции рекламного текста. С применением метода стилистического анализа авторы систематизировали обнаруженные в рекламном тексте языковые средства, преимущественно средства выразительности. Описательный метод применялся в ходе классификации материала и его количественной обработки. В результате изучения отобранных текстов выявлено 144 случая использования тех или иных выразительных средств.

В отличие от коммерческих рекламных роликов, передающих замысел авторов-создателей преимущественно посредством визуального и звукового сопровождения, рекламные тексты в полной мере полагаются только на тот арсенал языковых средств, которые можно распределить между 4 языковыми уровнями: фонетическим, морфемным, лексическим и синтаксическим.

Результаты и обсуждение

В результате анализа 61 рекламного сообщения мы обнаружили 144 случая применения стилистических приемов и средств выразительности, при этом все уровни языка в той или иной степени задействованы авторами рекламных текстов, но по-разному используются в рекламной коммуникации для создания эмоционального воздействия на целевую аудиторию и повышения экспрессивного эффекта. Таким образом, эффективность успешной рекламной коммуникации обеспечивается тщательным отбором языковых средств выразительности. К основным характеристикам англоязычного рекламного сообщения относятся лаконичность и точность, выразительность и использование языковых средств, способствующих привлечению внимания, аргументативности и персуазивности. Эти характеристики реализуются посредством актуализации определенных языковых средств на том или ином уровне языка: фонетическом, морфологическом (морфемном), лексическом, и синтаксическом.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, представлены на Рис. 1.

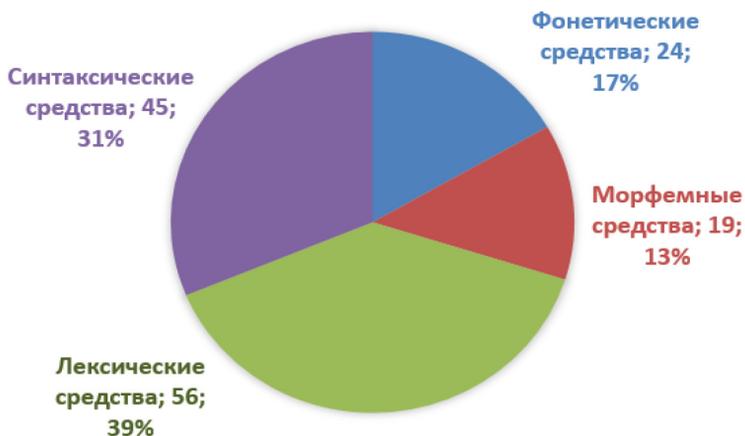

Рис. 1. Частотность использования средств эмоционального воздействия в рекламном тексте на разных уровнях языка

Как показано на диаграмме (Рис. 1), наибольшее распространение в рекламном тексте имеют лексические языковые средства.

При помощи лексического уровня языка авторы стремятся вызвать у потенциального потребителя эмоциональный отклик и убедить в исключительности рекламируемого товара. На 8% меньше обнаружено случаев создания выразительности и аргументативности синтаксическими средствами. Фонетический уровень языка значительно уступает лексическому и синтаксическому, наименьшее распространение обнаружено в случае с морфологическими средствами. Рассмотрим использование разноуровневых языковых средств на конкретных примерах.

Фонетический языковой уровень

Из числа проанализированных нами примеров особенно эффективным с точки зрения эмоционального воздействия является использование аллитерации и ассонанса, сочетающихся с повторами, что приводит к определенному акустическому эффекту. Например, в рекламном тексте парфюмерии *Avon Attraction* аллитерация и ассонанс создают акустический эффект близости, доверительности, эмоционально положительно воздействуют на реципиента, а перечисление экзотических ингредиентов подчеркивает уникальность и высокое качество рекламируемого продукта:

This sultry cocktail of jasmine sambac, amber and black cherry, smells expensive (but thankfully, isn't). – Этот знойный коктейль из жасмина самбак, амбры и черной вишни пахнет дорого (но, к счастью, это не так).

Принцип стилистической конвергенции достигается в рекламном тексте для духов *Carven Love Light* в результате сочетания фонетического приема аллитерации (повтор звуков [s] и [p]) с использованием эпитетов (*sparkling scents* – искрящие ароматы, *effervescent eaus* – шипучие воды), и образного выражения (*steal the spotlight* – стать центром внимания, стать изюминкой):

These SPARKLING SCENTS AND EFFERVESCENT EAUS are impossible to resist – STEALING THE SPOTLIGHT at any occasion.

Фонетическое оформление рекламного текста особенно актуально для рекламных слоганов, так как при их краткости и лаконичности особенно важно каждое слово, деталь или звук. Следующий

пример рекламы женского аромата от компании *DKNY* наглядно показывает удачное сочетание ассонанса и рифмы, что производит эмоциональный эффект и повышает запоминаемость слогана:

TAKE A BITE OUT OF LIFE! The new limited edition. BE DELICIOUS.

Аллитерация становится центральным приемом, используемым часовой компанией *TISSOT* при создании коротких рекламных слоганов. Согласные звуки [t] и [s], а также буквы 't' и 's' присутствуют как в названии самой торговой марки '*Tissot*', так и в тексте рекламы, причем обращают на себя внимание не только с точки зрения фонетического оформления слоганов (важно при прочтении текста вслух), но и графического (важно при зрительном восприятии текста):

Touching the time.

This is your time.

A striking Swiss made style statement.

Swiss made perfect in every situation.

It's time for celebrations.

Выявленные фонетические приемы и средства выразительности успешно справляются с задачей привлечения внимания потенциального потребителя к рекламируемому продукту.

Морфологический (морфемный) языковой уровень

Отмечены следующие случаи актуализации морфемного уровня для достижения экспрессивности и эмоционального воздействия в рекламном тексте:

1) Использование морфемного повтора для логико-эмоционального выделения сообщаемого, что сопровождается ритмичностью высказывания, созданием антитез, контрастов и парадокса.

Рассмотрим пример рекламы духов *BOSS ALIVE*:

ENHANCE YOUR LUST FOR LIFE

Celebrating the boldness of women everywhere, BOSS ALIVE perfumes invite everyone to embrace the moments when they feel most intensely alive. Joyful and confident in equal measure, BOSS ALIVE scents are for those who dare to live life passionately.

Ключевое понятие, легшее в основу философской концепции парфюмерной линии, – жизнь (*life*). Существительное *life* выступает не только центральным концептом, но и ключевой морфемой, вокруг которой выстраивается цепочка однокоренных слов, а также сочетаний с использованием повторяющейся на протяжении всего текста морфемы *life*: *Alive* (название серии парфюмерной воды) – *feel alive* (чувствовать себя живым) – *live life* (прожить жизнь) – *enhance lust for life* (усилить жажду жизни). Таким образом, повтор морфемы акцентирует внимание на ключевой концепции, призывает к выбору продукции, способной наполнить реципиента жизнью, получить от жизни истинное наслаждение.

Сочетание антонимичных понятий в виде лексем *good* (хороший) и *bad* (плохой) – изюминка рекламного текста аромата с провokasiонным названием *BAD BOY* (Плохой мальчик) от Каролины Эррера:

BAD BOY. CAROLINA HERRERA. NEW YORK. COBALT ELIXIR. THE MASCULINE FRAGRANCE. GOOD TO BE BAD.

Повтор морфемы *bad*, а также использование антонима *good* в утверждениях '*bad boy*' и '*good to be bad*' создает игру слов и контраст значений, двойственность, неоднозначность понятий хорошее/ плохое, что в конечном итоге олицетворяет смелую натуру современного мужчины.

Компоненты фразовых глаголов, столь широко распространенных в современном английском языке, также служат источником вдохновения для создателей рекламных текстов. Например, реклама часов компании *Tiffany & Co. TIFFANY CARAT 128 AQUAARINE* иллюстрирует возможности привлечения внимания целевой аудитории и придания уникальности продукту при помощи антонимичных морфем *in* и *out*, используя их в составе фразовых глаголов *blend in* и *stand out*:

Some watches blend in, while others stand out. This one is undoubtedly in the latter category. – Некоторые часы сливаются с общей массой, а другие выделяются. Эти часы, несомненно, относятся к последней категории.

2) Создание игры слов посредством окказионализмов (при помощи морфем).

В рекламе смарт-часов от компании *TIMEX* наблюдаем повтор морфемы *smart*: в первом случае это стилистически нейтральный компонент слова *smartwatch* – смарт-часы/ умные часы, во втором (*more just being smart* – больше, чем просто умные) – эпитет, повышающий выразительность высказывания и ценность рекламируемого продукта:

TIMEX Smartwatch. Not another fitness tracker. Not another watch. INTRODUCING THE NEW TIMEX BLINK. ADVANCED WEARABLE TECHNOLOGY. LEGACY. WATCH. CRAFTSMANSHIP. Because a watch needs to be much more than just being smart.

Компания *Yves Saint Laurent (YSL)*, предлагающая технологию в виде полисенсорного поиска ароматов, при создании рекламы своей услуги *ScentSation* (окказионализм по аналогии с *sensation*) использует игру слов на основе морфем *scent* и *smell*:

ScentSation

A polysensorial fragrance finder that will trigger your sense of smell unexpectedly How can we smell without smelling? At YSL Fragrances we take radical pleasure in rewriting fragrance experiences with avant-garde technology that shakes emotions. More than a traditional questionnaire, Scent SATION is a polysensorial experience. Created in collaboration with a team of scientists who have identified what we thought, up to now was impossible to grasp. Discover your unique YSL fragrance match among YSL Beauty's portfolio. Your unique recommendation matches your personality and your mood. Get ready to awaken your senses.

Таким образом, морфемный уровень решает важные задачи рекламной коммуникации в сочетании с другими уровнями языка, преимущественно лексическим. Удачная находка автора рекламного текста может превратить простой повтор морфемы в действительно важный компонент текста, в особенности если морфема используется для создания окказиональных единиц или для актуализации содержательно значимых, ключевых понятий текста. Ре-

зультаты проведенного нами исследования согласуются с выводами исследователей, отмечающих возможности морфологического языкового уровня для составления эффективных рекламных слоганов [2, с. 279].

Лексический языковой уровень

Лексическое наполнение рекламного текста в первую очередь связано с использованием эмотивной лексики, лексических стилистических приемов и средств, а также с контекстно обусловленной актуализацией слов той или иной части речи. Приведем некоторые примеры.

В рекламе *BLEU DE CHANEL Eau de Parfum* эмоциональное воздействие на потенциального покупателя достигается благодаря использованию стилистических приемов олицетворения (*Eau de Parfum whispers* – аромат шепчет), эпитетов (*blue oceans* – синие океаны, *sun-warmed woods* нагретые солнцем леса и *timeless dance* – вечный танец) и метафоры (*a dance of citrus and cedar that liberates the senses* – танец цитрусовых и кедра, который освобождает чувства):

Bleu de Chanel Eau de Parfum whispers of deep blue oceans and sun-warmed woods, a timeless dance of citrus and cedar that liberates the senses.

В рекламе наручных часов *Bulova* экспрессивный эффект достигнут благодаря использованию синонимичных понятий *fly* (лететь) и *soar* (взлететь, парить), при этом первое использовано в старшей идиоме *time flies* (время летит), а второе – в ярком, экспрессивно окрашенном переносном значении ‘высоко лететь, вознестись’:

Time flies. Bulova soars. – Время летит. Bulova высоко взлетает.

Таким образом, *Bulova soars* – метафора, ассоциирующая бренд с высотой, успехом и амбициями.

Как показал проанализированный материал, наиболее полно лексический уровень проявляет себя в отношении выбора эмотивной и оценочной лексики, используемой для эмоционального воздействия на потребителя.

Мы сравнили частотность использования различных частей речи в рекламных текстах и выявили, что чаще всего авторы прибегают к использованию прилагательных (45%), глаголов (24%) и существительных (22%), реже – местоимений (5%) и наречий (4%). Приведем некоторые примеры.

Прилагательные: *sultry (cocktail)* – знойный (коктейль), *uplifting (notes)* – воодушевляющие (ноты), *luxurious (trip)* – роскошное (путешествие), *invigorating (Eau de Parfum)* – бодрящая (парфюмированная вода), *magical (fragrance)* – волшебный (аромат), *magnificent (minutes)* – прекрасные (минуты).

Глаголы: *to spritz (yourself happy)* – опрыскивать (себя счастьем), *to embrace (the moments)* – заключать в объятия (моменты), *to liberate (the senses)* – освобождать (чувства), *to shake (emotions)* – встряхивать (эмоции).

Существительные: *confidence* – уверенность, *treasure* – сокровище, *greatness* – величие, *(an extra) dollop of elegance* – (дополнительная) порция элегантности.

Местоимения: *Make the night yours.* – Сделай ночь своей. *Your unique recommendation matches your personality and your mood.* – Твоя уникальная рекомендация соответствует твоей личности и твоему настроению. *This is your time.* – Это твое время. *We've raised our standards. You can too.* – Мы повысили наши стандарты. Ты тоже можешь.

Наречия: *(smells) expensive* – (пахнет) дорого; *absolutely (love)* – безгранично (люблю); *(to live life) passionately* – (прожить жизнь) страстно.

Синтаксический языковой уровень

В результате анализа отобранных нами примеров рекламного текста в качестве наиболее распространенных синтаксических приемов выявлены парцелляция, градация, лексический повтор, синтаксический параллелизм, вопросно-ответные формы, эллипсис и оксюморон.

Синтаксический уровень является ключевым при организации следующих отрывков из рекламных текстов: *SUCCESS ISN'T BORN. IT'S MADE* (Hugo Boss); *POWERED BY NATURE. CRAFTED FOR YOU* (Tissot); *DESIGNED TO BE BRILLIANT. DESIGNED TO BE*

NOTICED (Bulova); PERFORMANCE. PRESTIGE. PASSION FOR INNOVATION (Bretling); What Battery? What will you do with your battery now that your watch doesn't need one? The Citizen Eco-Drive Palidoro. Light recharges it. Any light. Every light. It's that simple. This beautiful. Technologically advanced. Classically designed. AND IT NEVER NEEDS A BATTERY. (CITIZEN); Got a soft spot for bad boys? Meet Cobalt Elixir, the latest addition to Carolina Herrera's Bad Boy fragrance family. (Carolina Herrera).

Авторы рекламного текста, представляющего продукцию (наручные часы) фирмы *Omega*, в целях аргументативности прибегают к использованию градации, взяв при этом за основу устойчивые сочетания *bottom of the sea* – дно моря, *centre of attention* – центр внимания и *top of the world* – вершина мира, что психологически связывает рекламируемый продукт с успехом его обладателя:

Black tie or deep blue. The Seamaster Diver 300M will take you from the bottom of the sea, to the centre of attention and to the top of the world. – Черный галстук или темно-синий. Seamaster Diver 300M перенесет вас со дна моря в центр внимания и на вершину мира.

Заключение

1. Систематизация лингвостилистических особенностей рекламной коммуникации на примере двух тематических групп товаров (парфюмерия и часы) позволила выявить специфику разноуровневых языковых средств и их стилистического потенциала. Рекламная коммуникация как процесс передачи закодированной информации адресату использует все языковые уровни для осуществления эмоционального воздействия на адресата.

2. Актуализация фонетического уровня отмечена в рекламных сообщениях в области парфюмерии, тогда как в рекламе наручных часов данный языковой уровень используется преимущественно в тексте слоганов.

3. Единицы морфемного уровня используются в случае необходимости воздействия на адресата посредством игры слов или создания окказионализмов.

4. Успех рекламной коммуникации зависит не столько от информативности сообщаемого, сколько от эмоциональной насыщенности и коннотаций, что хорошо отслеживается на лексическом языковом уровне. Точное слово, выбранное автором из числа возможных синонимов и лексем различной стилистической окраски, усиливает эмоциональное воздействие и повышает персуазивность рекламной коммуникации.

5. Исследование позволило обобщить роль отдельных частей речи в структуре рекламного текста. Наиболее значимыми являются прилагательные, используемые преимущественно для создания ярких эпитетов, что способствует реализации экспрессивной (эмотивной) и поэтической функций рекламной коммуникации. Глаголы призывают адресата к действию (апеллятивная функция), местоимения позволяют установить более доверительные отношения с реципиентом (фатическая функция). С помощью существительных текст рекламного сообщения обретает образность, что также важно для реализации экспрессивной функции.

6. В целом, в рекламе выбранных нами тематических групп товаров (парфюмерия и часы) прослеживаются следующие культурно значимые общественные установки, к которым апеллирует рекламный текст: стремление к роскоши и комфорту, желание получить эстетическое удовольствие, наслаждение жизнью, достижение успеха, осознание собственной значимости и уникальности.

Список литературы

1. Бай, Г. (2021). Аргументативная модель рекламного текста: лингвориторический аспект (Автореф. дис. ... канд. филол. наук). Волгоград. 21 с.
2. Дудникова, Л. В., & Шевченко, М. С. (2021). О роли морфологических средств в рекламном тексте (на материале английского и французского языков). *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика*, 21(3), 277–281. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-277-281> EDN: <https://elibrary.ru/CSAKEG>

3. Ксензенко, О. А. (2012). Гносеологические и методологические проблемы современного лингвистического рекламоведения. *Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (1), 42–55.
4. Куликова, Е. В. (2008). Языковая специфика рекламного дискурса. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, (4), 197–205.
5. Мирошникова, Е. А. (2023). Лингвокультурная и прагматическая специфика инскриптивных речевых актов в туристической рекламной коммуникации (Автореф. дис. ... канд. филол. наук). Ставрополь. 29 с.
6. Папченко, М. Ю. (2022). Достоверность рекламного текста в лингвопрагматическом аспекте: на материале немецкой печатной коммерческой рекламы (Автореф. дис. ... канд. филол. наук). Москва. 25 с.
7. Салынова, О. В. (2024). Этнолингвистические особенности рекламного текста и эргонимов Калмыкии (Автореф. дис. ... канд. филол. наук). Волгоград. 24 с.
8. Старыгина, Н. Ф. (2021). Категория адресанта в рекламном тексте (на материале рекламных объявлений российской сферы туризма) (Автореф. дис. ... канд. филол. наук). Пермь. 27 с.
9. Юрина, И. А. (2021). Лингвистические и экстралингвистические свойства вирусной рекламы. *Мир науки, культуры, образования*, (3(88)), 552–554. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-552-554> EDN: <https://elibrary.ru/BMOOON>
10. Якобсон, Р. О. (1975). Лингвистика и поэтика. В кн.: *Структурализм: «за» и «против»* (с. 193–230). Москва: Прогресс.
11. Alcántara-Pilar, J. M., Sánchez-Duarte, I. M., Bermúdez-Martínez, M., & Rodríguez-López, M. E. (2024). Linguistics and marketing: The effect of foreign languages in advertising messages. *Tourism & Management Studies*, 20(1), 79–89. <https://doi.org/10.18089/tms.20240106> EDN: <https://elibrary.ru/DLEHVL>
12. Cook, G. (2001). *The Discourse of Advertising* (Ed. by R. Carter). London and New York: Routledge. 256 p.
13. Jaworska, S. (2020). Discourse of advertising. В кн.: *The Routledge handbook of corpus approaches to discourse analysis* (Ed. by E.

- Friginal, J. A. Hardy, pp. 428–444). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429259982>
14. Simões, E. (2023). Discourse(s) in advertising. В кн.: *The Routledge handbook of discourse analysis* (Ed. by M. Handford, J. P. Gee, pp. 525–538). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003035244>
15. Simon, S., & Stoian, C. E. (2020). Discovering the discourse of advertising. *International Journal of Communication Research*, 10(4), 370–377.

References

1. Bay, G. (2021). Argumentative model of advertisement text: linguo-rhetorical aspect (Abstract of candidate thesis). Volgograd. 21 p.
2. Dudnikova, L. V., & Shevchenko, M. S. (2021). The role of morphological means in advertisements (on material of English and French languages). *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 21(3), 277–281. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-277-281> EDN: <https://elibrary.ru/CSAKEG>
3. Ksenzenko, O. A. (2012). Epistemological and methodological problems of modern linguistic advertology. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (1), 42–55.
4. Kulikova, E. V. (2008). Linguistic specificity of advertising discourse. *Bulletin of Nizhny Novgorod State University*, (4), 197–205.
5. Miroshnikova, E. A. (2023). Lingvocultural and pragmatic specificity of inscriptional speech acts in tourist advertising communication (Abstract of candidate thesis). Stavropol. 29 p.
6. Papchenko, M. Yu. (2022). Authenticity of advertisement texts in linguopragmatic aspect: case study of printed commercial ads in German (Abstract of candidate thesis). Moscow. 25 p.
7. Salyonova, O. V. (2024). Ethnolinguistic features of advertisement texts and ergonyms in Kalmykia (Abstract of candidate thesis). Volgograd. 24 p.
8. Starugina, N. F. (2021). Category of sender in advertisement texts (on materials of tourism advertisements in Russia) (Abstract of candidate thesis). Perm. 27 p.
9. Yurina, I. A. (2021). Linguistic and extralinguistic properties of viral advertising. *World of Science, Culture, Education*, (3(88)), 552–554.

- <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2021-388-552-554> EDN: <https://elibrary.ru/BMOOON>
10. Jakobson, R. O. (1975). Linguistics and poetics. In *Structuralism: For and Against* (pp. 193–230). Moscow: Progress.
 11. Alcántara-Pilar, J. M., Sánchez-Duarte, I. M., Bermúdez-Martínez, M., & Rodríguez-López, M. E. (2024). Linguistics and marketing: The effect of foreign languages in advertising messages. *Tourism & Management Studies*, 20(1), 79–89. <https://doi.org/10.18089/tms.20240106> EDN: <https://elibrary.ru/DLEHVL>
 12. Cook, G. (2001). *The Discourse of Advertising* (Edited by R. Carter). London and New York: Routledge. 256 p.
 13. Jaworska, S. (2020). Discourse of advertising. In *The Routledge handbook of corpus approaches to discourse analysis* (edited by E. Friginal, J. A. Hardy, pp. 428–444). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429259982>
 14. Simões, E. (2023). Discourses in advertising. In *The Routledge handbook of discourse analysis* (edited by M. Handford, J. P. Gee, pp. 525–538). London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003035244>
 15. Simon, S., & Stoian, C. E. (2020). Discovering the discourse of advertising. *International Journal of Communication Research*, 10(4), 370–377.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гималетдинова Гульнара Камилевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии *Казанский (Приволжский) федеральный университет*
ул. Татарстан, 2, г. Казань, 420021, Российская Федерация
gim-nar@yandex.ru

Алимова Арина Руслановна, студентка 3 курса бакалавриата, специальность: филология, направление подготовки: зарубежная филология: иностранный (английский) язык, переводоведение *Казанский (Приволжский) федеральный университет*
ул. Татарстан, 2, г. Казань, 420021, Российская Федерация
ari-alimova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Gulnara K. Gimaletdinova, PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Romance and Germanic
Philology
Kazan (Volga region) Federal University
2, Tatarstan Str., Kazan, 420021, Russian Federation
gim-nar@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3981-5288>
Researcher ID: E-1197-2015
Scopus Author ID: 57190290298
Academia.edu: <https://kpfu.academia.edu/GGimaletdinova>
ResearchGate: <https://www.researchgate.net/profile/Gulnara-Gimaletdinova>

Arina R. Alimova, 3rd year student, specialty: philology, field of study:
foreign philology: foreign (English) language, translation studies
Kazan (Volga region) Federal University
2, Tatarstan Str., Kazan, 420021, Russian Federation
ari-alimova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-7657-3860>
Researcher ID: NKP-8124-2025

Поступила 03.06.2025
После рецензирования 23.06.2025
Принята 26.06.2025

Received 03.06.2025
Revised 23.06.2025
Accepted 26.06.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-506 EDN: VUNDAD

УДК 378.1:378.14

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ В ПРОЕКТАХ КАК ЭЛЕМЕНТ МОТИВАЦИИ К РАЗВИТИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЁЖНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ)

*Н.А. Грищенко, В.В. Корниенко,
Е.А. Молокова, Е.А. Молокова*

Аннотация

Обоснование. Данная статья рассматривает стратегию развития иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых вузов на примере формирования языковой среды (близкой к естественной). В статье описан проект «KpacWorld», который был реализован студентами СФУ в рамках Всероссийского студенческого проекта «Твой Ход» и Международного проекта «Летний университет 2024» на базе СФУ, а также опыт участия студентов СФУ в Международном молодёжном форуме «Евразия Global» с точки зрения мотивации к изучению английского языка как языка-посредника между студентами стран, в которых английский язык преподается как иностранный, включая РФ. В статье предложены отзывы студентов об участии в данных проектах и сделан вывод о положительном влиянии таких мероприятий на развитие иноязычных коммуникативных компетенций студентов, а также на мотивацию к дальнейшему изучению иностранного языка (английского) в целом.

Цель – подчеркнуть значимость проектной деятельности (международные молодежные проекты) для повышения мотивации к изучению английского языка у студентов неязыковых вузов.

Материалы и методы. Статья базируется на опыте студентов СФУ, принявших участие в двух международных проектах: проект «KpacWorld», реализованный в рамках Всероссийского студенческого проекта «Твой Ход» и Международного проекта «Летний университет 2024»; Международный

молодёжный форум «Евразия Global». Результаты по проекту «КрасWorld» были представлены в рамках Всероссийского студенческого форума «Твой Ход – 2024». Отзывы по проекту «КрасWorld» были опубликованы в социальных сетях проекта (Telegram-канал «КрасWorld»; «КрасWorld» ВКонтакте). Для отбора отзывов, касающихся тренировки иноязычных коммуникативных компетенций, использовался метод прямой выборки.

Результаты. Международные проекты создают потребность в общении между представителями разных стран, погружая студентов в среду близкую к естественной иноязычной языковой среде, которая побуждает студентов к формальному и неформальному общению на английском языке, тем самым способствует эффективной тренировке рецептивных (чтение, слушанье) и продуктивных (говорение, письмо) навыков.

Ключевые слова: коммуникативные компетенции; проектная деятельность; языковая среда; мотивация; рецептивные/продуктивные языковые навыки

Для цитирования. Грищенко, Н. А., Корниенко, В. В., Молокова, Е. А., & Молокова, Е. А. (2025). Участие студентов неязыковых вузов в проектах как элемент мотивации к развитию иноязычной коммуникативной компетенции (на примере молодежных проектов в России). *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 124–140. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-506>

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

PARTICIPATION OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITY STUDENTS IN PROJECTS AS A MOTIVATION FACTOR FOR DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE (BASED ON THE EXAMPLE OF YOUTH PROJECTS IN RUSSIA)

*N.A. Grishchenko, V.V. Kornienko,
E.A. Molokova, E.A. Molokova*

Abstract

Background. This article studies the strategy of training foreign language communicative competences among students of non-linguistic in-

stitutes on the basis of building the English-speaking environment (close to the natural one). The article describes the experience of the КpacWorld project, which was implemented by SibFU students as a part of the Твой Ход Russian Student Project on the basis of SibFU as well as the participation of SibFU students in the Eurasia Global International Youth Forum in terms of motivation for learning the English language as an intermediary language. The article offers student feedbacks on these projects, which reveal a positive impact of such events on the development of students' foreign language communicative competences and motivation to further study of the English language.

Purpose. To identify the contribution of project activities (international projects) for increase of motivation to a foreign language learning (English) among students of non-linguistic universities.

Materials and methods. The article is based on the experience of SibFU students in project management activity: the КpacWorld project, implemented as a part of the Твой Ход Russian Student Project and the Eurasia Global International Youth Forum. The results of the КpacWorld project were presented within the framework of the Твой Ход-2024 Russian Student Project. The comments on the КpacWorld project were posted on the social networks of the project (КpacWorld Telegram-channel; КpacWorld VK). The direct sampling method was used to select the comments related to the training of foreign language communicative competences.

Results. International projects create the need for communication between representatives of different countries, thereby creating an environment close to a natural English-speaking environment that encourages students to communicate formally and informally in English. It contributes to effective receptive (reading, listening skills) and productive (speaking, writing skills) training.

Keywords: communicative competencies; project activity; language environment; motivation; receptive/productive language skills

For citation. Grishchenko, N. A., Kornienko, V. V., Molokova, E. A., & Molokova, E. A. (2025). Participation of non-linguistic university students in projects as a motivation factor for developing foreign language communicative competence (based on the example of youth projects in Russia).

Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 124–140. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-506>

Введение

С приходом высоких технологий преодоление границ, в нашем случае информационных, является ежедневным занятием студентов. Youtube, различные социальные сети и компьютерные игры в онлайн-пространстве создают условия, а точнее, определённую виртуальную языковую среду, в которой студенты могут использовать английский язык для получения или обмена информацией. Однако и здесь есть свои нюансы. В такой среде студенты при желании могут оттачивать такие рецептивные навыки, как аудирование (просмотр видео, влогов, фильмов), чтение (чтение блогов, статей, книг, сообщений, чатов), и продуктивный навык письма (написание блогов, общение в чатах при игре в компьютерные игры), но не говорение. Не каждый студент использует возможность аудио- и видеосвязь для иноязычного общения, которую в настоящее время предоставляют такие платформы, как Whatsapp, Telegram и др. К сожалению, даже во время безграничных технологических возможностей проблема тренировки продуктивного навыка говорения остается нерешенной.

В этой связи нельзя недооценивать важность международных молодежных проектов, которые погружают студентов в ситуацию реального общения, создавая необходимость решать коммуникативные задачи на иностранном языке. Участвуя в подобных проектах, студенты закрепляют накопленные на языковых занятиях знания и совершенствуют умения и навыки эффективного иноязычного речевого поведения, что является целью дисциплины «Иностранный язык». Такие проекты помогают студентам формировать все виды иноязычной коммуникативной компетенции и в целом повышают мотивацию к более осознанному и углубленному изучению английского языка.

Термин «коммуникативная компетенция» был введен М.Н. Вятюгным, который определил коммуникативную компетенцию как выбор человеком программ речевого поведения в зависимости

от его способности ориентироваться в той или иной ситуации общения [4, с. 38-45].

Е.Н. Соловова рассматривает коммуникативную компетенцию как совокупность нескольких типов компетенций: лингвистической (знание лексики и грамматики); социолингвистической (способности выбирать нужные конструкции для определенных ситуаций); социокультурной (знания культуры и традиций страны изучаемого языка); стратегической (умение выстроить высказывания в соответствии с логикой); дискурсивной (умение в построенном высказывании достигать целей и задач); социальной (способность эффективно взаимодействовать в людях) [8, с.10-15].

В рамках образовательного процесса коммуникативные компетенции, касающиеся иностранного языка, развиваются в большей степени на аудиторных занятиях. Этот процесс реализуется с помощью различных коммуникативных заданий, важная роль в этом списке отводится именно проектной деятельности.

Одним из инициаторов внедрения метода проектов в практику преподавания иностранного языка была профессор Е.С. Полат. В ее работах детально рассмотрена концепция метода проектов, согласно которой данный метод предполагает решение определенной проблемы с опорой на знания из различных областей науки, техники, технологии, творческих областей. Также в своем исследовании Е.С. Полат подчеркивает тот факт, что проектная деятельность является эффективным инструментом развития коммуникативных навыков студентов в том случае, когда цель международного проекта не соприкасается с языковыми дисциплинами, а иностранный язык выступает как инструмент, с помощью которого осуществляется общение для достижения поставленных проектом задач и целей [6, с. 64-102].

Потенциал проектно-ориентированного подхода в процессе преподавания иностранного языка с фокусом на развитие коммуникативного навыка у студентов рассматривается в работах Р.И. Агаларовой, З.М. Агларовой, Л.М. Тетакаевой. По мнению ученых, данная форма обучения также мотивирует к самообучению. При

этом студенты в этом случае выступают не просто как реципиенты предложенной им информации, а как активные участники, которые «добывают» знания благодаря обработке конкретных проектных заданий [1, с. 80-83].

Итак, метод проектов получил распространение в преподавании иностранных языков благодаря повышенной мотивации учащихся, их вовлеченности в образовательный процесс, возможности тренировки всех четырех языковых навыков, а также практичности результатов. Метод проектов не переставал активно обсуждаться в научно-образовательной среде на протяжении XX в. [2; 3; 5; 7; 11] и не потерял своей актуальности на сегодняшний день.

Дискуссии, дебаты, коммуникативные игры, презентации, коллективные решения творческих задач, кейс-метод и т.д. являются, без сомнения, эффективными методическими приемами для оттачивания языковых навыков в рамках аудиторных занятий, однако даже самые креативные и эффективные аудиторные задания едва ли могут полностью заменить естественное общение на иностранном языке, что представляет собой совершенно новый уровень владения иностранным языком, т.е. использование его не как объект изучения, а как инструмент для решения проблем, зачастую совершенно не связанных с образовательным процессом. Этим новым уровнем формирования иноязычной компетенции у студентов и является участие в международных проектах.

Материалы и методы

Дисциплина «Иностранный язык» относится к Блоку 1 дисциплин (модулей), является обязательной для освоения студентами независимо от профиля образовательной программы ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», далее (СФУ).

Дисциплина «Иностранный язык» реализуется на первом и втором курсе обучения. Язык реализации дисциплины: английский.

Цель дисциплины обозначена следующим образом: формирование у обучающихся коммуникативной компетенции посредством совершенствования умений и навыков эффективного речевого пове-

дения, позволяющих в соответствии с реальными потребностями и интересами использовать иностранный язык в различных ситуациях межъязыкового и межкультурного взаимодействия. Подробнее с задачами дисциплины, а также с рабочими программами по данной дисциплине можно ознакомиться на сайте СФУ [9].

Именно международные молодёжные проекты являются площадкой для реализации задач, перечисленных в программе дисциплины «Иностранный язык», т.к. они эффективно заполняют лагуну, сформированную отсутствием естественной иноязычной языковой среды.

В статье мы предлагаем информацию о целях, задачах и полученных результатах двух уже проведенных проектов.

Созданию иноязычной языковой среды для студентов способствовал проект «Программа популяризации обучения и профессионального развития в Красноярском крае среди иностранных студентов «КрасWorld», который был реализован студентами СФУ в рамках Всероссийского студенческого проекта «Твой Ход» и Международного проекта «Летний университет 2024».

Основной целевой аудиторией проекта являлись иностранные абитуриенты и иностранные студенты, уже обучающиеся в Красноярске. Молодёжный проект «КрасWorld» был инициирован с целью повышения осведомленности о Красноярском крае как о перспективном месте для получения высшего образования и продолжения карьерного пути. Проект осуществлялся в период с 01.04. 2024 по 01.08.2024 гг. и состоял из двух частей (медиа часть и очная часть).

Медиа часть проекта включала создание Telegram-канала «КрасWorld» и сообщество «КрасWorld Krasnoyarsk region» ВКонтакте, где размещались информационные видеоролики, посты на русском и английском языках о вузах Красноярского края, инфраструктуре, возможностях для студентов в области культуры, туризма и самореализации, видеointервью с иностранными студентами, уже обучающимися в Красноярске.

В процессе реализации задач медиа части проекта были получены следующие результаты:

1. Количество подписчиков в Telegram-канале «KрасWorld»: 340
2. Количество подписчиков в сообществе «KрасWorld» ВКонтакте: 332
3. Количество выложенных информационных публикаций в Telegram-канале «KрасWorld»: 68
4. Количество пересылок постов в Telegram-канале «KрасWorld»: 482
5. Количество положительных реакций на постах в Telegram-канале «KрасWorld»: 372
6. Количество постов, освещающих деятельность проекта «KрасWorld» ВКонтакте: 78
7. Количество пересылок постов в сообществе «KрасWorld» ВКонтакте: 79
8. Количество положительных реакций на постах в сообществе «KрасWorld» ВКонтакте: 1831.

Так как материал публиковался на двух языках – русском и английском, студенты, реализующие данный проект, смогли осуществлять тренировку продуктивного навыка письма при написании постов и продуктивного навыка подготовленной и спонтанной речи при записи видеointервью с иностранными студентами, а студенты-реципиенты имели возможность развития рецептивных навыков (чтения и аудирования), так как некоторые русскоязычные студенты знакомились с англоязычной версией опубликованных материалов именно для тренировки английского языка. Подробнее с материалами медиачасти можно ознакомиться в Telegram-канале «KрасWorld Krasnoyarsk region» [12].

Помимо медиачасти был реализован очный этап. В нем приняли участие 300 иностранных студентов. Были представлены следующие страны: Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Казахстан, Китай, Монголия, Эквадор, Чили, Замбия, ЮАР, Республика Беларусь. Учитывая тот факт, что 9 участников не знали даже основ русского языка, именно английский язык стал единственным средством общения.

Для участников были организованы образовательная программа с лекциями, практическими занятиями в командах и экскурсионная

программа по Красноярску на английском языке. Для подготовки, проведения занятий и экскурсий были задействованы волонтеры-студенты СФУ. При этом участники отрабатывали в реальных условиях рецептивный навык – аудирование, а также продуктивный – говорение. При посещении Культурно-исторического центра «Успенский» (13.07.2024) и выезда на территорию предприятий ОАО «Красноярский завод цветных металлов имени В.Н. Гулидова» (15.07.2024, 17.07.2024, 18.07.2024, 19.07.2024) студентами-волонтерами при необходимости осуществлялся последовательный перевод для иностранных участников проекта, т.к. рабочим языком в данных мероприятиях был русский.

Помимо образовательной и экскурсионных программ, проект «КрасWorld» подразумевал неформальное общение. Студенты-волонтеры организовывали пешие прогулки по Красноярску, чтобы познакомить иностранных студентов с городом и природой Красноярского края, при этом все организационные задачи решались на английском языке. Также в обязанности студентов-волонтеров входило решение бытовых проблем, сопровождение и консультирование иностранцев во время заселения в гостиницу, при покупке сим-карт и товаров первой необходимости в магазинах, в банках.

По завершении проекта был проведён опрос участников и получена обратная связь в виде отзывов. Были получены положительные комментарии и реакции в социальных сетях проекта (Telegram-канал «КрасWorld» – 372 реакций; «КрасWorld» ВКонтакте – 1831 реакций о появившейся возможности тренировки английского языка вне аудиторных занятий).

Так как мы ограничены рамками статьи, приведем лишь нескольких отзывов:

«Очень интересно пообщаться с иностранными студентами на английском. Получил важный навык решения задач и общения с учётом культурных особенностей и другого языка»

«Я живу здесь много лет, и даже я не знал некоторых моментов! Интересная подача, плюс спасибо за дублирование на английский, сразу и попрактиковаться можно»

«Очень круто, что такой проект в принципе появился и идёт в ногу со временем, развиваясь в разных социальных сетях с постами на двух языках, не стоит на месте и пробует новые форматы».

Студенты-волонтеры, которые были задействованы в реализации медиачасти и очной части проекта, отметили улучшение своих рецептивных и продуктивных навыков, снижение языкового барьера и страха общения на иностранном языке.

Подробнее с комментариями участников проекта «KpacWorld» можно ознакомиться в социальной сети ВКонтакте и Telegram-канале проекта [12; 13].

Таким образом, молодёжный проект «KpacWorld», реализованный студентами СФУ, стал площадкой, где английский язык выступил инструментом в решении реальных организационных, управленческих и коммуникативных задач.

Ещё одним примером является Международный молодёжный форум «Евразия Global», в котором студенты СФУ приняли участие как волонтеры-кураторы смешанных групп.

Форум проводился 24–29 сентября 2024 г. в целях реализации молодежной политики в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» и Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденными распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. №2403-р. Рабочими языками Форума были русский и английский. Англоязычное название Форума: International Youth Forum “Eurasia Global” [10].

Цель Форума – создание платформы для конструктивного общения молодежи разных стран и обсуждения видения будущего с опорой на традиции и принцип суверенного равенства государств.

Задачами Форума были заявлены:

- расширение партнерских связей между субъектами Российской Федерации и зарубежными странами;
- формирование международного сообщества лидеров мнений с участием российской и иностранной молодежи;

- продвижение объективного образа Российской Федерации на международной арене;
- укрепление дружеских и профессиональных связей между молодежью России и зарубежных стран;
- создание условий для обмена лучшими мировыми практиками, подходами в области молодежной политики и образования.

Форум проводился в Оренбурге. В Форуме приняли участие 850 человек, в том числе:

- 250 представителей субъектов Российской Федерации;
- 250 представителей иностранных государств;
- 150 волонтеров;
- 200 организаторов, экспертов и почетных гостей.

Программа Форума состояла из двух частей: образовательной и внеучебной части. Образовательная часть включала комплекс мероприятий, направленных на повышение уровня знаний и компетенций участников Форума в определенной области. Внеучебная часть была представлена комплексом мероприятий, не связанных с образовательным процессом, но направленных на развитие духовно-нравственных ценностей, патриотизма, командного духа, творческих способностей, культуры взаимопомощи, создание атмосферы единства и заботы, формирование здоровых привычек [10].

Студенты СФУ внесли вклад в организацию форума как волонтеры-кураторы смешанных групп. За каждым волонтером-куратором была закреплена команда из 20 человек, которая состояла как из российских, так и иностранных участников. В обязанности волонтеров-кураторов входили помощь в адаптации иностранных студентов и языковое сопровождение во время образовательной и внеучебной частей программы.

Волонтеры-кураторы были вовлечены в осуществление образовательной программы: проведение лекций, семинаров, тренингов, проектных и стратегических сессии, панельных дискуссий, мастер-классов, на которых рабочим языком был английский (тренировка навыков аудирования и говорения при обсуждении тем). В рамках внеучебной части программы волонтеры-кураторы отвечали

за встречу иностранных студентов, их сопровождение до мест расселения, сбор и сопровождение команды участников на площадке форума, сопровождение и консультации в магазинах и банках, решение бытовых вопросов, проведение ежедневных рефлексий на русском и английском языках по итогам дня (тренировка навыков аудирования, говорения, устного последовательного перевода). Волонтеры-кураторы отвечали за информирование команды в чате на двух языках (навык письма).

Для волонтеров-кураторов Международный молодежный Форум «Евразия Global» стал «погружением» в среду, где они решали реальные коммуникативные задачи на иностранном языке. По завершении работы на Форуме волонтеры-кураторы отметили следующее:

- улучшение навыков аудирования, чтения, письма и говорения на английском языке (лингвистическая компетенция);
- важность полученного опыта для понимания особенностей и различий в коммуникации с представителями разных стран (социокультурная компетенция);
- повышение мотивации к изучению английского языка, как языка международного общения;
- улучшение лидерских навыков: убеждение, эффективное взаимодействие (социолингвистическая, стратегическая и социальная компетенции), тренировка которых происходила на английском языке;
- повышение мотивации к профессиональному развитию в международной сфере.

Результаты

Благодаря реализации международных молодежных проектов была создана потребность в языковом общении между представителями разных стран/культур и близкая к естественной языковая среда для формального и неформального общения студентов на иностранном языке. Тренировка рецептивных (чтение, аудирование) и продуктивных (говорение, письмо) навыков вышла за рамки ауди-

торных занятий, что повысило мотивацию студентов к дальнейшей работе над языком. Участие в данных проектах было воспринято студентами как некий «языковой тест-драйв» в реальных условиях.

Благодарности. Выражаем благодарность ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» в лице проректора по молодежной политике Е.В. Сидоренко; Институту управления бизнес-проектами (ИУБП) в лице директора института З.А. Васильевой; Международному проекту «Летний университет 2024» в Сибирском федеральном университете в лице руководителя проекта Е.О. Ершовой; дизайнеру проекта “КрасWorld” А. Егоровой; SMM-менеджеру проекта “КрасWorld” К. Кравченко, при поддержке и участии которых осуществлен проект «Программа популяризации обучения и профессионального развития в Красноярском края среди иностранных студентов “КрасWorld”».

Список литературы

1. Агаларова, Р. И., Агаларова, З. М., & Тетакаева, Л. М. (2018). Актуализация познавательной деятельности и деятельности и творческих способностей учащихся языкового факультета посредством проектной методики. *Казанский педагогический журнал*, *1(80)*, 80–83.
2. Артемьева, О. А. (2002). Современные концепции и модели обучения иностранным языкам профессиональной направленности: традиции и стратегия обновления. *Психолого-педагогический журнал Гаудеамус*, *1(1)*, 71–81.
3. Белоградова, В. П. (2005). Об исследовательской деятельности учащихся в условиях проектного метода. *Иностранные языки в школе*, *(8)*, 6–11.
4. Вятютнев, М. Н. (1977). Коммуникативная направленность обучения русскому языку в зарубежных школах. *Русский язык за рубежом*, *(6)*, 38–45.
5. Гончарова, Н. А., & Медведев, А. В. (2022). Метод проектов как прогрессивный метод обучения иноязычной коммуникации в русле современного образования. *Вестник Тамбовского университета. Серия:*

- Гуманитарные науки*, 27(5), 1209–1216. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1209-1216> EDN: <https://elibrary.ru/GOMENO>
6. Полат, Е. С. (2002). *Новые педагогические и информационные технологии в системе образования*. Москва: АСАДЕМА. 268 с. Получено с https://innotech.ucoz.net/polat_e.s-red-novye_pedagogicheskie_i_informacionn.pdf (дата обращения: 13.05.2025)
 7. Селевко, Г. К. (1998). *Современные образовательные технологии*. Учебное пособие. Москва: Народное образование. С. 14–15.
 8. Соловова, Е. Н. (2008). *Методика обучения иностранным языкам: пособие для студентов педагогических вузов и учителей*. Москва: АСТ «Астрель». 238 с. Получено с https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004021230 (дата обращения: 13.05.2025)
 9. Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык». (2016). Сибирский федеральный университет. Получено с https://edu.sfu-kras.ru/sites/edu.sfu-kras.ru/files/work-programs/2016/inostrannyy_yazyk_0.pdf (дата обращения: 13.05.2025)
 10. Федеральное агентство по делам молодёжи «Росмолодёжь». (2025). «Евразия Global». Получено с <https://fadm.gov.ru/news/otkryta-registratsiya-na-mezhdunarodnyy-molodyezhnyy-forum-evraziya-global/?ysclid=mamcg64bd8723200290> (дата обращения: 13.04.2025)
 11. Haines, S. (1989). *Projects for the EFL classroom London: Resource material for teachers*. Walton-on-Thames Surrey, UK: Nelsen. 489 p.
 12. “KrasWorld | Krasnoyarsk region”. (2025). Telegram-канал. Получено с <https://t.me/krasnoyarskworld> (дата обращения: 13.04.2025)
 13. «KpacWorld». (2025). ВКонтакте. Получено с https://vk.com/krasworld_student (дата обращения: 13.04.2025)

References

1. Agalarova, R. I., Aglarova, Z. M., & Tetakayeva, L. M. (2018). Enhancing cognitive and creative abilities of language faculty students through project methodology. *Kazan Pedagogical Journal*, (1(80)), 80–83.
2. Artemyeva, O. A. (2002). Modern concepts and models of teaching foreign languages for professional purposes: traditions and strategy for

- renewal. *Gaudeamus Psychological and Pedagogical Journal*, 1(1), 71–81.
3. Belogradova, V. P. (2005). Research activities of students in project method contexts. *Foreign Languages at School*, (8), 6–11.
 4. Vyatyutnev, M. N. (1977). Communicative-oriented instruction of Russian language in overseas schools. *Russian Language Abroad*, (6), 38–45.
 5. Goncharova, N. A., & Medvedev, A. V. (2022). Project method as a progressive approach to teaching foreign language communication in modern education. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 27(5), 1209–1216. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1209-1216> EDN: <https://elibrary.ru/GOMENO>
 6. Polat, E. S. (2002). *New pedagogical and information technologies in the education system*. Moscow: ACADEMA. 268 p. Retrieved from https://innotech.ucoz.net/polat_e.s-red-novye_pedagogicheskie_i_informacionn.pdf (Accessed: May 13, 2025)
 7. Seleiko, G. K. (1998). *Modern educational technologies*. Textbook. Moscow: Narodnoe obrazovanie. Pp. 14–15.
 8. Solovova, E. N. (2008). *Methodology of teaching foreign languages: a manual for students of pedagogical universities and teachers*. Moscow: AST “Astrel”. 238 p. Retrieved from https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004021230 (Accessed: May 13, 2025)
 9. Course program for the discipline “Foreign language”. (2016). Siberian Federal University. Retrieved from https://edu.sfu-kras.ru/sites/edu.sfu-kras.ru/files/work-programs/2016/inostranny_yazyk_0.pdf (Accessed: May 13, 2025)
 10. Federal Agency for Youth Affairs “Rosmolodezh”. (2025). “Eurasia Global”. Retrieved from <https://fadm.gov.ru/news/otkryta-registratsiya-na-mezhdunarodnyy-molodyezhnyy-forum-evraziya-global/?ysclid=mamcg64bd8723200290> (Accessed: April 13, 2025)
 11. Haines, S. (1989). *Projects for the EFL classroom London: Resource material for teachers*. Walton-on-Thames Surrey, UK: Nelsen. 489 p.
 12. “KrasWorld | Krasnoyarsk region”. (2025). Telegram channel. Retrieved from <https://t.me/krasnoyarskworld> (Accessed: April 13, 2025)

13. “KrasWorld”. (2025). VKontakte. Retrieved from https://vk.com/krasworld_student (Accessed: April 13, 2025)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Грищенко Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук,
доцент
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Феде-
рация
ashatanatal1@mail.ru

Корниенко Виктория Валерьевна, старший преподаватель
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Феде-
рация
kornienko7608@mail.ru

Молокова Елизавета Александровна, студент
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Феде-
рация
liza.molokova05@mail.ru

Молокова Елена Александровна, студент
Сибирский федеральный университет
пр. Свободный, 79, г. Красноярск, 660041, Российская Феде-
рация
molokova.lena1419@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Nataliia A. Grishchenko, Assoc. Prof., Cand. of Phil. Sc.
Siberian Federal University
79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation
ashatanatal@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0037-876X>

SPIN-code: 4877-9656

Victoria V. Kornienko, Senior Lecturer

Siberian Federal University

79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7669-4502>

SPIN-code: 5431-0670

Elizaveta A. Molokova, student

Siberian Federal University

79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

liza.molokova05@mail.ru

SPIN-code: 1090-4132

Elena A. Molokova, student

Siberian Federal University

79, Svobodny pr., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

molokova.lena1419@mail.ru

Поступила 28.05.2025

После рецензирования 16.06.2025

Принята 21.06.2025

Received 28.05.2025

Revised 16.06.2025

Accepted 21.06.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-507 EDN: VYRZAN
УДК 81'38

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДЖ. СТЕЙНБЕКА «OF MICE AND MEN»

О.В. Евстафиади, К.В. Ковалева

Аннотация

Обоснование. Понятие речевого портрета не ново для лингвистической науки и уже прочно закрепилось в языкознании в связи появлением отдельного направления исследования – лингвоперсонологии, изучающей индивидуальные и типологические характеристики языковой личности. Изучены и описаны речевые портреты современного журналиста, политика, учителя, однако работы, посвященные проблеме речевого портретирования в художественных произведениях, немногочисленны, отсутствует как единая трактовка самого понятия речевой портрет, так и его систематическое описание, что и определяет актуальность данного исследования.

Цель – выявление лексических средств художественной выразительности, участвующих в создании речевой характеристики персонажей в повести Дж. Стейнбека «Of Mice and Men».

Материалы и методы. Материалом данного исследования послужила повесть американского писателя 20 века Дж. Стейнбека «Of Mice and Men». В ходе работы были применены метод сплошной выборки и метод лингвостилистического анализа текста.

Результаты. В ходе исследования было рассмотрено понятие «речевого портрета», которое имеет целый ряд смежных понятий. Были изучены стилистические средства, участвующие в создании речевого портрета персонажа в художественном произведении, а также выявлены лексические стилистические средства речевой характеристики персонажей в повести

Дж. Стейнбека «Of Mice and Men». Анализ показал, что речевые портреты персонажей формируются при помощи стилистически маркированной лексики, к которой относятся сленгизмы, вульгаризмы и идиоматические выражения, а также благодаря лексическим стилистическим приемам: метафорам, метонимиям, сравнениям и эпитетам. Использование данных приемов как в прямой речи героев, так и в авторской характеристике их речевой манеры не только способствует передаче их эмоций, но и указывает на их социальный статус и уровень образованности. Дж. Стейнбек в своем произведении описывает особенности уклада жизни рабочих на ранчо, основными качествами которых являются рациональность, целеустремленность и вовлеченность в работу. Они живут целью заработать, не имея возможности получения образования. Автор использует разговорную речь, чтобы сделать образы своих персонажей более правдоподобными, а также с целью передачи их характеров и мировоззрения.

Ключевые слова: речевой портрет; художественный образ; языковая личность; лексические стилистические средства; сленг; вульгаризмы; идиомы

Для цитирования. Евстафиади, О. В., & Ковалева, К. В. (2025). Лексические стилистические средства создания речевого портрета персонажей в произведении Дж. Стейнбека «Of Mice and Men». *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 141–157. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-507>

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

LEXICAL STYLISTIC MEANS OF CREATING CHARACTERS' SPEECH PORTRAITS IN J. STEINBECK'S NOVEL «OF MICE AND MEN»

O.V. Evstafiadi, K.V. Kovalyova

Abstract

Background. The concept of speech portrait is not new to the linguistic science and has already been firmly established in linguistics due to the emergence

of a separate field of research – linguistic personology which studies individual and typological features of a linguistic personality. Speech portraits of a modern journalist, a politician and a teacher have been described. However, there are few works devoted to the problem of character's speech representation in fiction as there is no a unified interpretation of the concept of speech portrait as well as its systematic description which determines the relevance of this study.

The **purpose** of the paper consists in studying lexical stylistic means involved in the creation of characters' speech portraits in the novel by J. Steinbeck's «Of Mice and Men».

Materials and methods. The research is based on J. Steinbeck's novel «Of Mice and Men». The method of continuous sampling and the method of linguostylistic analysis of the text are used in the process of work.

Results. The concept of «speech portrait» and a number of related concepts are considered in the study. The stylistic means that are involved in creating of speech portrait in a work of fiction are studied. The authors determine lexical stylistic means of creating characters' speech portraits in the novel by J. Steinbeck «Of Mice and Men». The analysis revealed that speech characterization in the novel involves stylistically marked vocabulary which includes slang, vulgarisms and idiomatic expressions, as well as the usage of such lexical stylistic devices as metaphors, metonymies, similes and epithets. The usage of stylistic means helps the author not only to convey the characters' emotions, but also to indicate their social status and the level of education. J. Steinbeck in his novel «Of Mice and Men» describes the lifestyle of ranchers, whose main qualities are rationality and commitment to work. They live for the purpose of earning money, without having the opportunity to get an education. The author resorts to colloquial speech in order to make his characters more believable as well as to convey their personalities and outlook.

Keywords: speech portrait; artistic image; linguistic personality; lexical stylistic means; slang; vulgarisms; idioms

For citation. Evstafiadi, O. V., & Kovalyova, K. V. (2025). Lexical stylistic means of creating characters' speech portraits in J. Steinbeck's novel «Of Mice and Men». *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 141–157. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-507>

Введение

Термин «речевой портрет» впервые был введен в середине 60-х годов. М.В. Пановым, который в своих трудах рассматривал образы известных политических деятелей XX-ого века путем анализа их монологических высказываний [9]. В своем исследовании он фокусировался исключительно на фонетическом аспекте речи, а именно на особенностях произношения определенного человека, что позволило ему сделать выводы относительно социального статуса говорящей личности.

В современной научной литературе речевой портрет пользуется своей широкой практической популярностью. Понятие «речевой портрет» является многогранным и имеет ряд смежных и синонимичных понятий. Так, С.В. Леорда в своих трудах проводит параллель между речевым портретом и языковой личностью: «речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность» [8]. Более широко понимает этот термин Т.П. Тарасенко, рассматривая речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [10].

На связь языка и личности также указывают зарубежные лингвисты С. Ли, С. Парк и Д. Ум, отмечая, что язык является тем инструментом, который отражает социальные и психологические особенности человека [13]. Исследование фонетической стороны речи позволяет выявить спектр эмоций говорящего и его коммуникативный стиль [12].

Лингвистический подход к трактовке понятия «речевой портрет» отражается в трудах М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. Они определяют его как «функциональную модель языковой личности», а также выделяют ряд характеристик, согласно которым выполняется анализ данной модели [6]. Одной из таких характеристик является словарный запас, отражающий степень овладения языковой личностью лексическими единицами. Лексикон выполняет ключевую функцию в отражении характера и индивидуальности человека [6]. Тезаурус трактуется как совокупность слов, словосочетаний и

устойчивых оборотов, используемых личностью в речи. Тезаурус отражает не только ее стиль и особенности мышления, но и принадлежность к определенной социальной, культурной или профессиональной группе [6]. Третья характеристика прагматикон содержит в себе концепцию целей и мотивов, коммуникативных стратегий и речевых тактик реализации целей. Такой анализ рассматривает влияние выбора языковых единиц на достижение коммуникативной интенции [6].

В лингвистике понятие «речевой портрет» часто употребляется наряду с понятием «речевая характеристика» как средство создания образа персонажа. В «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахманова рассматривает речевую характеристику персонажа как «особый подбор слов, выражений, оборотов речи и средство художественного изображения действующих лиц литературного произведения» [1].

Согласно А.И. Домашневу, необходимо отличать литературно-художественный портрет персонажа от речевого, поскольку последнее представляет собой характеристику речевой манеры действующего лица и является «частью общего литературно-художественного портрета персонажа» [4]. То есть, литературно-художественный портрет фокусируется исключительно на описании внешности героев, в то время как речевой портрет формируется на основе индивидуальных черт речи персонажа, а именно его любимых выражений, особенностях произношения и т.п.

В трудах В.И. Карасика и О.А. Дмитриевой раскрывается еще одно смежное понятие «лингвокультурный типаж», составной частью которого является речевой портрет [5]. Лингвокультурный типаж отражает общие черты языковой культуры определенной этнической группы, которые выражаются через языковые средства (лексика, фразеология, грамматика). В то время как речевой портрет представляет собой описание индивидуальных особенностей выражения мыслей и эмоций через язык определенного человека.

Однако персонаж является не только представителем определенного этноса, он принадлежит к конкретной социальной группе,

что формирует его личность и поведение, в том числе и речевое. О тесной связи социолектической и идиолектической характеристик речи персонажа пишет А.С. Гафарова.

В своей работе А.С. Гафарова рассматривает речь литературного героя как «двуединство социолектической и идиолектической характеристики персонажа» [3]. Социолектом считается выбор определенных выразительных лексико-грамматических средств языка, которые свидетельствуют о социальном статусе, профессии, нации, месте проживания персонажа. Идиолект, в свою очередь, включает в себя не только лингвистические особенности речи, но и экстралингвистические составляющие, а именно, интонацию, дикцию, манеру говорения и т.д. [3]. Все персонажи в художественном произведении имеют свои уникальные особенности и манеры, которые способствуют дальнейшему пониманию и определению их как личности.

Лингвостилистический анализ текста позволяет выявить инструменты, которые используют писатели для создания ярких запоминающихся образов персонажей через включение в повествование диалогической речи, внутреннего монолога и авторской характеристики речевой манеры героев [15]. К. Джоши такими инструментами называет комплекс языковых (лексических, грамматических, фонографических) и коммуникативно-прагматических средств [11]. Лексика является основой речевого портрета персонажа, и, по мнению Дж. Пеннибейкер и Л. Кинг, определяет его «стилистическое поведение» в зависимости от личностных характеристик [14]. М.И. Котович выделяет эксплицитные и имплицитные виды лексических средств [7], последние играют основную роль в художественном произведении, так как они наиболее содержательны. К такому виду изобразительных средств относятся стилистические приемы: метафора, эпитеты, сравнение, а также аллюзии и т.п.

Согласно И.Р. Гальперину, описание персонажа, а именно его социальный статус, уровень образованности, характер могут быть выражены с помощью стилистически маркированной лексики, которая состоит из двух групп: книжная лексика и разговорная лексика [2].

К книжной лексике относятся термины, архаизмы, поэтизмы, варваризмы и неологизмы, в то время как разговорная лексика включает в себя лексические единицы неформального и повседневного общения, а именно сленгизмы, вульгаризмы, жаргонизмы, окказионализмы, диалектные слова. Часто шуточные и неофициальные слова относят к сленгизмам. Они характеризуют персонажа со стороны его возраста, принадлежности к определенной субкультуре. Вульгаризмы – оскорбительные и грубые выражения, которые не имеют ничего общего с вежливым общением, указывают на агрессивность и эмоциональное напряжение героя.

В данной работе нас интересует комплекс лексических средств художественной выразительности, которые использовал американский писатель 20-го века Джон Стейнбек в своем произведении «Of Mice and Men» для создания речевых портретов персонажей.

Материалы и методы

Материалом исследования является повесть Дж. Стейнбека «Of Mice and Men». В качестве основного метода был выбран метод лингвостилистического анализа текста, который позволил выявить стилистический потенциал лексических единиц и определить их роль в создании речевого портрета персонажа художественного произведения. Примеры, содержащие лексические стилистические средства были отобраны из повести «Of Mice and Men» методом сплошной выборки.

Результаты и обсуждение

Повесть «Of Mice and Men», написанная американским писателем Джоном Стейнбеком, была опубликована в 1937 году. Автор повествует о трагической истории двух рабочих, которые пытаются найти свое место в жизни в тяжелые времена Великой депрессии. Главные герои – Джордж и Ленни – сезонные рабочие, которые скитаются по Калифорнии в надежде подзаработать. Они воплощают в себе идеи «американской мечты», так как ими движет желание купить свой клочок земли и жить в свое собственное удовольствие.

Социальная категория простых рабочих была выбрана Джоном Стейнбеком неслучайно. Известно, что сам автор в подростковые годы подрабатывал на ферме в летний период, где и набрался опыта общения с местными жителями. Ведущим способом изложения в произведении Дж. Стейнбека является диалог, с помощью которого в полной мере раскрываются особенности стиля речи представителей рабочего класса.

Необходимо отметить, что поэтические стилистические приемы в книге встречаются в небольшом количестве, что свидетельствует об отнесенности персонажей к определенной социальной группе, где возвышенная речь вовсе неуместна.

В речи героев распространены стилистически маркированные лексические единицы, которые выполняют характеризующую функцию, указывая на их социальный статус.

Проведенный анализ позволил выявить следующие виды стилистически окрашенной лексики:

1. Разговорные идиоматические выражения, например,
 - «*You keep me in hot water all the time*», что означает нахождение человека в трудном положении или ситуации [16, с. 13],
 - «*I go nuts*», что означает сойти с ума или потерять контроль [16, с. 13],
 - «*Well – she got the eye*», что означает заигрывать или уделять кому-то особенное внимание [16, с. 29],
 - «*Say, what the hell’s he got on his shoulder?*», что означает не давать кому-то покоя, наседать [16, с. 27].

Эти выражения точно передают сложности межличностных отношений и повседневных проблем простых людей, помогая Дж. Стейнбеку приблизить читателя к пониманию жизни на ранчо, к ее рутине, переживаниям и трудностям рабочих.

2. Сленгизмы, как вид сниженной лексики, представляют собой совокупность слов и выражений, не относящихся к литературному стандарту, с помощью которых Дж. Стейнбек создает аутентичную атмосферу и единый стиль произведения. Описывая наемных работников, живущих только трудом, он использует простые обороты речи, отражающие их скромные мечты и мысли.

Среди сленгизмов мы можем выделить несколько групп слов:

а) сленгизмы, обозначающие предметы бытового обихода, например, мешочек для денег (*poke*): «If we can get jus' a few dollars in the *poke* we'll shove off...» [16, с. 34], или то, что окружает протых рабочих, например, паразиты (*graybacks*): «Then how come he got *graybacks*?» [16, с. 19];

б) сленгизмы, описывающие эмоции и оценочное отношение персонажей, как правило, отрицательное: *bum steer*, *cuckoo*.

Например, Джордж, объясняя начальнику причину их опоздания, сказал: «Bus driver give us a *bum steer*» [16, с. 22], что означает «неверный путь», тем самым дает понять, что водитель автобуса направил их не по нужной дороге; или же Ловкий, который использует слово «*cuckoo*» (сумасшедший), оценивая интеллектуальные способности Ленни: «It jus' seems kinda funny a *cuckoo* like him...» [16, с. 40];

в) сленгизмы, касающиеся рабочей деятельности:

Например, старый уборщик, рассказывая новоприбывшим Джорджу и Ленни, что Кудряша никто не уволит с фермы, так как он сын хозяина, использует слово «*can*» (уволить): «Won't ever get *canned* 'cause his old man's the boss» [16, с. 28], а также Ловкий говорит, что в его бригаде есть несколько бродяг, неопытных работников (*punks*): «I gotta pair of *punks* on my team» [16, с. 35];

г) сленгизмы, обозначающие общественные места, например, заведение (*joint*): «Might go in and look the *joint* over» [16, с. 53], публичный дом (*cat house*): «Why, I could stay in a *cat house* night» [16, с. 12], сумасшедший дом (*booby hatch*): «They'll take ya to the *booby hatch*» [16, с. 73].

Все эти сленговые выражения в большей степени относятся к сфере бытового общения. Уклад жизни рабочих заострен только на рутине, которая происходит в рамках ранчо и не более.

3. Вульгаризмы – грубые, часто нецензурные лексические единицы, используемые для выражения негативных эмоций, служат в произведении «Of Mice and Men» художественным средством. С их помощью Дж. Стейнбек показывает, как напряженная борьба за вы-

живание сформировала основные характеристики героев из рабочего класса: их необразованность, грубость в общении и эмоциональную черствость. Вульгаризмы передают прямолинейность персонажей, их эмоциональное состояние и создают атмосферу произведения.

Вульгаризмы выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию, передавая широкий спектр эмоций персонажей, например,

- злость и ярость:

«Come on, ya big *bastard*. Get up on your feet. No big *son-of-a-bitch* is gonna laugh at me. I'll show ya who's yella» [16, с. 64]. Данные вульгаризмы являются прямыми оскорблениями в сторону одного из персонажей. Кудряш подумал, что улыбающийся Ленни смеется над ним, но на самом деле безобидный работяга вспоминал об их совместной мечте с Джорджем. Не разобравшись в ситуации, Кудряш был в ярости: «Curley's rage exploded» [16, с. 64];

- недовольство: «I gotta pair of punks on my team that don't know a barley bag from a *blue ball*» [16, с. 35]. Ловкий выражает недовольство отсутствием нужных для работы способностей у других рабочих и надеется, что Джордж и Ленни попадут к нему в бригаду, так как они показались ему толковыми ребятами.

- безразличие: «If a guy don't want a flop, why he can just set in the chairs and have a couple or three shots and pass the time of day and Susy *don't give a damn*» [16, с. 53]. Уит рассказывал Джорджу о том, как работники ранчо обычно проводят выходные в заведении старушки Сюзи. Ей совершенно безразлично, чем все себя занимают, главное для нее – оплата.

Мы также отметили, что в речи Джорджа, уборщика, Уита интенсификатором, выполняющим экспрессивную функцию, служит вульгаризм “hell”.

- «No, he ain't, but he's sure a hell of a good worker» [16, с. 22];

- «Hell of a nice fella» [16, с. 29];

- «Hell of a nice place» [16, с. 53];

- «Save ever'body a hell of a lot of trouble» [16, с. 25].

Частое использование этого усилителя вместо более нейтральных вариантов указывает на обыденность подобного общения в данной социальной группе.

Дж. Стейнбек предпочитает реалистичный стиль, избегая сложных метафор, сравнений и образных выражений, предпочитая простую и повседневную речь персонажей. Образы, если они и встречаются, просты и понятны читателю.

Метафоры, использованные автором в произведении «Of Mice and Men», построены по одной аналогии. В них автор проводит параллель между рабочими на ферме и вещами или событиями, которые их окружают:

«I could get along so easy and so nice if I didn't have you *on my tail*» [16, с. 9].

«Well, you keep away from her, cause she's *a rattrap* if I ever seen one» [16, с. 34].

«I'll *put the old devil out of his misery* right now» [16, с. 48].

Метонимия, «you know how the *hands* are, they just come in and get their bunk...», показывает отношение к людям данной социальной общности. У них будто нет своих имен, единственное, чем они могут заработать – это руками, другого выхода добиться своего у них нет [16, с. 40].

Сравнения в произведении просты и лишены поэтичности и используются для сопоставления людей с обычными и бытовыми вещами. Например,

«Strong as a bull» [16, с. 23], «You're yella as a frog belly» [16, с. 63], «You're crazy as a wedge» [16, с. 70], «Blubberin' like a baby» [16, с. 11].

Эпитеты в данной повести встречаются только в авторской речи и служат для характеристики манеры речи персонажей, для передачи их эмоций и чувств. Так называемые наречные эпитеты выражают экспрессивность и оценочность и используются наряду с глаголами, описывающими процесс говорения. С помощью данных средств выразительности Дж. Стейнбек не просто передает эмоции персонажа с особой интенсивностью, но и делает их более искренними и убедительными:

«George said *resignedly*» [16, с. 7], «Lennie droned to himself *softly*» [16, с. 8], «He exploded *triumphantly*» [16, с. 8], «He said *brusquely*» [16, с. 10], «George went on *furiously*» [16, с. 12].

Стоит также отметить индивидуальные черты речевых портретов главных персонажей Джорджа и Ленни. Джордж, несмотря на все свои усилия сохранять спокойствие, постоянно теряет контроль над своими эмоциями. Чаще всего причиной его злости является Ленни, которому трудно понять, чего от него хотят. Дж. Стейнбек использует ряд эпитетов, характеризующих такие эмоции и чувства, как злость, ярость, требовательность по отношению к Ленни:

«George demanded» [16, с. 12], «George exploded» [16, с. 12], «He said *fiercely*» [16, с. 33], «George said *viciously*» [16, с. 25].

Другие персонажи не вызывают у Джорджа такие сильные эмоции, к ним он относится достаточно безразлично:

«George said *coldly*» [16, с. 38], «George said *hopelessly*» [16, с. 93], «George said *tiredly*» [16, с. 107].

Ленни всегда добр, но наивен, что и является его характерной чертой. Он ко всему относится с осторожностью, потому что боится, что при малейшей ошибке Джордж запретит ему ухаживать за кроликами. Автор использует эпитеты, описывающие Ленни как тихого, робкого и осторожного человека:

«Lennie droned to himself *softly*» [16, с. 8], «He said *plaintively*» [16, с. 30], «Lennie asked *timidly*» [16, с. 31], «Lennie said *breathlessly*» [16, с. 43].

Также Ленни зачастую выкрикивает слова в силу своей эмоциональности вместо того, чтобы сказать желаемое спокойным тоном. Данная особенность показывает, что, несмотря на внешние факторы и физическую силу, в душе он ребенок, который мечтает жить в своем доме с Джорджем и ухаживать за животными:

«Lennie cried out *suddenly*» [16, с. 34], «Lennie cried *excitedly*» [16, с. 38], «Lennie cried *frantically*» [16, с. 101], «Lennie cried *happily*» [16, с. 103].

Таким образом, в произведении «Of Mice and Men» используется небольшое количество средств выразительности, так как автор сосредоточен на описании речи рабочего класса, лишенной поэтичности и изысканности. Вместо возвышенной лексики и образных оборотов в тексте встречается сниженная лексика, а именно, сленг и вульгаризмы, которые отражают простоту, трудности и особенно-

сти быта рабочих. Тщательное внимание к деталям жизни данной социальной группы обусловленное знакомством автора с ее укладом, обеспечивает реалистичность изображения жизни на ранчо.

Заключение

1. Исследование показало, что речевой портрет является многогранным элементом образа персонажа и формируется на уровне лексикона при помощи стилистически окрашенной лексики (идиом, сленгизмов, вульгаризмов), тропов (метафор, метонимий, сравнений и эпитетов). Дж. Стейнбек неоднократно подчеркивает особенности жизни рабочих на ранчо, которые надеются заработать денег. Грубость, требовательность, увлеченность своим делом – одни из ведущих характеристик людей рабочего класса.
2. Были выявлены три группы стилистически маркированной лексики – идиоматические выражения, которые встречаются в речи всех персонажей и передают сложности межличностных отношений и повседневных проблем в жизни на ранчо; сленгизмы, которые описывают бытовые предметы, окружение, эмоции, оценочное отношение персонажей; вульгаризмы, которые выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию, передавая широкий спектр эмоций персонажей.
3. Использование стилистических приемов в речи персонажей Дж. Стейнбека немногочисленно, однако каждый пример помогает автору создать определенную атмосферу уклада жизни представителей рабочего класса. Разговорный стиль повествования указывает на социальный слой, к которому относятся все персонажи в представленном произведении. Автор обращается к повседневному дискурсу для создания живых и правдоподобных образов, передачи эмоций и чувств своих персонажей, а также описания их характеров и мировоззрения.
4. Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что лексические стилистические средства в повести Дж. Стейнбека «Of Mice and Men» играют значительную роль в создании ярких и запоминающихся речевых портретов персонажей.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. (2013). *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Рипол Классик. 614 с.
2. Гальперин, И. Р. (1958). *Очерки по стилистике английского языка*. Москва: Изд-во лит. на иностр. яз. 459 с.
3. Гафарова, А. С. (2006). Речевой портрет: социолингвистические характеристики (автореф. дис. ... канд. филол. наук). Тверь. 20 с.
4. Домашнев, А. И., Шишкина, И. П., & Гончарова, Е. А. (1989). *Интерпретация художественного текста* (2-е изд., дораб.). Москва: Просвещение. 208 с.
5. Карасик, В. И., & Дмитриева, О. А. (2005). Лингвокультурный типаж: к определению понятия. В кн.: *Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажу: сб. науч. тр.* (с. 5–25). Волгоград: Парадигма.
6. Китайгородская, М. В., & Розанова, Н. Н. (1995). *Русский речевой портрет*. Москва: Просвещение. 432 с.
7. Котович, М. И. (2015). Языковые средства создания персонажа в художественном произведении. В кн.: *Идеи. Поиски. Решения: сборник статей и тезисов IX Междунар. науч. практ. конф.* (с. 64–68).
8. Леорда, С. В. (2006). Речевой портрет современного студента (автореф. дис. канд. фил. наук). Саратов. 19 с.
9. Панов, М. В. (1990). *История русского литературного произношения XVIII–XX вв.* (Отв. ред. Д. Н. Шмелев; АН СССР. Ин-т рус. яз.). Москва: Наука. 453 с.
10. Тарасенко, Т. П. (2007). Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара) (автореф. дисс. ... канд. филол. наук). Краснодар. 26 с.
11. Joshi, K. Sh. (2017). Speech representation in fiction. *International Journal of Innovative Knowledge Concepts*, 5(11), 208–213.
12. Jurafsky, D., Ranganath, D., & McFarland, A. (2009). Extracting social meaning: Identifying interactional style in spoken conversation. *NAACL '09: Proceedings of Human Language Technologies: The 2009 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics*, июнь, 638–646.

13. Lee, S., Park, J., & Um, D. (2021). Speech characteristics as indicators of personality traits. *Applied Sciences*, *11*, 8776. <https://doi.org/10.3390/app11188776> EDN: <https://elibrary.ru/EXSVPI>
14. Pennebaker, J., & King, L. (1999). Linguistic styles: Language use as an individual difference. *Journal of Personality and Social Psychology*, *77*(6), 1296–1312. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.77.6.1296> EDN: <https://elibrary.ru/GXUJCT>
15. Rimmon-Kenan, Sh. (1983). *Narrative fiction: Contemporary poetics*. New York: Routledge. 173 p.
16. Steinbeck, J. (2017). *Of Mice and Men*. London: Penguin Books. 105 p.

References

1. Akhmanova, O. S. (2013). *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Ripol Classic. 614 p.
2. Galyperin, I. R. (1958). *Essays on the stylistics of the English language*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 459 p.
3. Gafarova, A. S. (2006). Speech portrait: sociolinguistic characteristics (Abstract of candidate thesis). Tver. 20 p.
4. Domashnev, A. I., Shishkina, I. P., & Goncharova, E. A. (1989). *Interpretation of a literary text* (2nd ed., revised). Moscow: Prosveshchenie. 208 p.
5. Karasik, V. I., & Dmitrieva, O. A. (2005). Linguocultural type: towards the definition of the concept. In *Axiological linguistics: linguocultural types: collection of scientific papers* (pp. 5–25). Volgograd: Paradigma.
6. Kitaygorodskaya, M. V., & Rozanova, N. N. (1995). *Russian speech portrait*. Moscow: Prosveshchenie. 432 p.
7. Kotovich, M. I. (2015). Linguistic means of creating a character in a literary work. In *Ideas. Search. Solutions: collection of articles and abstracts of the IX International Scientific and Practical Conference* (pp. 64–68).
8. Leorda, S. V. (2006). Speech portrait of a modern student (Abstract of candidate thesis). Saratov. 19 p.
9. Panov, M. V. (1990). *History of Russian literary pronunciation XVIII–XX centuries* (Ed. D. N. Shmelev; USSR Academy of Sciences. Institute of Russian Language). Moscow: Nauka. 453 p.

10. Tarasenko, T. P. (2007). Language personality of a high school student in terms of its speech realizations (based on the data of an associative experiment and the slang of Krasnodar schoolchildren) (Abstract of candidate thesis). Krasnodar. 26 p.
11. Joshi, K. Sh. (2017). Speech representation in fiction. *International Journal of Innovative Knowledge Concepts*, 5(11), 208–213.
12. Jurafsky, D., Ranganath, D., & McFarland, A. (2009). Extracting social meaning: Identifying interactional style in spoken conversation. *NAACL '09: Proceedings of Human Language Technologies: The 2009 Annual Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics*, June, 638–646.
13. Lee, S., Park, J., & Um, D. (2021). Speech characteristics as indicators of personality traits. *Applied Sciences*, 11, 8776. <https://doi.org/10.3390/app11188776> EDN: <https://elibrary.ru/EXSVPI>
14. Pennebaker, J., & King, L. (1999). Linguistic styles: Language use as an individual difference. *Journal of Personality and Social Psychology*, 77(6), 1296–1312. <https://doi.org/10.1037//0022-3514.77.6.1296> EDN: <https://elibrary.ru/GXUJCT>
15. Rimmon-Kenan, Sh. (1983). *Narrative fiction: Contemporary poetics*. New York: Routledge. 173 p.
16. Steinbeck, J. (2017). *Of Mice and Men*. London: Penguin Books. 105 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Евстафиади Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
Оренбургский государственный университет
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
olga.evstafiadi@gmail.com

Ковалева Кристина Валентиновна, студент 4 курса института языков и культур, кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка
Оренбургский государственный университет

*просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
kristins36903@gmail.com*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Evstafiadi, PhD in Philology, Associate Professor, Department of English Philology and the English Language Teaching Methods
*Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
olga.evstafiadi@gmail.com
SPIN-code: 1724-1046
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7597-1333>
ResearcherID: AAD-9958-2021
Scopus Author ID: 634048
Academia.edu: https://independent.academia.edu/Ольга_Евстафиади*

Kristina V. Kovalyova, 4th year Student at the Institute of Languages and Cultures, Department of English Philology and the English Language Teaching Methods
*Orenburg State University
13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
kristins36903@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-5263-4896>*

Поступила 09.04.2025
После рецензирования 20.04.2025
Принята 29.04.2025

Received 09.04.2025
Revised 20.04.2025
Accepted 29.04.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-508 EDN: ZNARTQ

УДК 81

Научная статья | Языки народов зарубежных стран

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ САРКАЗМА В ЖАНРЕ СПОРТИВНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

К.А. Павлова

Аннотация

Обоснование. Исследование посвящено прагмастилистическим механизмам функционирования сарказма в жанре спортивной аналитической статьи. Жанр спортивной аналитической статьи, синтезирующий детализированный анализ спортивного события и его оценку, относится к оценочным жанрам спортивного дискурсивного пространства. Резко пейоративная оценочность проявляется в различных формах речевой агрессии, одной из которых выступает сарказм. В теоретической части рассматривается корреляция таких явлений, как *сарказм* и *ирония*, и определяются дифференцирующие параметры, способствующие их разграничению. В практической части приводится прагмастилистический анализ иллокутивных индикаторов сарказма, наиболее рекуррентных в рамках исследуемого жанра.

Цель. Выявить иллокутивные индикаторы сарказма в жанре спортивной аналитической статьи и рассмотреть способы их языковой репрезентации.

Материалы и методы. В качестве материалов для исследования был задействован корпус текстов англоязычных аналитических статей по спортивной тематике (110 ед.) за 2024 г. из британских онлайн-версий изданий *The Guardian*, *The Independent*, *Metro*. Для достижения цели и решения поставленных задач были использованы следующие методы исследования: метод анализа и синтеза теоретического материала, корпусный метод, метод дискурсивного анализа, метод контекстуального анализа, метод интерпретативного анализа. Комплексное применение данных методов позволило получить достоверные знания о наиболее частотных иллокутивных индикаторах сарказма и способах их языковой репрезентации.

Результаты анализа показали, что сарказм как форма речевой агрессии является конститутивным свойством жанра спортивной аналитической статьи. Он представляет собой один из способов выражения резко негативной критики, направленной на дискредитацию спортивной личности в сознании массовой аудитории. Следует различать иронию и сарказм, так как в основе данных явлений, несмотря на общность двуплановой природы (некогерентность плана выражения и плана содержания), заложены разные авторские интенции: создание комического эффекта (ирония) и уничтожение объекта высказывания (сарказм). Иллокутивные индикаторы сарказма в исследуемом жанре отличаются стилистическим разнообразием. Нами были зафиксированы следующие индикаторы: компаративные конструкции, метафоры, паронимические аттракции, литоты, а также вспомогательные индикаторы: эпитет, анафора, асиндетон, аллитерация.

Область применения. Полученные результаты могут быть использованы для дальнейших исследований речевой агрессии, иронии и сарказма, в частности, в рамках спортивного дискурса и его жанров; основные положения данной работы могут быть задействованы в вузовских курсах лекций по общему языкознанию и в спецкурсах, посвященных спортивному дискурсу.

Ключевые слова: спортивная аналитическая статья; спортивный дискурс; речевая агрессия; сарказм; иллокутивные индикаторы

Для цитирования. Павлова, К. А. (2025). Иллокутивные индикаторы сарказма в жанре спортивной аналитической статьи. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 158–175. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-508>

Original article | Languages of Peoples of Foreign Countries

ILLOCUTIONARY INDICATORS OF SARCASM IN THE GENRE OF SPORTS ANALYTICAL ARTICLES

K.A. Pavlova

Abstract

Background. The article focuses on the pragma-stylistic mechanisms of sarcasm in the genre of sports analytical articles. The genre, which rep-

resents a detailed analysis of a sporting event or phenomenon together with its evaluation, is an evaluative genre within the discursive space of sports. The pejorative evaluation manifests in various forms of verbal aggression, including sarcasm. Based on the theoretical research study, the correlation between sarcasm and irony is examined, and differentiating parameters that help distinguish two phenomena are identified. In the practical part a pragma-stylistic analysis of the most recurrent illocutionary indicators of sarcasm within the studies genre is provided.

The **purpose** of the study is to identify illocutionary indicators of sarcasm in the genre of sports analytical articles and examine their linguistic side.

Materials and methods. The research materials comprise a corpus of English-language sports analytical articles (110 texts) from 2024, taken from digital versions of the British magazines such as *The Guardian*, *The Independent*, *Metro*. The main research methods include theoretical analysis and synthesis, corpus analysis together with discourse, contextual and interpretive analyses. The integrated application of the methods enumerated has given an opportunity to obtain reliable data on the most frequent illocutionary indicators of sarcasm and their linguistic representation.

Results. The analysis revealed that sarcasm, as a form of verbal aggression, is a constitutive feature of the genre of sports analytical article. It serves as a means of expressing sharply negative criticism aimed at discrediting sports figures. Irony and sarcasm should be distinguished. Despite their shared dual nature (incongruity between expression and content), they differ in the authorial intent since irony creates a comic effect and sarcasm demeans the target of discussion. The illocutionary indicators of sarcasm exhibit stylistic diversity within the studied genre. The *primary indicators* such as comparative constructions, metaphors, patronymic attractions, litotes together with *auxiliary indicators* such as epithets, anaphora, asyndeton, alliteration were identified.

Practical implications. The findings can be used for further research of verbal aggression, irony, and sarcasm, particularly sports discourse and its genres. Key results can be used in the development of university linguistic courses as well as specialized courses on sports discourse.

Keywords: sports analytical article; sports discourse; verbal aggression; sarcasm; illocutionary indicators

For citation. Pavlova, K. A. (2025). Illocutionary indicators of sarcasm in the genre of sports analytical articles. *Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 158–175. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-508>

Введение

Спортивная аналитическая статья – самостоятельный жанр спортивного дискурсивного пространства, представляющий собой оценку и анализ спортивного события или явления. Его уникальность находит свое отражение в лингвостилистических, прагма-коммуникативных и прагма-когнитивных параметрах текста, среди которых особое место отводится элементам речевой агрессии, нередко задействованным спортивными журналистами по мере развития нарратива. Одним из наиболее рекуррентных способов проявления речевой агрессии, направленных на интенсификацию эмоциональной выразительности и резко пейоративной оценочности текстов, является сарказм.

Сарказм как явление лингвокогнитивного порядка находится в тесной корреляции с таким явлением, как ирония, и не может быть исследовано в отрыве от него. Ирония – феномен сложный и многогранный, определяемый как «средство концептуализации знания о мире адресатом, особый способ понимания, осмысления и интерпретации мироустройства» [5, с. 74]. В его основе заложен семантический сдвиг, который может быть интерпретирован как таковой только «при определенных прагматических условиях» [10, с. 125–126]. Интерпретация ироничного смысла заключается в корректной дешифровке трех компонентов, заложенных в его фундамент: некогерентности, притворства и отрицательной оценки, где под некогерентностью понимается противоречие семантического или прагматического порядка между элементами высказывания [Там же, с. 300]; под притворством – несерьезный модус использования языка (*non-bona fide*) [Там же, с. 173]. Вопрос о соотношенности двух понятий представляет дискуссионную область для исследования. Проблема разграничения иронии и сарказма происходит из общей двуплановой природы данных явлений – противопоставлении

подразумеваемого и эксплицируемого. Они схожи и в способах вербализации, представленных многообразием лексических единиц, тропов, стилистических приемов и средств интертекстуальности. Ряд исследователей полагает, что сарказм – это троп, особый вид иронии, ее крайнее проявление [1, с. 325; 3, с. 123]. Саркастическая ирония, как отмечает А.А. Потебня, проявляется в коммуникативной ситуации, когда субъект или объект высказывания не расположены к смеху [8, с. 279]. В области прагма-коммуникативных исследований сарказм воплощает собой тактику, направленную на осуществление стратегий дисфемизации и дискредитации [6, с. 10].

Сарказм способствует выражению негативных эмоциональных реакций. В настоящей работе, опираясь на ряд исследований (см. раб. В.Г. Орловой; Ю.М. Коняевой, А.А. Самсоновой), мы рассматриваем сарказм как особую модальность оценочности, явление прагмалингвистического порядка, характеризуемое значительным воздействующим потенциалом на реципиента. В рамках данного подхода представляется целесообразным дифференцировать иронию и сарказм по параметрам *конфликтогенности* и *объекта*. Целью сарказма, в отличие от иронии, отмеченной более мягкой и доброжелательной тональностью, является уничижение объекта обсуждения; он характеризуется высоким уровнем конфликтогенности [2, с. 149] и категоричности резко отрицательной характеристики. Объект пейоративной оценки у иронии и сарказма также различен: если ирония может быть направлена на абстрактную ситуацию, то объектом сарказма выступает человек и его недостатки [4, с. 102]. Отсюда частотное использование иронии адресантами спортивных аналитических статей с целью развлечения читательской аудитории посредством создания комического эффекта, в то время как сарказм применяется для выражения критики или презрения.

Терминологический аппарат исследования иронии и сарказма включает в себя понятие *иллокутивных индикаторов*, определяющее совокупность лингвистических и паралингвистических средств, маркирующих коммуникативное намерение говорящего в конкретном речевом акте [Там же, с. 104]. В роли иллокутивных индикаторов

могут выступать различные языковые и внеязыковые средства, сигнализирующие о несоответствии на уровне пропозиции. Так, К.М. Шилихина отмечает целое разнообразие лексических, стилистических и дискурсивных приемов, направленных на формирование ироничной тональности [10, с. 125-133]. В рамках настоящего исследования автор ставит целью выявление иллюкутивных индикаторов сарказма в жанре спортивной аналитической статьи и рассмотрение наиболее частотных способов их вербализации.

Материалы и методы

Практическим материалом для исследования послужил корпус англоязычных аналитических статей по спортивной тематике (в общей сложности 110 статей) из онлайн версий качественных британских изданий *The Guardian*, *The Independent*, *Metro*. В работе использованы общенаучные методы анализа, синтеза, лингвистического наблюдения и описания. Были задействованы такие приемы лингвистического исследования, как корпусный метод; методы контекстуального, дискурсивного и интерпретативного анализа.

Результаты и обсуждение

Прежде чем перейти непосредственно к анализу рекуррентных иллюкутивных индикаторов сарказма в жанре спортивной аналитической статьи, резюмируем положения, наиболее релевантные в рамках настоящего исследования:

1. Сарказм следует рассматривать как крайнюю форму иронии, для которой характерна язвительная тональность. Саркастическая оценка – это эффектный и эффективный способ разоблачающей насмешки.
2. Авторское намерение заключается в дискредитации объекта высказывания, что представляет собой основополагающий дифференцирующий признак, способствующий разграничению сарказма и иронии, где целью последней является создание комического эффекта.
3. Иллюкутивные маркеры сарказма разнообразны и многочисленны, а их типологизация во многом зависит от исследуемого жанра.

Приведем некоторые языковые модели построения саркастических высказываний в жанре спортивной аналитической статьи, отличающиеся наибольшей коммуникативной плотностью.

1. Одна из наиболее продуктивных моделей экспликации сарказма – модель, включающая в себя в качестве иллокутивного индикатора **компаративную конструкцию**, введенную, как правило, с помощью союза ‘like’:

*Conor Gallagher replaced him on 54 minutes and was eager and effective, playing as ever **like he’s just been stung by a wasp** [18].*

Для жанра спортивной аналитической статьи характерен широкий репертуар сравнительных структур, обладающих полипрагматическим эффектом: упрощения восприятия и интерпретации образа; придания дополнительной экспрессивности, эмотивности и оценочности; создания эффекта комичности; формирования саркастической тональности. В приведенном фрагменте критика направлена на отдельного спортсмена и его манеру вести игру. Уничижительное сравнение выстроено на образе игрока, укушенного осой и бесцельно мечущегося по футбольному полю. Пейоративная характеристика усиливается фразой ‘as ever’, указывающей на постоянство непрофессионализма.

В ряде случаев сарказм интенсифицируется с помощью **последовательности** компаративных конструкций:

*Let’s talk about Bellingham for a bit. The Bellingham who famously doesn’t turn up in big games, and – to be honest – didn’t really turn up for most of this one. Who can’t possibly be fully fit. Who spent his evening raging at the fates, raging at his teammates, drifting and hiding, **like a man trying to sneak past the bouncers. Like a player on a computer game where only a few of the buttons work** [13].*

Данный фрагмент примечателен целым спектром иллокутивных индикаторов сарказма, способствующих формированию язвительной тональности. Диссонанс между формальным содержанием отрывка и истинным уничижительным контекстом маркирован посредством ряда языковых единиц. Прежде всего автором задействована намеренная абсурдность двух аналогий, позволяющая отождествить фут-

болиста: (1) с человеком, пытающимся проскользнуть мимо вышибал (*like a man trying to sneak past the bouncers*), что придает образу спортсмена оттенок трусости; (2) с игроком в компьютерной игре, в которой функционируют не все кнопки (*Like a player on a computer game where only a few of the buttons work*), что указывает на некоторую степень неуправляемости спортсмена и его бесполезность. Также нами зафиксированы такие иллокутивные индикаторы, как: (1) императив (*Let's talk about Bellingham for a bit*), формально функционирующий в роли призыва к обсуждению спортивной личности и ее профессиональных качеств и вместе с тем указывающий на истинную интенцию автора дать отрицательную характеристику; (2) параллелизм в сочетании с анафорой (*who*), что формирует эффект обвинительного перечисления и нагнетания; (3) вводная фраза (*to be honest*), необходимая, с одной стороны, для имитации фальшивой откровенности, и, с другой – подчеркивания язвительности.

Субъектами сарказма могут выступать не только сингулятивы (*спортсмен, тренер, менеджер*), но и собирательные существительные (*команды, сборные*):

Outside of Jude Bellingham's 45-minute game within a game in Gelsenkirchen last Sunday, a bolt-on tube of nitrous oxide, England have played like a team with a migraine [18].

В приведенном фрагменте инкорпорирование медицинской терминологии (*migraine*) позволяет построить яркий пейоративный образ дезориентированной сборной, демонстрирующей низкие результаты.

2. В качестве иллокутивного маркера сарказма в жанре спортивной аналитической статьи могут выступать структуры, содержащие различные **метафорические** образы:

And so, as Milan Skriniar boots the ball over the line and jogs back into position, the ornate scaffolding of England humiliation has already been mostly assembled. The WhatsApp groups are going toxic. The boos from the England fans that have been unleashed in sporadic bursts are tuning up for one final grand concerto. Disgusted of YouTube is already weighing up the merits of Graham Potter versus Eddie Howe to a live seven-figure audience [13].

Основной прагматический потенциал заложен в двух театраль-но-сценических метафорах ‘the ornate **scaffolding** of England humiliation’ и ‘one final **grand concerto**’, благодаря которым автору, эстетизирующему спортивный провал (*humiliation*) и высмеивающему гиперболизированную театральность реакции болельщиков (*grand concerto*), удается придать саркастический эффект всему высказыванию.

Представляет интерес аллюзия на социокультурный феномен ‘Disgusted of Tunbridge Wells’. Под ним понимается классический образ вечно недовольного читателя, который обращается в письменной форме к редактору газеты с целью выражения недовольства по малозначительному поводу. Использование данного образа затрудняет процесс корректной интерпретации сарказма потенциальным читателем, незнакомым с ним. Предвосхищая общность апперцепционной базы с адресатом, адресант задействует образ в современном цифровом контексте (*Disgusted of Youtube*).

В некоторых фрагментах нами зафиксированы случаи комбинированного использования метафор и сравнений:

Time calls for everyone in the end, and here there was something present below the hum of the crowd every time Kane took the ball and seemed to be visibly rearranging his legs, like a pantomime horse setting off on a trot, the creak of the clapper, the clanging of that distant bell [19].

Конвергенция спортивного и театрального дискурсов предопределяет высокую частотность театрально-сценической лексики в спортивном дискурсивном пространстве и его жанрах. Так, в приведенном фрагменте мы наблюдаем применение лексики, относящейся к сфере театра (*a pantomime horse*). Уподобление спортсмена пантомимной лошади (костюм, где два человека изображают лошадь), активизирует в массовом сознании читателя такие смыслы, как *беспомощность* и *неуклюжесть*, а также ассоциации с детскими представлениями, что значительно понижает профессионализм футболиста в глазах адресата. Звуковые метафоры с элементами аллитерации (*the creak of the clapper, the clanging of that distant bell*) создают сильные аудиальные образы немощности, дряхлости и предсмертного звона, указывающего на скорый закат карьеры. Ин-

тонационная обрывистость достигается посредством асиндетона (бессоюзия). Представляется целесообразным отметить и стилистический диссонанс отрывка: противопоставление стилизации под шекспировские размышления о бренности жизни и времени (*time calls for everyone*), и комедийного образа (*a pantomime horse*), что в саркастичной манере поэтизирует упадок спортивной карьеры.

Неконвенциональные метафоры и сравнения, будучи следствием авторской лингвокреативности, обладают высоким прагматическим потенциалом. Они служат средством выражения оценочности, эмотивности, а также формирования ироничной и саркастической тональности:

The fit looked wrong, the recipe doomed. With Gilmour spraying the ball around Scotland seemed to be trying to make a truffle risotto with a Pot Noodle, a can of Tennent's and half a pound of cheddar. You might actually get the best results in the end just chugging it all down with a fork as God intended [20].

В приведенном фрагменте ключевым маркером сарказма является неконвенциональная метафора, относящаяся к сфере кулинарии (*recipe*). Посредством компаративной структуры автор отождествляет *красивый футбол с трюфельным ризотто*: попытки плохо подготовленных спортсменов проявить профессионализм на футбольном поле сравниваются с попытками приготовить изысканное блюдо из дешевых, плохо сочетаемых ингредиентов (*Pot Noodle, can of Tennent's, half a pound of cheddar*). В качестве еще одного индикатора сарказма выступает идиома 'as God intended', добавляющая гиперболизированную псевдосерьезность утверждению. Происхождение данной идиомы восходит к религиозному дискурсу, что создает прочные ассоциации с религиозной коммуникацией. В приведенном контексте идиома применена в отношении к абсурдному действию потребления несовместимых продуктов, что сигнализирует о несерьезном модусе высказывания.

3. Функционирование **паронимической аттракции** не сводится исключительно к комической целеустановке [7, с. 12]. Оказываются смысловые связи, возникающие между близкозвучными

словами, также могут способствовать созданию саркастической тональности:

*Even his **absence** feels like a kind of **presence**. The cameras continue to seek him out. The fans in the stands in their replica Manchester United tops screech a little louder, scowl a little harder. The less he does, the more important he becomes* [15].

Близкозвучной парой слов выступают лексические единицы ‘absence’ и ‘presence’, созвучие которых порождает смысловые связи, основанные на ассоциациях, существующих в сознании адресата, и подчеркивающие навязчивое доминирование Криштиану Роналду в медиапространстве, которое и выступает поводом для резкой критики. Ряд стилистических приемов, среди которых анафора (*The... The...*) и асиндетон (*tops screech a little louder, scowl a little harder*), маркируют истинную интенцию автора, которая заключается в выражении пейоративного отношения к культуре личности португальского спортсмена.

4. Диссонанс предполагаемого и реального как основы саркастического замечания может быть построен на **литоте**:

*A historic victory for a catalytic Portuguese manager at Old Trafford. Just what Sir Jim Ratcliffe and the powerbrokers who headhunted Ruben Amorim imagined, but for **one minor detail**. The winner was not their glamorous newcomer but the unfashionable figure of Nuno Espirito Santo, who has steered Nottingham Forest to heights few dared to think they could touch* [12].

Индефинитизация победы сборной «Ноттингем Форест» под руководством Нуну Эшпириту Санту (а не «Манчестер Юнайтед» под руководством Рубена Amorима, как ожидалось изначально) посредством лексемы ‘detail’, усиленной, в свою очередь, литотой ‘minor’, придает саркастический эффект высказыванию. Данный эффект возникает как следствие некогерентности плана выражения (*незначительная деталь*) и плана содержания (*неудача главного тренера сборной*). Следует отметить и вспомогательные иллюкутивные индикаторы сарказма: контрастирующие эпитеты (*glamorous newcomer* и *unfashionable figure*), гиперболизирующие эпитеты (*historic victory, catalytic manager*).

Продемонстрируем еще один случай использования намеренного преуменьшения с целью построения саркастического высказывания:

To say Miami's preseason tour was a circus would be unfair to the acrobats and clowns [17].

В статье освещается провал мирового турне «Интер Майами» 2024 г., который, по мнению автора, был вызван плохой организацией и непоследовательностью решений ответственных лиц. Эта ситуация намеренно обыгрывается через ассоциации с хаотичностью цирковых представлений. Лексема 'circus' в переносном значении отличается устойчивой негативной коннотацией, что отражается в англоязычных словарях: *something suggestive of a circus (as in frenzied activity, sensationalism, theatricality, or razzle-dazzle) [16]; A circus is also something noisy and confused [11]*. В сознании читателя данная лексема активизирует смыслы *неразберихи* и *нелепости*, интенсифицированные благодаря тому, что даже цирк как отрицательный эталон хаоса не может сравниться с хаосом провального турне. Таким образом, литота (*would be unfair*), имитируя заботу о репутации цирка, направлена на усиление саркастической оценки.

Часть фрагментов из корпуса текстов не содержит прямых индикаторов сарказма, а его декодирование возможно при условии корректной интерпретации более широкого контекста и наличия фоновых знаний:

*Somehow they even applied some late pressure with a couple of corners, but they could have taken a hammering. **The only good news is that they did keep the score down** [21].*

Сборная Италии по футболу является одной из топовых команд мирового уровня. Контраст между высоким статусом команды и ее неудачной игрой, в качестве единственного положительного момента которой автор выделяет сохранение счета (*to keep the score down*), представляет собой контраст ожидаемого и реального: отсутствие большого количества пропущенных голов подается автором как «хорошая новость», что, учитывая статус сборной, является не комплиментарной, а уничижительной характеристикой.

Заключение

Итак, сарказм как разновидность речевой агрессии представляет собой крайнее проявление иронии и является конститутивным свойством жанра спортивной аналитической статьи. Дифференцирующими параметрами, отличающими сарказм от иронии, выступают: (1) объект оценки, всегда представленный человеком (спортивной личностью или спортивной сборной); (2) конфликтность, детерминированная исходной интенцией автора дать пейоративную характеристику объекту высказывания. Исходя из анализа фрагментов, содержащих сарказм, мы приходим к выводу о том, что он может быть корректно дешифрован адресатом при условии сосуществования с адресантом в едином национально-культурном и коммуникативном пространстве и наличии общей апперцепционной базы. Наиболее рекуррентными иллюкутивными индикаторами сарказма в исследуемом жанре выступают компаративные конструкции, метафоры, паронимические аттракции, литоты; в качестве вспомогательных частотных индикаторов нами зафиксированы эпитет, анафора, асиндетон, аллитерация.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в выявлении других способов экспликации сарказма в спортивной аналитической статье. Актуальным вектором для дальнейших научных изысканий представляется типологизация способов вербализации сарказма на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях; подробное рассмотрение лингвокогнитивного механизма его функционирования; изучение основ его воздействующего потенциала на массовую аудиторию.

Список литературы

1. Белинский, В. Г. (1956). *Полное собрание сочинений. Том десятый*. Москва: Изд-во Академии наук СССР. 476 с.
2. Вавилова, Т. В. (2010). О понятии сарказма. *Вестник Московского гос. лингв. университета, (596(17))*, 147–155. EDN: <https://elibrary.ru/NTEPVH>
3. Коняева, Ю. М., & Самсонова, А. А. (2021). Саркастическая оценка в массмедиа как дискредитация личности: речевая репрезента-

- ция. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, (4(42)), 122–132. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10414> EDN: <https://elibrary.ru/TFCTQP>
4. Костыгова, А. С. (2013). Лингвопрагматические и стилистические особенности высказываний с саркастическим смыслом. *Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена*, (160), 101–107. EDN: <https://elibrary.ru/QJHKIT>
 5. Курьянович, А. В. (2019). Функциональный ресурс иронии в современном медиадискурсе (на материале переписки в социальной сети Facebook). *Вестник Евразийского нац. ун-та имени Л. Н. Гумилёва. Серия Журналистика*, (2(127)), 69–77.
 6. Мишланов, В. А., & Нецветаева, Н. С. (2009). Коммуникативные стратегии и тактики в современном политическом дискурсе (на материале политической рекламы предвыборных кампаний 2003, 2007, 2008 гг.). *Вестник Пермского ун-та*, (6), 5–13. EDN: <https://elibrary.ru/KXUOLL>
 7. Молчанова, Г. Г. (2022). Паронимическая аттракция как средство декодирования поливалентности текста/дискурса. *Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*, (3), 9–16. EDN: <https://elibrary.ru/OETOWI>
 8. Потебня, А. А. (1990). *Теоретическая поэтика* (Сост., вступ. ст., коммент. А. Б. Муратова). Москва: Высш. шк. 344 с.
 9. Орлова, Г. В. (2005). Средства формирования иронической модальности в современном публицистическом дискурсе (Дис. ... канд. филол. наук). Санкт-Петербург. 176 с. EDN: <https://elibrary.ru/NNJXEN>
 10. Шилихина, К. М. (2014). Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты (Дис. ... д-ра филол. наук). Воронеж. 399 с. EDN: <https://elibrary.ru/NNTRZX>
 11. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. (2025). Получено с <https://dictionary.cambridge.org/dictionary> (дата обращения: 07.04.2025)
 12. Jolly, R. (2025). Man Utd discover a painful lesson as Ruben Amorim's honeymoon period abruptly ended. Получено с <https://www.independen->

- dent.co.uk/sport/football/manchester-united-nottingham-forest-result-final-score-b2660620.html (дата обращения: 07.04.2025)
13. Liew, J. (2025). England keep the faith and Jude Bellingham conjures a late miracle. Получено с <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jun/30/england-keep-the-faith-and-fate-smiles-on-gareth-southgate> (дата обращения: 07.04.2025)
 14. Liew, J. (2025). Happy Rashford is a happy Manchester United as winger ends goal drought. Получено с <https://www.theguardian.com/football/2024/sep/14/happy-rashford-is-a-happy-manchester-united-as-winger-ends-goal-drought> (дата обращения: 07.04.2025)
 15. Liew, J. (2025). Portugal v France: a galactic battle lost in the black hole of one man's ego. Получено с <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jul/05/portugal-v-france-a-galaxy-sized-occasion-sucked-into-the-black-hole-of-one-mans-ego> (дата обращения: 07.04.2025)
 16. Merriam-Webster Dictionary. (2025). Получено с <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 07.04.2025)
 17. Nalton, J. (2025). Boos, thrashings and injuries: how Inter Miami's world tour turned into a circus. Получено с <https://www.theguardian.com/football/2024/feb/06/inter-miami-messi-beckham-hong-kong-tour-mls> (дата обращения: 07.04.2025)
 18. Ronay, B. (2025). England look terrified and they have no functioning midfield. Получено с <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jun/20/england-look-terrified-and-they-have-no-functioning-midfield> (дата обращения: 07.04.2025)
 19. Ronay, B. (2025). Kane has been the defining player of an era, but this thing has run its course. Получено с <https://www.theguardian.com/football/2024/nov/17/kane-has-been-the-defining-player-of-a-successful-era-but-that-has-run-its-course> (дата обращения: 07.04.2025)
 20. Ronay, B. (2025). Scotland learn to use Billy Gilmour's talents and reap the rewards. Получено с <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jun/19/scotland-learn-to-use-billy-gilmours-talents-and-reap-the-rewards> (дата обращения: 07.04.2025)
 21. Wilson, J. (2025). Italy thankful to avoid a hammering from Spain's deftly modern superstars. Получено с <https://www.theguardian.com/>

football/article/2024/jun/20/italy-had-a-chastening-evening-in-defeat-to-spain-a-night-of-chasing-and-hoping (дата обращения: 07.04.2025)

References

1. Belinsky, V. G. (1956). *Complete works. Volume ten*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 476 p.
2. Vavilova, T. V. (2010). On the concept of sarcasm. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University*, (596(17)), 147–155. EDN: <https://elibrary.ru/NTEPVH>
3. Konyaeva, Yu. M., & Samsonova, A. A. (2021). Sarcastic evaluation in mass media as a discreditation of personality: speech representation. *Sign: Problematic Field of Media Education*, (4(42)), 122–132. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10414> EDN: <https://elibrary.ru/TFCTQP>
4. Kostygova, A. S. (2013). Linguopragmatic and stylistic features of statements with sarcastic meaning. *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, (160), 101–107. EDN: <https://elibrary.ru/QJHKIT>
5. Kuryanovich, A. V. (2019). Functional resource of irony in modern media discourse (based on Facebook correspondence). *Bulletin of the Eurasian National University named after L. N. Gumilyov. Series Journalism*, (2(127)), 69–77.
6. Mishlanov, V. A., & Netsvetaeva, N. S. (2009). Communicative strategies and tactics in modern political discourse (based on political advertising of election campaigns of 2003, 2007, 2008). *Bulletin of Perm University*, (6), 5–13. EDN: <https://elibrary.ru/KXUOLL>
7. Molchanova, G. G. (2022). Paronymic attraction as a means of decoding polyvalence of text/discourse. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, (3), 9–16. EDN: <https://elibrary.ru/OETOWI>
8. Potebnya, A. A. (1990). *Theoretical poetics* (Edited, introductory article, commentary by A. B. Muratov). Moscow: Higher School. 344 p.
9. Orlova, G. V. (2005). Means of forming ironic modality in modern journalistic discourse (Candidate thesis). Saint Petersburg. 176 p. EDN: <https://elibrary.ru/NNJXEH>

10. Shilikhina, K. M. (2014). Discourse practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects (Doctoral thesis). Voronezh. 399 p. EDN: <https://elibrary.ru/NNTRZX>
11. Cambridge Free English Dictionary and Thesaurus. (2025). Retrieved from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary> (Accessed: April 7, 2025)
12. Jolly, R. (2025). Man Utd discover a painful lesson as Ruben Amorim's honeymoon period abruptly ended. Retrieved from <https://www.independent.co.uk/sport/football/manchester-united-nottingham-forest-result-final-score-b2660620.html> (Accessed: April 7, 2025)
13. Liew, J. (2025). England keep the faith and Jude Bellingham conjures a late miracle. Retrieved from <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jun/30/england-keep-the-faith-and-fate-smiles-on-gareth-southgate> (Accessed: April 7, 2025)
14. Liew, J. (2025). Happy Rashford is a happy Manchester United as winger ends goal drought. Retrieved from <https://www.theguardian.com/football/2024/sep/14/happy-rashford-is-a-happy-manchester-united-as-winger-ends-goal-drought> (Accessed: April 7, 2025)
15. Liew, J. (2025). Portugal v France: a galactic battle lost in the black hole of one man's ego. Retrieved from <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jul/05/portugal-v-france-a-galaxy-sized-occasion-sucked-into-the-black-hole-of-one-mans-ego> (Accessed: April 7, 2025)
16. Merriam-Webster Dictionary. (2025). Retrieved from <https://www.merriam-webster.com> (Accessed: April 7, 2025)
17. Nalton, J. (2025). Boos, thrashings and injuries: how Inter Miami's world tour turned into a circus. Retrieved from <https://www.theguardian.com/football/2024/feb/06/inter-miami-messi-beckham-hong-kong-tourmls> (Accessed: April 7, 2025)
18. Ronay, B. (2025). England look terrified and they have no functioning midfield. Retrieved from <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jun/20/england-look-terrified-and-they-have-no-functioning-midfield> (Accessed: April 7, 2025)
19. Ronay, B. (2025). Kane has been the defining player of an era, but this thing has run its course. Retrieved from <https://www.theguardian.com/football/2024/nov/17/kane-has-been-the-defining-player-of-a-successful-era-but-that-has-run-its-course> (Accessed: April 7, 2025)

20. Ronay, B. (2025). Scotland learn to use Billy Gilmour's talents and reap the rewards. Retrieved from <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jun/19/scotland-learn-to-use-billy-gilmours-talents-and-reap-the-rewards> (Accessed: April 7, 2025)
21. Wilson, J. (2025). Italy thankful to avoid a hammering from Spain's deftly modern superstars. Retrieved from <https://www.theguardian.com/football/article/2024/jun/20/italy-had-a-chastening-evening-in-defeat-to-spain-a-night-of-chasing-and-hoping> (Accessed: April 7, 2025)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Павлова Ксения Андреевна, ассистент высшей школы лингвистики и педагогики
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
ул. Политехническая, 29, г. Санкт-Петербург, 195251, Российская Федерация
lone9782@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ksenia A. Pavlova, instructor, Higher School of Linguistics and Pedagogy
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
29, Polytechnicheskaya Str., St. Petersburg, 195251, Russian Federation
lone9782@yandex.ru
SPIN-code: 7304-7061
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0898-131X>

Поступила 08.04.2025
После рецензирования 28.04.2025
Принята 06.05.2025

Received 08.04.2025
Revised 28.04.2025
Accepted 06.05.2025

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**HISTORY STUDIES**DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-510 EDN: GJMYDL
УДК 93/94

Научная статья | Отечественная история

**ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
В.М. ФЛОРИНСКОГО ВО ВРЕМЯ ОБУЧЕНИЯ
В ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ***Н.А. Качин, Н.С. Харина**Аннотация*

Обоснование. Период обучения выдающегося ученого В.М. Флоринского в Пермской духовной семинарии (1848-1853 гг.) заслуживает особого внимания как ключевой этап его духовного и профессионального становления. На основе архивных материалов и мемуарных свидетельств анализируются влияние религиозного воспитания, образовательной среды и преподавательского состава на формирование мировоззрения будущего ученого. Особое внимание уделяется развитию его исследовательских и гуманитарных интересов, включая влияние философии, истории и литературы. Авторы затрагиваются вопросы восприятия В.М. Флоринским полученного образования и его значение для последующей научной и общественной деятельности.

Цель – выявить и проанализировать основные факторы, повлиявшие на духовное становление В.М. Флоринского в период его обучения в Пермской духовной семинарии, а также определить их роль в его последующей научной и общественной деятельности.

Материалы и методы. Статья базируется на источниках личного происхождения: это мемуары и дневники В.М. Флоринского. Главным научным методом является историко-генетический метод. Кроме того,

используются и другие методы, такие как анализ, синтез, сравнение, классификация и типология, что помогает структурировать и глубже понять отдельные аспекты духовного и профессионального становления ученого.

Результаты. Исследование мемуаров В.М. Флоринского демонстрирует решающую роль духовного и гуманитарного воспитания в формировании его личности, а также подчёркивает влияние религиозных взглядов на его профессиональный путь и общественную активность. Воспитанный в религиозной среде, он сформировал традиционные христианские взгляды и, несмотря на знакомство с западными идеями скептицизма и материализма, остался приверженцем православной веры.

Образование в Пермской духовной семинарии он оценивал высоко, особенно за возможность изучения первоисточников, развития критического мышления и овладения латинским языком. Знакомство с семинарской библиотекой и интеллектуальная среда преподавателей оказали значительное влияние на его научные устремления, сформировав у него осознание ценности гуманитарных дисциплин, таких как философия, история и языки.

Опыт, полученный в Пермской духовной семинарии, сыграл ключевую роль в формировании его личности и научных интересов. Именно там он выработал для себя образ ученого, посвятившего жизнь изучению и распространению знаний. Дальнейшее исследование его личных архивов, переписки и неопубликованных материалов позволит не только дополнить его биографию, но и углубить понимание роли духовных семинарий в подготовке научных и общественных деятелей XIX в.

Ключевые слова: В.М. Флоринский; мемуары; Пермская духовная семинария; педагогическая система; духовное воспитание; «благоприятная среда»

Для цитирования. Качин, Н. А., & Харина, Н. С. (2025). Духовное становление В.М. Флоринского во время обучения в Пермской духовной семинарии. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 176–192. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-510>

Original article | National History

SPIRITUAL FORMATION OF V.M. FLORINSKY DURING HIS STUDIES AT THE PERM THEOLOGICAL SEMINARY

N.A. Kachin, N.S. Kharina

Abstract

Background. The period of study of the outstanding scientist V.M. Florinsky at the Perm Theological Seminary (1848–1853) deserves special attention as a key stage in his spiritual and professional development. Based on archival materials and memoir evidence, the influence of religious upbringing, the educational environment, and the teaching staff on the formation of the future scientist’s worldview is analyzed. Special attention is paid to the development of his research and humanitarian interests, including the impact of philosophy, history, and literature. The authors address the issues of V.M. Florinsky’s perception of his education and its significance for his subsequent scientific and social activities.

Purpose – to identify and analyze the key factors that influenced V.M. Florinsky’s spiritual development during his studies at the Perm Theological Seminary, as well as to determine their role in his subsequent scientific and social activities.

Materials and methods. The article is based on sources of a personal nature: the memoirs and diaries of V.M. Florinsky. The main scientific method used is the historical-genetic method. Additionally, other methods such as analysis, synthesis, comparison, classification, and typology are employed to structure and gain a deeper understanding of various aspects of the scholar’s spiritual and professional development.

Results. The study of V.M. Florinsky’s memoirs demonstrates the crucial role of spiritual and humanitarian education in shaping his personality and highlights the influence of religious beliefs on his professional path and public activities. Raised in a religious environment, he developed traditional Christian views and, despite being exposed to Western ideas of skepticism

and materialism, remained a steadfast adherent of the Orthodox faith.

He highly valued his education at the Perm Theological Seminary, particularly for the opportunity to study primary sources, develop critical thinking, and master the Latin language. His acquaintance with the seminary library and the intellectual environment of his teachers had a significant impact on his scientific aspirations, fostering an appreciation for the humanities, including philosophy, history, and languages.

The experience gained at the Perm Theological Seminary played a key role in shaping his personality and academic interests. It was there that he formed the image of a scholar devoted to the study and dissemination of knowledge. Further research into his personal archives, correspondence, and unpublished materials will not only supplement his biography but also deepen the understanding of the role of theological seminaries in preparing scholars and public figures of the 19th century.

Keywords: V.M. Florinsky; memoirs; Perm Theological Seminary; pedagogical system; spiritual education; «favorable environment»

For citation. Kachin, N. A., & Kharina, N. S. (2025). Spiritual formation of V.M. Florinsky during his studies at the Perm Theological Seminary. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 176–192. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-510>

Введение

Исследование, посвященное периоду обучения В.М. Флоринского в Пермской духовной семинарии (1848-1853 гг.) и основанное на его мемуарах, представляет собой весьма своевременное и значимое изыскание, посвященное фундаментальному этапу его духовного, интеллектуального и профессионального развития. Изучение данного периода позволяет выявить, каким образом религиозно-нравственные и гуманитарные ориентиры, заложенные в семинарской среде, повлияли на его дальнейшую научную и общественную деятельность. В условиях современного интереса к духовным традициям и их влиянию на формирование культурной идентичности, обращение к опыту В.М. Флоринского приобретает особую значимость, позволяя не только восполнить пробелы в

биографии ученого, но и расширить представления о воспитательных возможностях духовных учебных заведений в исторической перспективе.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена необходимостью более глубокого осмысления роли духовного образования в формировании личности и мировоззрения выдающихся деятелей российской науки XIX в.

Дореволюционные исследования о жизни и деятельности В.М. Флоринского базировались преимущественно на его автобиографических трудах, а также включали отрывки из его мемуаров, посвященных истории Томского университета [3; 4; 9]. Исследователи единодушно признавали значительный вклад В.М. Флоринского в развитие медицинской науки и отмечали его важную роль в основании Сибирского университета.

В советской историографии имя В.М. Флоринского упоминалось лишь эпизодически в контексте его служебной деятельности в качестве представителя Министерства народного просвещения в Томском университете. Советские исследователи, как правило, придерживались негативной оценки роли попечителя Западно-Сибирского учебного округа в развитии регионального образования и науки [2; 7; 11]. Исключением являлась монография М.Р. Филимонова об истории Научной библиотеки Томского университета. Автор ставил своей целью проследить основные этапы развития библиотеки на протяжении всего ее существования. При подготовке работы он использовал, в том числе, опубликованные мемуары В.М. Флоринского [13].

В 1990-е гг. о В.М. Флоринском было опубликовано несколько кратких биографических статей, опирающихся на ранее выпущенные материалы. В этот же период исследователи стали активно использовать материалы личного архива ученого [6; 16].

Л.А. Бушуева в своей монографии проанализировала семейную переписку В.М. Флоринского с близкими родственниками и указала, что подобные источники позволяют выявить различные неформальные практики в университетской среде, которые оста-

ются недоступными для изучения по официальным документам [1, с. 30–31].

Научный коллектив исследователей Томского государственного университета под руководством профессоров С.Ф. Фоминых и С.А. Некрылова опубликовал серию статей, посвященных анализу деятельности В.М. Флоринского в контексте истории формирования и развития Томского университета [8; 12; 15]. Важно отметить, что данный коллектив впервые обратил внимание научного сообщества на информационную ценность мемуаров ученого.

Современные исследователи внесли значительный вклад в изучение жизни и творчества В.М. Флоринского, опубликовав обширный корпус источников и определив основные направления исследований. Тем не менее, большинство работ сводится к пересказу биографических фактов, изложенных самим ученым или представленных в предшествующих исследованиях. Осталось множество невыясненных деталей его жизненного пути, в том числе особенности профессионального и карьерного роста, становление научных и общественно-просветительских взглядов, влияние религиозных убеждений на мировоззрение, источники интереса к научной и административной деятельности.

В этой связи авторы ставят *целью исследования* выявление и анализ ключевых факторов, которые оказали воздействие на формирование духовного мира В.М. Флоринского в период его обучения в Пермской духовной семинарии, а также определение роли этих факторов в его последующей научной и общественной деятельности.

Материалы и методы

В данной статье для исследования личности и творчества В.М. Флоринского используются источники личного происхождения, а именно его мемуары и дневники. Основным методом исследования является историко-генетический, позволяющий проследить влияние образовательных и духовных впечатлений на формирование научной деятельности ученого. Для более глубокого анализа и структурирования отдельных аспектов духовного и профессионального

становления В.М. Флоринского применяются также методы анализа, синтеза, сравнения, классификации и типологии.

Результаты и обсуждение

Василий Маркович Флоринский родился 16 февраля 1834 г. в многодетной семье церковного дьякона села Фроловское Владимирской губернии. В пятилетнем возрасте вместе с семьей он перебрался в село Пески Пермской губернии. Свое детство, проведенное в селе Пески, он характеризует как «благоприятную среду», способствующую нравственному и духовному становлению [14, л. 2об.].

В 1843 г. В.М. Флоринский был зачислен в Далматовское духовное училище. Именно там он впервые столкнулся с западными идеями свободомыслия и материализма. Тем не менее, как сам В.М. Флоринский указывал, эти идеи не встретили поддержки среди учащихся, воспитанных в русле православных традиций. Он утверждал, что они «искренне верили в догматы христианской религии, и не было у нас ни тени сомнения в существовании души, загробной жизни и Божеской правды. Идеи западного скептицизма и материализма не находили места в наших сердцах, живших по заветам семьи и простого русского народа» [14, л. 21 об.].

В.М. Флоринский полагал, что полученное в Далматовском училище образование принесло ему незначительную пользу, за исключением приобретенных навыков перевода с латинского языка. При этом он проводил параллели между условиями обучения в училище и описанными Н.Г. Помяловским реалиями Петербургского духовного училища, акцентируя внимание на строжайшей дисциплине, применении телесных наказаний и частых случаях побегов воспитанников [10].

В своих мемуарах Владимир Михайлович с грустью вспоминает о годах обучения в Далматовском духовном училище, описывая этот период как время «жестокостей и унижений». По его мнению, ситуация в сфере начального духовного образования претерпела радикальные изменения только с началом царствования императора Александра II, после утверждения нового устава духовных школ 14

мая 1867 г. В.М. Флоринский отмечает, что с наступлением гуманного царствования Александра II милосердие распространилось по всей России, коснувшись и Далматовского училища [14, л. 15].

По окончании обучения в училище в 1848 г. Василий Михайлович Флоринский поступил в Пермскую духовную семинарию. В своих мемуарах он с уважением отзывается о профессорско-преподавательском составе семинарии, отмечая высокий уровень их профессионализма. Согласно его воспоминаниям, преподаватели были образованными людьми, выпускниками Духовных академий, которые обладали глубокими знаниями в своей области и умением увлечь студентов наукой. Василий Маркович особо отмечает значительный вклад архимандрита Макария, преподавателя церковной истории, которого он характеризует как «истинно ученого человека». По его словам, частые визиты в квартиру архимандрита и наблюдение за его келией, переполненной книгами и рукописями, вызывали невольный интерес к научной деятельности [14, л. 15 об.].

В.М. Флоринский подчеркивал, что образовательный процесс в семинарии был организован таким образом, чтобы способствовать формированию у учащихся семинарии критического мышления и способности к самостоятельной работе. Обучение строилось на анализе первоисточников по каждой дисциплине, что, по мнению В.М. Флоринского, способствовало развитию исследовательских умений у будущих священнослужителей.

В.М. Флоринский подчеркивал значительный вклад философских дисциплин и глубокого изучения истории в развитие его критического мышления. Он отмечает, что овладение необходимыми навыками происходило благодаря выполнению письменных заданий и переводов. Изучение латинского и древнегреческого языков не сводилось к грамматическим упражнениям, а преследовало цель освоения оригинальных текстов античных авторов. На практике убеждаясь в достижимости этой цели, исследователь испытывал растущий интерес к предмету «так сказать, осязая его пользу» [14, л. 17 об.].

В.М. Флоринский придавал исключительное значение семинарскому образованию в формировании своих гуманитарных знаний.

Относительно предметов естественнонаучного цикла, Василий Маркович отмечал, что дисциплины естественнонаучного цикла, в частности медицина и математика, оказались для него практически бесполезными. Он объяснял это низким качеством преподавания этих предметов в российских духовных семинариях того времени [14, л. 18].

В Пермской семинарии у В.М. Флоринского сформировался «образ учености», неразрывно связанный с образом человека, обладающего внушительным объемом библиографических познаний. Сильное впечатление на него произвела семинарская библиотека, пробудив в нём страсть к чтению и научному знанию. Сам вид упорядоченных книжных шкафов вызывал у него чувство восхищения и внушал любовь к книгам и к наукам [14, л. 16].

По завершении образования В.М. Флоринский свободно владел латинским языком, что позволило ему углубленно изучать богословские труды. Под руководством преподавателя словесности Александра Петровича Вишнякова он ознакомился с классикой русской литературы, высоко оценив вклад таких авторов, как Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, И.Ф. Богданович, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, И.А. Гончаров, В.А. Жуковский и Н.В. Гоголь. Занятия по словесности под руководством А.П. Вишнякова произвели на В.М. Флоринского глубокое и прочное впечатление: «Эти классные часы для нас были настоящим праздником. Чтение в такой форме [когда преподаватель «мастерски» зачитывал на занятиях отобранные им произведения] не только показали нам прелести изящной литературы, но, главное, вселили любовь к ней и развили эстетическое чувство. Без всяких схоластических правил и скучных анализов содержания прочитанного мы поняли самую суть русской литературы и увлеклись ею. С того времени чтение сделалось для нас потребностью» [14, л. 16об.].

Ввиду скромных финансовых средств В.М. Флоринский прибегал к практике ручного копирования понравившихся ему произведений в личный блокнот для последующего заучивания наизусть. К сожалению, эти записи не сохранились в его личном архиве.

В ходе семинарской подготовки Владимир Михайлович Флоринский усовершенствовал свои поэтические таланты, достигнув значительных успехов в области стихотворной композиции. Ранние образцы его поэтического творчества, созданные в период с 1870 по 1890 гг., хранятся в его личном архиве: «Я в два-три года стал в этой области на твердые ноги, выработал и вкус и слог, и мог считать себя литературно образованным» [14, л. 17].

Благодаря семейным связям В.М. Флоринский имел возможность пользоваться библиотекой Пермского архиерейского дома. Там он познакомился с большим количеством произведений как религиозного, так и светского содержания. Среди авторов, оказавших на него особое влияние и чьи труды хранились в его личной библиотеке, можно выделить Н.И. Новикова, Н.М. Карамзина, И. Флавия, А.В. Терещенко, И.П. Сахарова, А.С. Норова, Ж.Д. Дюрвиля, К.Ф. Беккера, Ф.К. Лоренца, Платона, митрополита Макария и митрополита Московского Филарета [5].

Согласно сложившейся традиции, одарённые выпускники Пермской семинарии поступали на обучение в Казанскую духовную академию для продолжения образования. Под воздействием вдохновляющих рассказов своего учителя А.Н. Моригеровского о достоинствах и культурном значении Санкт-Петербурга как центра духовной жизни России, В.М. Флоринский принял решение о поступлении в Петербургскую духовную академию: «... именно в этом городе, жизнь бьет ключом и здесь сосредоточены все духовные интересы русской жизни» [14, л. 17].

Благодаря покровительству А.Н. Моригеровского В.М. Флоринский был допущен к досрочной сдаче выпускных экзаменов в семинарии, сократив срок своего обучения с шести до пяти лет. В 1853 г. он отправился в Санкт-Петербург, став, как сам утверждал, одним из первых, кто решился на такой поступок. В.М. Флоринский об этом моменте вспоминал следующим образом: «Я был едва ли не первым пионером, решившимся отправиться в столицу, в другой округ, не в качестве казенного кандидата, а на собственный счет и риск, как говорили тогда – волонтером» [14, л. 23 об.].

Несмотря на уверенность Владимира Михайловича Флоринского в успешной сдаче вступительных экзаменов, ему было отказано в зачислении в академию ввиду отсутствия свободных мест. При обстоятельном рассмотрении данной ситуации выяснилось, что место, предназначенное для В.М. Флоринского, было занято вдовствующим священником, обладавшим преимущественным правом на поступление. Будущий профессор медицины потом вспоминал: «Неудача на чужой стороне совсем меня обескуражила. Посоветоваться было не кем. О других светских учебных заведениях Петербурга я имел очень смутное представление и не знал наверное, можно ли куда обратиться с прошением о приеме, так как с 1 сентября всюду уже начинались учебные курсы» [14, л. 25–25 об.]. Эта неудача глубоко расстроила Василия Марковича, который оказался в чужом городе, чувствовал себя одиноким и растерянным, не зная, что делать дальше.

Перелом в сложной жизненной ситуации В.М. Флоринский считал результатом божественной помощи. Он писал: «В состоянии глубокой печали я отправился в храм Владимирской иконы Божией Матери. Там, преклонив колени, я горячо молился Пресвятой Богородице, излив ей свою скорбь и предавая свою судьбу под Ее покров. Выходя из церкви, я совершенно неожиданно, прямо у ее дверей, столкнулся со своим знакомым, студентом Медицинской академии В.П. Боголюбовым» [14, л. 25 об.].

По ходатайству лица из своего круга, В.М. Флоринский обратился к ректору Медико-хирургической академии В.В. Пеликану с просьбой о допуске к сдаче вступительных экзаменов. Ректор удовлетворил данную просьбу при условии, что все экзамены будут пройдены в течение одного дня. Экзаменационная комиссия академии признала его успехи удовлетворительными. Особые познания молодой учёный продемонстрировал в области истории и географии. 1 сентября 1853 г. Василий Маркович был принят в академию на испытательный срок с обязательством пересдать экзамен по физике в течение одного года.

В своих мемуарах выдающийся русский философ и богослов В.М. Флоринский отмечает свое неожиданное пребывание в стенах

Медицинской академии. Для семинариста, привыкшего к гуманитарному образованию, непривычная обстановка академической среды и незнакомые естественнонаучные дисциплины, основанные на «заучивании» фактов, не внушали ему доверия: «Нелегко было, что называется, втянуться и в новый для меня круг изучаемых наук. В семинарии мы занимались почти исключительно умозрительными науками, привыкли упражнять мысль, а не память... мысль работала постоянно, и в этом я видел главный стимул своего развития – весь интерес науки» [14, л. 28–28 об.]. В стенах Медицинской академии автор столкнулся с совершенно иной реальностью. Образовательный процесс требовал механического зазубривания множества латинских терминов, лишенных какой-либо интеллектуальной ценности. С первых же занятий подобный подход вызывал апатию и отвращение к учебе.

Заключение

1. Анализ мемуаров В.М. Флоринского подчеркивает значимость духовного и гуманитарного образования в его становлении, а также влияние религиозных убеждений на профессиональную и общественную деятельность.
2. В.М. Флоринский вырос в религиозной среде, что сформировало его традиционные христианские взгляды. Несмотря на знакомство с западными идеями скептицизма и материализма в духовном училище, он остался приверженцем православной веры.
3. Образование в Далматовском духовном училище оставило у него негативные воспоминания из-за жестокой дисциплины и телесных наказаний. Однако обучение в Пермской духовной семинарии он оценивал высоко, особенно за возможность изучения первоисточников, развитие критического мышления и овладение латинским языком.
4. Большое влияние на его научные устремления оказало знакомство с семинарской библиотекой и интеллектуальная среда преподавателей. Он осознал важность гуманитарного образования, особенно философии, истории и языков.

5. В медицинской академии он столкнулся с трудностями изучения точных наук, поскольку ранее привык к гуманитарному типу мышления. Новый формат образования, требующий запоминания большого количества фактов, показался ему непривычным и невыразительным по сравнению с духовно-философскими дисциплинами.
6. В.М. Флоринский рассматривает период обучения в Пермской духовной семинарии как ключевой этап в формировании как духовных, так и профессиональных устремлений. Именно там он выработал образ ученого, посвятившего свою жизнь изучению и распространению знаний.
7. Дальнейший анализ личных архивов, переписки и неопубликованных материалов позволит не только дополнить биографию выдающегося ученого, но и расширить представление о роли духовных семинарий в подготовке научных и общественных деятелей XIX в.

Список литературы

1. Бушуева, Л. А. (2012). Повседневность университетского профессора Казани. 1863–1917 гг. Казань. 288 с. ISBN: 978-5-93962-580-7 EDN: <https://elibrary.ru/VMOBXN>
2. Зайченко, П. А. (1960). Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева: очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет (1880–1955). Томск. 486 с.
3. Змеев, Л. Ф. (1886). Русские врачи писатели. Санкт-Петербург. Вып. 1, тетр. 2, с. 139–140.
4. Груздев, В. С. (1898). Исторический очерк кафедры акушерства и женских болезней Императорской Военно-медицинской академии и соединенной с ней академической акушерско-гинекологической клиники. Санкт-Петербург: типография П. П. Сойкина. 456 с.
5. Качин, Н. А. (2019). Архив и коллекции В. М. Флоринского: опыт источниковедческого анализа (дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09). Томск. 248 с. EDN: <https://elibrary.ru/MPTIAS>

6. Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: указатель: в 2 т. (сост. Э. В. Колосова [и др.]). (1963). Москва. Т. 2: Н-Я. 502 с.
7. Манассеин, В. С. (1924). Возникновение и развитие идеи учреждения Сибирского университета в связи с историей просвещения в Сибири в первой четверти XIX столетия. Иркутск. 30 с.
8. Некрылов, С. А. (2011). Томский университет — первый научный центр в азиатской части России (середина 1870-х гг. — 1919 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та. Т. 2. 598 с. ISBN: 978-5-7511-2051-1 EDN: <https://elibrary.ru/RUTUPD>
9. Письмо В. С. Груздева — В. М. Флоринскому, 12 марта 1897 г. (1897). Национальный музей Республики Татарстан. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/476. Л. 1–2.
10. Помяловский, Н. Г. (1865). Очерки бурсы. Санкт-Петербург: тип. Рюмина и К°. 247 с.
11. Потанин, Г. Н. (1906). Заметки и воспоминания В. М. Флоринского. *Сибирская жизнь*, 29 окт.; 1 нояб.; 2 нояб.
12. Томский государственный университет — дело всей России: дайджест по истории возникновения первого Императорского университета в Сибири (сост.: С. Ф. Фоминых, И. А. Дунбинский). (2018). Томск: Издательский Дом ТГУ. 130 с.
13. Филимонов, М. Р. (1988). Книжная сокровищница Сибири: к 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. Томск: Изд-во Том. ун-та. 194 с.
14. Флоринский, В. М. (1882). Мысли и воспоминания о моем детстве и школьном времени. Казань. НМРТ. Отдел хранения изобразительных и документальных источников. Ед. хр. КППи-117959/205. 50 л.
15. Флоринский, В. М. (2014). Заметки и воспоминания. 1875–1880 гг. В кн.: *Императорский Томский университет в воспоминаниях современников* (сост.: С. Ф. Фоминых [и др.]). Томск. 508 с.
16. Ястребов, Е. В. (1996). Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марковичу Флоринскому. Томск: Изд-во Том. ун-та. 221 с.

References

1. Bushueva, L. A. (2012). *Everyday life of a Kazan university professor. 1863–1917*. Kazan. 288 p. ISBN: 978-5-93962-580-7 EDN: <https://elibrary.ru/VMOBXN>
2. Zaychenko, P. A. (1960). *Tomsk State University named after V. V. Kuibyshev: essays on the history of the first Siberian university for 75 years (1880–1955)*. Tomsk. 486 p.
3. Zmeev, L. F. (1886). *Russian doctors-writers*. Saint Petersburg. Vol. 1, part 2, pp. 139–140.
4. Gruzdev, V. S. (1898). *Historical sketch of the chair of obstetrics and gynecological diseases of the Imperial Military Medical Academy and the academic obstetric-gynecological clinic connected with it*. Saint Petersburg: P. P. Soykin printing house. 456 p.
5. Kachin, N. A. (2019). *Archive and collections of V. M. Florinsky: experience of source analysis (Candidate thesis)*. Tomsk. 248 p. EDN: <https://elibrary.ru/MPTIAS>
6. *Personal archival funds in state repositories of the USSR: guide: in 2 vols. (compiled by E. V. Kolosova et al.)*. (1963). Moscow. Vol. 2: N-Y. 502 p.
7. Manassein, V. S. (1924). *The emergence and development of the idea of establishing a Siberian university in connection with the history of education in Siberia in the first quarter of the XIX century*. Irkutsk. 30 p.
8. Nekrylov, S. A. (2011). *Tomsk University – the first scientific center in the Asian part of Russia (mid-1870s – 1919)*. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. Vol. 2. 598 p. ISBN: 978-5-7511-2051-1 EDN: <https://elibrary.ru/RUTUPD>
9. Letter from V. S. Gruzdev to V. M. Florinsky, March 12, 1897. (1897). National Museum of the Republic of Tatarstan. Department of storage of visual and documentary sources. Inv. no. KPPI-117959/476. Pp. 1–2.
10. Pomialovsky, N. G. (1865). *Sketches of the Burse*. Saint Petersburg: Rumyn printing house. 247 p.
11. Potanin, G. N. (1906). Notes and memoirs of V. M. Florinsky. *Siberian Life*, Oct. 29; Nov. 1; Nov. 2.

12. Tomsk State University – the business of the whole of Russia: digest on the history of the emergence of the first Imperial University in Siberia (compiled by S. F. Fominykh, I. A. Dunbinsky). (2018). Tomsk: Publishing House of TSU. 130 p.
13. Filimonov, M. R. (1988). *Book treasury of Siberia: to the 100th anniversary of the opening of the Scientific Library of Tomsk University*. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. 194 p.
14. Florinsky, V. M. (1882). *Thoughts and memories of my childhood and school time*. Kazan. NRT. Department of storage of visual and documentary sources. Inv. no. KPPi-117959/205. 50 pp.
15. Florinsky, V. M. (2014). Notes and memoirs. 1875–1880. In *Imperial Tomsk University in the memoirs of contemporaries* (compiled by S. F. Fominykh et al.). Tomsk. 508 p.
16. Yastrebov, E. V. (1996). *A hundred unknown letters of Russian scientists and statesmen to Vasily Markovich Florinsky*. Tomsk: Tomsk State University Publishing House. 221 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Качин Николай Андреевич, кандидат исторических наук, доцент

Югорский государственный университет

ул. Чехова, 16, г. Ханты-Мансийск, 628012, Российская Федерация

kachinnikolay@mail.ru

Харина Наталья Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент

Югорский государственный университет

ул. Чехова, 16, г. Ханты-Мансийск, 628012, Российская Федерация

hanase83@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Kachin, PhD in History, Associate Professor

Yugra State University

16, Chekhov Str., Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation

kachinnikolay@mail.ru

SPIN-code: 5466-4601

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-5737-2018>

ResearchIDs: rid102881

Scopus Author ID: 733218

Academia.edu: <https://independent.academia.edu/NikolaiKachin>

Natalya S. Kharina, PhD in History, Associate Professor

Yugra State University

16, Chekhov Str., Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation

hanase83@yandex.ru

SPIN-code: 7565-9463

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7485-5787>

ResearcherID: N-3328-2015

Scopus Author ID: 635033

Academia.edu: <https://independent.academia.edu/NatalyaKharina>

Поступила 18.03.2025

После рецензирования 15.04.2025

Принята 23.04.2025

Received 18.03.2025

Revised 15.04.2025

Accepted 23.04.2025

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
PHILOSOPHICAL STUDIES

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-479 EDN: HPOMIF
УДК 101.1:316

Научная статья | Социальная и политическая философия

БЫТИЙНЫЙ СТАТУС СМЫСЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

М.А. Егикян

Аннотация

Обоснование. Мир настоящего времени довольно сложен и противоречив, став прозрачным и хрупким. Общество, описываемое с приставкой «пост», обострило проблему сущности человека, вынеся на повестку дня вопрос о постчеловеке в проекции «улучшения» человека технологическими ноу-хау. В социально-философском дискурсе концепт постчеловека при всех его многовариантных прочтениях на первый план выводит тему сохранения человека и человеческого в целом. Homo sapiens, оказавшись в сетях глобального технопроекта по созданию искусственного мира/интеллекта/тела, задумывается о пределах своей безграничности и поисках человеческого, которое невозможно понимания смысла жизни человека. Вечный спор о том, какова подлинная природа смысла жизни, продолжается сквозь века. Мыслители разных школ и разных эпох предлагают свои разъяснения этого вопроса. Радикальные среди них отвергают саму идею значимости смысла жизни, другие же, наоборот, признают её, но настаивают на негативной стороне, а третьи связывают её с положительными аспектами. Однако, центральной задачей каждого человека остаётся многогранное развитие себя как личности. Это, в свою очередь, обеспечивает вклад человека в социальный и исторический ход событий, обозначая его как личное призвание и жизненную цель. Бытийное мышление пре-

доставляет возможность переоценить социальное явление как нечто метафизическое и целостное, считывая его через призму социального действия. Здесь в понимание феномена вкладывается идея о социальной реализации как о значительном поступке.

Цель – анализ бытийного статуса смысла жизни человека.

Материалы и методы. В процессе исследования бытийного статуса человеческого смысла применялись разнообразные методологические подходы и методы. В их число входят: исследовательская стратегия диалектико-материалистического плана, антропологический и социокультурный подходы, натуралистический метод, а также трансцендентная и смешанная техники. Более того, системно-аналитический подход был использован наряду с деятельностным и аксиологическим методами. Важную роль сыграл и экзистенциальный анализ.

Результаты. Стремление исследовать и реализовать смысл своего существования заложено в каждом человеке и изначально присуще только ему. Это служит движущей силой как для личностного роста, так и для изменения поведения. Индивидуальный смысл жизни, привносящий в существо человека высшую форму самореализации, зависит от уникальных обстоятельств его исторического времени и специфических характеристик личности. Саморазвитие коллективного человека и, как следствие, всего общества обуславливается обретением положительного смысла, нацеленного на ценности добра, истины и красоты. Приобретение смысла жизни становится возможным лишь тогда, когда человек оказывается частью определённых условий, а его личностное бытие позволит адекватно осмыслить перспективы деятельности в данных обстоятельствах. Вне контекста конкретных ситуаций смысловое наполнение определяется как отсутствующее для индивидуального сознания.

Ключевые слова: смысл жизни; бытие, со-бытие; экзистенциальные кризисы; личность; социальная реальность; деятельность; взаимодействие; виртуальная среда

Для цитирования. Егикян, М. А. (2025). Бытийный статус смысла жизни человека. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 193–211. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-479>

Original article | Social and Political Philosophy

THE EXISTENTIAL STATUS OF THE MEANING OF HUMAN LIFE

M.A. Egikyan

Abstract

Background. The world of the present is quite complex and contradictory, having become transparent and fragile. The society described with the prefix «post» has exacerbated the problem of the essence of man, putting on the agenda the question of the posthuman in the projection of the «improvement» of man by technological know-how. In socio-philosophical discourse, the concept of the posthuman, with all its multivariate readings, brings to the fore the theme of the preservation of man and humanity as a whole. Homo sapiens, caught in the networks of a global techno-project to create an artificial world / intelligence / body, thinks about the limits of its boundlessness and the search for humanity, which is impossible to understand the meaning of human life. The eternal debate about the true nature of the meaning of life continues through the ages. Thinkers from different schools and different eras offer their explanations of this issue. The radical among them reject the very idea of the significance of the meaning of life, while others, on the contrary, recognize it, but insist on the negative side, while others associate it with positive aspects. However, the central task of each person remains the multifaceted development of himself as a person. This, in turn, ensures a person's contribution to the social and historical course of events, designating it as a personal vocation and life goal. Existential thinking provides an opportunity to re-evaluate a social phenomenon as something metaphysical and holistic, reading it through the prism of social action. Here, the idea of social realization as a significant act is embedded in the understanding of the phenomenon.

The **purpose** is to analyze the existential status of the meaning of human life.

Materials and methods. In the process of studying the existential status of human meaning, various methodological approaches and methods

were used. These include a dialectical-materialistic research strategy, anthropological and sociocultural approaches, a naturalistic method, as well as transcendental and mixed techniques. Moreover, the system-analytical approach was used along with activity-based and axiological methods. Existential analysis also played an important role.

Results. The desire to explore and realize the meaning of one's existence is inherent in every human being and originally inherent only to him. This serves as a driving force for both personal growth and behavioral change. The individual meaning of life, which brings the highest form of self-realization into a person's being, depends on the unique circumstances of his historical time and specific personality characteristics. The self-development of a collective person and, as a result, of the whole society is conditioned by the acquisition of positive meaning, aimed at the values of goodness, truth and beauty. The acquisition of the meaning of life becomes possible only when a person finds himself a part of certain conditions, and his personal being allows him to adequately comprehend the prospects of activity in these circumstances. Outside of the context of specific situations, semantic content is defined as absent from individual consciousness.

Keywords: meaning of life; being; co-existence; existential crises; personality; social reality; activity; interaction; virtual environment

For citation. Egikyan, M. A. (2025). The existential status of the meaning of human life. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 193–211. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-479>

Введение

На протяжении веков каждый человек так или иначе сталкивается с проблемами смысла своего бытия в мире. Наделяя смыслом свою жизнь, свое бытие он формирует мировоззренческие установки и ценностные и ориентации. Задает вектор своего жизненного пути, достигая поставленных целей и, таким образом делая свое бытие осмысленным и наполненным. Проявление смысла является для человека императивной необходимостью по причине конечности, ограниченности и необратимости жизни человека в

мире, невозможности отложить что-то на потом, неповторимости тех возможностей, представляемых каждой конкретной ситуацией. При этом самоактуализация является лишь побочным продуктом осуществления смысла.

Смысл доступен любому человеку. Однако нахождение смысла это вопрос не познания, а призвания. Не человек ставит вопрос о смысле своего бытия, бытие ставит этот вопрос перед нами и ему приходится ежедневно и ежечасно отвечать на него не только словами, но и действиями. Смысл не субъективен, человек не изобретает его, а находит в мире, в объективной действительности, именно поэтому он выступает для человека как императив, требующий своей реализации.

Вопросы о смысле бытия наиболее остро возникают в периоды экзистенциальных кризисов: личностных, духовных, политических, экономических и др., что представлено в различных исследованиях. Кризисы пробуждают интерес к смыслу человеческого существования, когда противоречия, с которыми приходится сталкиваться в современных реалиях, заставляют человека бороться как с внутренними, так и с внешними препятствиями и искать выход из сложившейся ситуации [6, с. 25].

Проблема смысла человеческого бытия в обществе интересует философов со времен Античности. Социальная философия рассматривает человека как творца социальных и культурных форм своего бытия, но при этом он сам является творением этих форм. Каждое воздействие общества субъективно оценивается и осмысливается человеком, а затем преобразовывается и вплетается в его личностную составляющую [10].

Для человека в обществе определена особая роль, она проявляется в его активной деятельности, направленной на достижение поставленных целей. Этот процесс включает в себя элементы диалектики, такие как цель, средства и смысл бытия человека. Реализация назначения происходит не только по своей воле, но и под влиянием внешних факторов, что делает его более сложным и многогранным. Жизнедеятельность человеческого общества строится на взаимо-

действию этих элементов, что определяет сущность и смысл человеческого бытия [4].

Современность настолько динамична и рискогенна, что предполагает обращение вновь и вновь к поиску оснований смысла жизни человека в социуме. Мир гибридной реальности, сформированной на грани актуальной и виртуальной «принуждает» человека осмысливать свое пребывание в нем и определять смысл своей жизни.

Методология и методы исследования смысла бытия человека в обществе

В оптике социальной философии бытие человека рассматривается через призму различных способов его существования, их взаимодействие и взаимополагание друг друга. Оно воспринимается как сложноорганизованная и развивающаяся диалектическая целостность, где биологические, психологические, социокультурные, трансцендентные и экзистенциальные аспекты интегрируются и оказывают взаимное влияние, формируя единую систему [7]. Исследовательский подход диалектико-материалистического характера в изучении значений человеческого существования внутри социума основывается на комплексном анализе синтеза деятельности и сознания. Применение указанного принципа позволяет выявить, что взгляды на бытийные смыслы – это ничто иное, как отражение повседневного бытия и мировосприятия индивидов. Для корректного понимания вопросов жизненной значимости требуется всестороннее исследование, охватывающее как исторические, так и логические аспекты их взаимосвязи [11].

Подход системного анализа позволяет воспринимать человеческую сущность как интегрированную структуру, в которой ключевую роль играют многочисленные взаимодействия и их развитие [7]. В контексте системных исследований объект анализа представляется как совокупность взаимосвязанных компонентов, определяющих его целостные характеристики. Главный интерес сосредоточен на раскрытии разнообразных связей и взаимодействиях с окружающей средой [20].

Исследование сущности человеческого бытия в контексте антропологического подхода акцентирует внимание на человеке как основном элементе мира. Этот принцип способствует формированию всестороннего понимания социокультурных процессов как на микроуровне, так и в масштабах глобальности. Он открывает доступ к важной информации и позволяет выявлять новые направления, ведущие к гармонизации межличностных взаимоотношений и установления порядка в мире. В социальной философии *антропологический* принцип исследования человеческого бытия подразумевает понимание человека как существа, которое объединяет в себе тело, душу и дух. Ключевой аспект данного подхода – это выяснение сути человечности, ее взаимосвязи с природой и животной сутью. Существует три основных методологических направления для решения данного вопроса: натуралистический метод, трансцендентный и смешанный. В первом, человек рассматривается естественным элементом природы, результатом ее длительной эволюции. Трансцендентный подход осуществляет разрыв с природными нормами и рассматривает человека через связь с высшим началом – Богом, Абсолютом, универсальным разумом. В этом свете он проявляется, прежде всего, как духовная единица, чье тело является временным обременением. Смешанный принцип предполагает биологическое и животное происхождение человека, совмещенное с его духовным развитием и выходом за природные ограничения, что приводит к качественной трансформации его личности.

Деятельностный подход, предоставляет возможность изучения фундаментальных аспектов взаимодействий между различными формами человеческого существования, а также взаимозависимостью личного и общественного бытия [7]. Данный методологический взгляд трактует человеческую жизнь как всеобъемлющую систему, в которой идентификация многосложных взаимодействий, их структура и развитие исследуются на основе интеграции научных данных из различных дисциплин [3, с. 37-38].

С использованием аксиологического подхода возможно внимание к ценностно обусловленным аспектам человеческой актив-

ности. Он обеспечивает осознание и принятие действительности через призму духовных и практических аспектов, ориентируясь на нужды, устремления и ценностные установки людей [9]. Подход играет ключевую роль в формировании и становлении человека, обеспечивая детальную проработку воспитательных процессов: оформляет задачи, необходимые для развития морально-этических качеств в образовательной среде. С позиций социальной философии данный подход особенно важен, ведь культура определяется как совокупность ценностей, определяющих направление человеческого действия. Ценностные ориентиры напрямую влияют на предпочтения в выборе видов деятельности.

Экзистенциальный анализ акцентирует внимание на противоречиях между общественным и личным бытием, подчеркивая, что классические категории природы, общества и внутренней структуры не определяют человека. Важен лишь факт его существования. Сторонники экзистенциализма указывают на существование трёх неотъемлемых свойств человеческого бытия: *одиночество, свобода и конечность (смертность)*. Свобода как осознанная данность становится бременем выбора жизни и мира, и предполагает личную ответственность за последствия выбора, необходимость самостоятельного управления своей судьбой. Человек, посредством своей свободы выбора, определяет не только собственное бытие, но и бытие окружающего мира, таким образом оказывая влияние на его целостность. В принятии решений он формирует как своё место в мире, так и самого себя в этой системе координат. Поиски смысла своего бытия можно сравнить с процессом понимания гештальта, где осознание нужно отыскать, но его невозможно сконструировать. Можно создать лишь личное чувство присутствия смысла или его отсутствия. Несмотря на это, обнаружение смысла остаётся возможным, и в этих поисках основным компасом становится совесть индивида, которая рассматривается как своего рода детектор смысла, однако даже она не гарантирует уверенности в постижении истинной цели существования. Интересно отметить, что, даже приближаясь к грани жизни и смерти, человек может не осознавать, следовала ли его совесть истинному

пути или отклонилась от него. Каждый может верить в собственную правоту, опираясь на свою совесть, но никто не в состоянии утверждать с полной уверенностью, что его правота единственно верная. Истина может быть объективной; однако знание о её принадлежности остаётся недостижимым, так как никто не может доказать, что только он владеет этой истиной [21].

Экзистенциализм настаивает на принятии неизбежности смерти как важного элемента бытия, потому что лишь на пороге жизни и смерти, человек остро осознаёт бренность бытия и ценит каждый прожитый момент. Раскрытие жизни и смерти предполагает поиск смысла существования в этом временном мире. Будучи конечным существом, человек проявляет терпение и смирение, но не остается в изоляции. Он, как личность, связанная с величественным родом и член общества, обретает элемент бессмертного. Важно не скрывать и не искажать суть смерти, не искать утешение в загробных фантазиях, но достойно встречать неизбежное, облегчая страдания умирания, заботясь о памяти предков и продолжая их дела – что составляет философское осмысление смертности. Целебной формулы от неизбежного философия не предлагает, но освобождает сознание от обманчивых представлений. Несмотря на мистику, покрывающую феномен умирания, общественные обсуждения этого явления остаются объектом критического анализа.

Обсуждение

Социальная реальность место бытия человека, она – начало его рождения, становления и развертывания как личности. Сущность человека определяется социальной средой, тем обществом в которой он родился, растет и развивается как личность. Именно среда, определяет его человеческую уникальность, формирует в нем *«качества и свойства, которые выражаются в различных видах его деятельности»* [4]. Деятельность человека в обществе, невозможна без разнообразных взаимодействий с другими людьми. Социальное взаимодействие, является жизненно необходимой потребностью человека. Примечательно, что одним из видов наказания, в человеческом обществе за совершенное преступление назначается

тюремное заключение. Изоляция, предполагающая максимальное сокращение не только пространства для какой-либо деятельности, но и минимальное социальное взаимодействие. Утрата социальных связей оказывает негативное влияние не только на физическую составляющую человека, но и на его духовную, психологическую, вплоть до деградации личности.

В общественной структуре человек выполняет двойственную роль, представляя собой одновременно и субъект, и объект воздействия социальной среды. Этим определяется его включенность в коллективные процессы, которые в свою очередь воздействуют на его становление. Деятельность, в которой человек выступает основным активным субъектом, проявляется через взаимодействие с различными объектами труда, символическими системами, внутренним восприятием и окружающей его реальностью, включая самого себя [8, с. 573]. Социальное взаимодействие приобретает особенную значимость в жизни человека, функционируя как механизм удовлетворения насущных потребностей и как средство преобразования внешней среды, способствуя формированию как материальных, так и духовных ценностей, а также субъективных интерпретаций объективной реальности, развивая при этом когнитивные способности, необходимые для полноценного существования как автономной личности и реализуя ее потенциал через неограниченные возможности самовыражения [12].

Осознание человеком своей сущности невозможно без взаимодействия с другими., поскольку «событие» открывает человеку собственное бытие через бытие с другими, при этом создавая уникальное пространство, которое превращает индивидуальный опыт в «событие» [15; 16, с.149].

Значимость совместного существования способствует пробуждению внутренней активности и реализации личностных идей, а процесс становления субъектности начинается с эмоционального и чувственного восприятия другого, как важного и увлекательного.

Появляется возможность создания общего пространства для взаимодействия, где индивиды могут свободно проявлять себя. В такой

среде возникает шанс личной и взаимной идентификации, реализуемой через открытый смысловой диалог. Для человеческого развития неизбежна ситуация, где люди формируют событийные группы, ибо *«связи и отношения полной меры среди людей возможны исключительно через структуру со-бытийной общности, которая выполняет основную функцию развития. Со-бытие – это катализатор развития и само по себе развивается, и результатом этого становятся разнообразные формы и уровни коллективной и индивидуальной субъектности»* [17, с. 3-5]. Определяя данное явление, можно сказать, что событийная общность представляет собой совокупность переживаний, вносящих определённый вклад в эмоциональное, психологическое и ценностное слияние нескольких человеческих жизней. Она зарождается в процессе, где человек воспринимает другого как значимого субъекта, что ведёт к созданию общего пространства взаимодействия. Здесь любой может проявить своё истинное «Я», обретая «себя в ином» и «иного в себе» через открытый диалог на смысловом уровне [5; 23, с. 69]. Во время нахождения в такой общности человек испытывает значительное эмоциональное и интеллектуальное напряжение. Это способствует феномену «прозрения», где он достигает момента понимания и открытия новых знаний или индивидуального смысла, а также приобретает новые опыты самореализации. Эти моменты побуждают человека пересматривать привычные реалии и направляют процесс формирования его уникальной индивидуальности. Однако есть различие между событием бытия и событием Я, что несут разные концепции. Познание бытия происходит в момент, когда индивид открывает себя в гармонии с Я, что означает понимание своей сущности как отражения безусловной любви и идеального состояния бытия. Событие Я связано с отождествлением индивида с бытием, где стираются различные объектные границы, оставляя лишь чистоту связей и отношений. Это осознание представляет собой место, где все в мире взаимосвязано во всех своих аспектах, не фокусируясь на отдельных элементах. При уменьшении конкретной определённости бытия, его энергетическая часть нарастает, достигая кульминационного состояния, называемого событи-

ем Духа – проявлением максимально сконцентрированной энергии любви внутри человека, за счёт роста предметной определённости становиться [14, с. 80].

Проблема бытия человека в обществе с онтологической точки зрения связана с *«проблемой единого и многого»* [1]. Как каждое живое существо в этом мире, каждая вещь являются частью целого, так и объясняется феномен человеческого общества. Оно представляется как единая целостная система, состоящая из частиц, множества отдельных людей. Однако данный парадокс важен не с точки зрения проблемы, а как возможная особенность. Ведь *«единство»* целого в уникальности его *«многого»*. Каждая частица, каждое «многое», называемое человеком, обладает набором сложных социально-психологических, духовных, интеллектуальных характеристик, обозначенных обществом термином *«личность»*. «Единство» влияет на каждую частицу «многого», ее становление, развитие, а каждая частица «многого» через свою деятельность, информацию, которую она доносит до «Единства» способна в большей или меньшей степени влиять на него. Степень ее влияния зависит от ее места в этом обществе, от личных достижений и значимости для общества.

Социальная реальность настоящего существенно трансформируется, становясь все более и более гибридной за счет «слияния» актуальной и виртуальной. Человек теперь пребывает на их границе, расщепляя свое реальное бытие на пребывание в виртуальном. Для сохранения им своего места в мире, где реальность физическая и цифровая пересекаются, важно поддерживать свою целостность и идентичность через осознанное восприятие [2]. Погружение в два сразу же существующих потока – привычный физический мир и порой более насыщенная виртуальная среда – может нарушать личностное равновесие, ставя под угрозу целостное восприятие окружающего мира и самого себя [18]. Важно, чтобы в этом метапространстве, смело сочетая нормы и механизмы как реального, так и виртуального миров, человек создавал и осознавал фундаментальные основы своей деятельности, что необходимо для выработки новых социокультурных норм [19].

Миссия индивида заключается в его способности влиять на социум и человеческий прогресс, используя свои таланты [22]. Каждый находит персональный смысл существования, потенциально проявляющийся в увлечениях, воспитании потомков или иных уникальных способах самоидентификации [23]. При этом важность личности определяется мерой её вклада в цивилизационный рост, ведь истинная цель бытия индивида связана с воплощением созидательных идеалов через продуктивную и творческую активность. Человек не просто воссоздает окружающую реальность, но и модифицирует её, опираясь на свои личные способности. Кроме того, человек выполняет функцию социального агента и движущей силы общественного прогресса, являясь источником и субъектом социальных изменений. Хотя с современной эволюцией компьютерных систем человеку открывается перспектива осознанного погружения из реальности в цифровое пространство, позволяя ему самостоятельно моделировать и подбирать виртуальные жизненные сценарии. Предпочтения каждого человека и цели, которые он перед собой ставит, определяют его выбор между физическим существованием в настоящем мире и погружением в виртуальную реальность. Находясь в непосредственной реальной обстановке, человек поддерживает живые эмоции и традиционные общения [13]. Взаимодействие в этой среде способствует личностному росту и укреплению самосознания. Тем временем, виртуальные социальные сети позволяют неограниченным образом вести беседы и делиться жизненными мгновениями, вне зависимости от временных и географических барьеров. Это пространство открывает возможность создания цифровых идентичностей и принятия норм и ценностей различных интернет-сообществ. Таким образом, ключевым параметром остается личный приоритет индивида в отношении пространственного выбора. Для достижения гармонии между виртуальным и реальным мирами важно принимать во внимание границы цифрового общения и стремиться к налаживанию прямых контактов, поддерживающих искренние чувства и взаимоотношения.

Заключение

Человек – субъект социального мира, потому что, являясь его конструктом, он сам конструирует его, сохраняя самодостаточность самого себя и наполняя его содержание собой. В условиях новой социокультурной реальности использование принципов цифровой этики становится важным аспектом деятельности, самосознания и возвращения к самому себе реальному, а не аватару себя. Хотя, бесспорно, виртуальное пространство открывает возможность для диалога с собой, своим внутренним «Я», позволяя формировать символический облик своей личности. Выявление новых идентификационных черт и осознание их значимости способствует укреплению личной целостности в постоянно меняющейся информационной среде. Человеку следует научиться БЫТЬ в новом мире.

Анализ изменений, происходящих в рефлексии и восприятии индивидов под влиянием иммерсивных технологий, выявляет трансформации в осознании себя и модели поведения, вызванные средой виртуальных миров. Изучение направлений развития виртуальной реальности подчеркивает их потенциал в преобразовании будущего социума, привлекая внимание к возможным практическим применениям виртуальной среды в различных аспектах человеческой жизни. Амбивалентность бытия человека при оценке моральных дилемм, связанных с использованием виртуальных пространств в человеческих обществах, становится актуальным рассмотрением этических проблем, обусловленных ее технологиями. Используя междисциплинарные методы, базирующиеся на совокупности знаний о человеке и обществе, можно глубже понять смысл бытия человека в условиях синтеза физической и цифровой среды.

Список литературы

1. Авдошин, Г. В., & Федорова, Ж. В. (2019). *Человеческое бытие как объект исследования социальной философии и онтологии: учебное пособие*. Казань: Казанский государственный энергетический университет. 82 с.

2. Валиуллин, А. Р. (2014). Человек в виртуальном мире. *Молодой ученый, (14)*, 322–324. Получено с <https://moluch.ru/archive/73/12490>. EDN: <https://elibrary.ru/SMMTMV>
3. Герт, В. А. (2014). Деятельностный подход: этапы перспективы развития. *Педагогическое образования в России, с. 36–42*. EDN: <https://elibrary.ru/TJALSR>
4. Дуреев, С. П. (2009). Сущность и существование человека. *Омский научный вестник, (4)*, 85–88. EDN: <https://elibrary.ru/MWBDYR>
5. Дзячкова, Т. В. (2014). Образовательная организация дополнительного образования детей: педагогика событийности. *Молодой ученый, (20)*, 579–581. Получено с <https://moluch.ru/archive/79/13908>. EDN: <https://elibrary.ru/TBFTMD>
6. Инговатов, В. Ю. (2002). Смысл существования как взаимодействие социального и экзистенциального в человеке (дис. канд. филос. наук). Барнаул. 25 с. EDN: <https://elibrary.ru/ONWQFL>
7. Инникова, Н. И. (2004). Бытие человека как целостная система (автореф. док. филос. наук). Москва. 44 с.
8. Кагунина, Ю. К. (2017). Человеческая деятельность как субстанция социального. *Молодой ученый, (1)*, 572–574. EDN: <https://elibrary.ru/XIFJSB>
9. Лидак, Л. В., & Тимашенко, Т. А. (2022). Аксиологический подход к исследованию ценностных ориентаций подростков в современной социальной ситуации. *Вестник Армавирского государственного университета, (2)*, 26–36. EDN: <https://elibrary.ru/GEGHIS>
10. Лысков, А. П. (2000). Индивидуальная форма человеческого бытия в предметном поле социальной философии (дис. док. философ. наук). Санкт-Петербург. 354 с. EDN: <https://elibrary.ru/QDJSSP>
11. Малыгин, Г. С. (1984). Диалектико-материалистическая концепция смысла жизни (дис. кандидата филос. наук). Иркутск. 171 с.
12. Морев, М. В., & Каминский, В. С. (2016). Социальные процессы: классическая теория и современная актуальность. *Вопросы территориального развития, (3)*, 1–13. EDN: <https://elibrary.ru/WCFPWD>
13. Напсо, М. Б. (2024). Индивид в условиях виртуальной реальности. *Человеческий капитал, (49(184))*, 79–89. <https://doi.org/10.25629/НС.2024.04.08> EDN: <https://elibrary.ru/FFXHDL>

14. Невелева, В. С. (2010). Событие бытия как событие Я. В кн.: *Позиции философии в современном обществе: материалы всероссийской научной конференции «Позиции философии в современном обществе», посвященной 45-летию философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург, 19–20 мая 2010 г.)* (Том 2, с. 77–83). Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
15. Пилюгина, Е. В. (2013). «Событие» как ключевой концепт постижения современной социальной реальности. *Studia Humanitatis*, (3). Получено с <https://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-sobytie-kak-klyuchevoy-koncept-postizheniya-sovremennoy-socialnoy-realnosti>. EDN: <https://elibrary.ru/RYBILN>
16. Сайкина, Г. К. (2013). Человек бытийное или социальное существо? *Ученые записки Казанского университета*, 155(1), 147–156. EDN: <https://elibrary.ru/QBHESN>
17. Слободчиков, В. И. (2010). Со-бытийная образовательная общность — источник развития и субъект образования. *Ученые записки, 3(Психология. Педагогика)*, 3–8.
18. Соловьева, Л. Н. (2016). Человек в глобальном виртуальном пространстве: философское измерение. *Общество: философия, история, культура*. EDN: <https://elibrary.ru/XHDDKX>
19. Солдатова, Н. О., & Котляр, П. С. (2023). Метавиртуальное: ассимиляция виртуальной и актуальной реальностей. *Social and political philosophy. Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 12(1A), 333–339. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.69.30.044> EDN: <https://elibrary.ru/WVNTCQ>
20. Тихомиров, В. А. (2022). Становление концепции системного подхода в научных исследованиях. Получено с <https://npo-rit.ru/researches/3>.
21. Франкл, В. Э. (1999). *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс. 368 с.
22. Хазиева, Н. О. (2013). Социализация личности в диалектике виртуального и актуального социальных миров. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 155(1), 173–177.

23. Шуляк, Л. П. (2015). К вопросу о предназначении человека. *Наука и современность*, (35), 169–174. EDN: <https://elibrary.ru/TIJPML>
24. Шустова, И. Ю. (2014). Детско-взрослая событийная общность. *Социальная Педагогика*, (6), 66–75. EDN: <https://elibrary.ru/THXPIR>

References

1. Avdoshin, G. V., & Fedorova, Zh. V. (2019). *Human existence as an object of research in social philosophy and ontology: textbook*. Kazan: Kazan State Power Engineering University. 82 p.
2. Valibullin, A. R. (2014). Human in the virtual world. *Young Scientist*, (14), 322–324. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/73/12490>. EDN: <https://elibrary.ru/SMMTMV>
3. Gert, V. A. (2014). Activity approach: stages of perspective development. *Pedagogical Education in Russia*, pp. 36–42. EDN: <https://elibrary.ru/TJALSR>
4. Dyureev, S. P. (2009). Essence and existence of man. *Omsk Scientific Bulletin*, (4), 85–88. EDN: <https://elibrary.ru/MWB DYR>
5. Dyachkova, T. V. (2014). Educational organization of additional education for children: pedagogy of eventfulness. *Young Scientist*, (20), 579–581. Retrieved from <https://moluch.ru/archive/79/13908>. EDN: <https://elibrary.ru/TBFTMD>
6. Ingovatov, V. Yu. (2002). The meaning of existence as the interaction of the social and existential in man (Candidate thesis). Barnaul. 25 p. EDN: <https://elibrary.ru/ONWQFL>
7. Innikova, N. I. (2004). Human existence as an integral system (Doctoral thesis). Moscow. 44 p.
8. Katunina, Yu. K. (2017). Human activity as a substance of the social. *Young Scientist*, (1), 572–574. EDN: <https://elibrary.ru/XIFJSB>
9. Lidak, L. V., & Timashenko, T. A. (2022). Axiological approach to the study of value orientations of adolescents in modern social situation. *Bulletin of Armavir State University*, (2), 26–36. EDN: <https://elibrary.ru/GEGIIS>
10. Lyskov, A. P. (2000). Individual form of human existence in the subject field of social philosophy (Doctoral thesis). Saint Petersburg. 354 p. EDN: <https://elibrary.ru/QDJSSP>

11. Malygin, G. S. (1984). Dialectical-materialistic concept of the meaning of life (Candidate thesis). Irkutsk. 171 p.
12. Morev, M. V., & Kaminsky, V. S. (2016). Social processes: classical theory and modern relevance. *Questions of Territorial Development*, (3), 1–13. EDN: <https://elibrary.ru/WCFPWD>
13. Napso, M. B. (2024). Individual in the conditions of virtual reality. *Human Capital*, (49(184)), 79–89. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.04.08> EDN: <https://elibrary.ru/FFXHDL>
14. Neveleva, V. S. (2010). Event of being as an event of I. In *Positions of philosophy in modern society: proceedings of the All-Russian scientific conference "Positions of philosophy in modern society" dedicated to the 45th anniversary of the Faculty of Philosophy of the Ural State University named after A. M. Gorky* (Vol. 2, pp. 77–83). Yekaterinburg: Ural State University Publishing House.
15. Pilyugina, E. V. (2013). "Event" as a key concept of understanding modern social reality. *Studia Humanitatis*, (3). Retrieved from <https://st-hum.ru/content/pilyugina-ev-sobytie-kak-klyuchevoy-koncept-postizheniya-sovremennoy-socialnoy-realnosti>. EDN: <https://elibrary.ru/RBYILN>
16. Saykina, G. K. (2013). Human — existential or social being? *Scientific Notes of Kazan University*, 155(1), 147–156. EDN: <https://elibrary.ru/QBHESN>
17. Slobodchikov, V. I. (2010). Co-being educational community — source of development and subject of education. *Scientific Notes*, 3(*Psychology. Pedagogy*), 3–8.
18. Solovyeva, L. N. (2016). Human in global virtual space: philosophical dimension. *Society: Philosophy, History, Culture*. EDN: <https://elibrary.ru/XHDDKX>
19. Soldatova, N. O., & Kotlyar, P. S. (2023). Metavirtual: assimilation of virtual and actual realities. *Social and Political Philosophy. Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, 12(1A), 333–339. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.69.30.044> EDN: <https://elibrary.ru/WVNTCQ>
20. Tikhomirov, V. A. (2022). Formation of the concept of a systemic approach in scientific research. Retrieved from <https://npo-rit.ru/researches/3>.

21. Frankl, V. E. (1999). *Man in search of meaning*. Moscow: Progress. 368 p.
22. Khazieva, N. O. (2013). Socialization of personality in the dialectic of virtual and actual social worlds. *Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities*, 155(1), 173–177.
23. Shulyak, L. P. (2015). On the question of the purpose of man. *Science and Modernity*, (35), 169–174. EDN: <https://elibrary.ru/TIJPML>
24. Shustova, I. Yu. (2014). Child-adult eventful community. *Social Pedagogy*, (6), 66–75. EDN: <https://elibrary.ru/THXPIR>

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Егикян Манушак Араратовна, соискатель кафедры философии
*ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет
пр-т Ленина, 76, г. Челябинск, 454080, Российская Федерация
manushe@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Manushak A. Egikyan, Candidate of the Department of Philosophy
*South Ural State University
76, Lenin Ave., Chelyabinsk, 454080, Russian Federation
manushe@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4859-8465>*

Поступила 08.04.2025
После рецензирования 16.04.2025
Принята 21.04.2025

Received 08.04.2025
Revised 16.04.2025
Accepted 21.04.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-481 EDN: AJKPQA

УДК 101.1:316

Научная статья | Социальная и политическая философия

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РУССКАЯ ИДЕЯ» В РАМКАХ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Е.И. Стебунова

Аннотация

Обоснование. Для осмысления современных глобальных тенденций в парадигме взаимоотношений России с миром требуется актуализация концепта «русская идея». Для этого в статье делается выборочный социально-философский анализ процесса эволюции концепта «русская идея» с начала XX века до наших дней в рамках культурно-исторической парадигмы.

Цель. Целью анализа выступает осмысление данного концепта в парадигме понятий «российская государственность» и «российская цивилизация» через концептуализацию ключевых критериев, актуализирующих данные понятия.

Материалы и методы. Культурно-исторический анализ эволюции концепта «русская идея» актуализирует данный концепт с помощью различных базовых критериев, раскрывающих его основные концептуальные качественные характеристики.

Результаты. Социально-философский подход к анализу эволюции концепта «русская идея» приводит к выводу о миссионерской роли России в истории человечества и её актуализации в современном глобальном конфликте. Цивилизационный подход позволяет оценить роль России на мировой арене как государства-цивилизации, а также раскрывает ключевые тренды взаимодействия РФ с другими государствами.

Ключевые слова: концепт «русская идея»; государство-цивилизация; национальная и международная безопасность; самобытность; наднациональность

Для цитирования. Стебунова, Е. И. (2025). Актуализация концепта «русская идея» в рамках парадигмы российской цивилизационной государственности. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 212–232. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-481>

Original article | Social and Political Philosophy

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT OF “RUSSIAN IDEA” WITHIN THE FRAMEWORK OF THE PARADIGM OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL STATEHOOD

E.I. Stebunova

Abstract

Background. To comprehend modern global trends in the paradigm of Russia’s relations with the world requires the actualization of the concept ‘Russian idea’. For this purpose, the article makes a selective socio-philosophical analysis of the process of evolution of the concept ‘Russian idea’ from the early twentieth century to the present day within the cultural-historical paradigm.

Purpose. The aim of the analysis is to comprehend this concept in the paradigm of the concepts of ‘Russian statehood’ and ‘Russian civilization’ through the conceptualization of the key criteria that actualize these concepts.

Materials and methods. The cultural-historical analysis of the evolution of the concept ‘Russian idea’ actualizes this concept with the help of various basic criteria revealing its main conceptual qualitative characteristics.

Results. The socio-philosophical approach to the analysis of the evolution of the concept ‘Russian idea’ leads to the conclusion about the missionary role of Russia in the history of mankind and its actualization in the modern global conflict. The civilizational approach allows us to assess Russia’s role on the world stage as a civilization-state, and also reveals the key trends in the interaction of the Russian Federation with other states.

Keywords: concept ‘Russian idea’; state-civilization; national and international security; identity; supranationalism

For citation. Stebunova, E. I. (2025). Actualization of the concept of “Russian idea” within the framework of the paradigm of Russian civilizational statehood. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 212–232. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-481>

Введение

Современный мир переживает период колоссальных глобальных трансформаций, частью которых, безусловно, выступают значительные переосмысления знакомых и привычных нам понятий и их актуализация в обновлённом формате. Данные переосмысления и актуализации имеют серьёзные причины и приведут к не менее серьёзным последствиям. Поскольку философия всегда была, есть и остаётся на острие интеллектуальной рефлексии всех исторических, государственных, культурных и социальных проблем, то именно этому научному направлению человеческой мысли предстоит дать окончательные ответы на большинство животрепещущих вопросов-вызовов современности.

Одним из главных социально-философских вопросов был и остаётся им по сей день вопрос «Что есть Россия?». В культурно-историческом и социальном эволюционном пути нашего государства ответ на данный вопрос стал основополагающим в концептуальной парадигме определения линии суверенности страны и её права на самостоятельный выбор в процессе взаимоотношений с глобальным миром.

Для того, чтобы понять особенности России как государства-цивилизации, необходимо определить ключевые особенности, отличающие нашу страну от западных и других цивилизаций. К таким особенностям в первую очередь можно отнести наднациональность в рамках добрососедских взаимоотношений людей разных национальностей как внутри страны, так и за ее пределами, позволяющий позиционировать Россию как открытое и доброжелательное государство: наша страна готова сотрудничать и дружить со всеми странами независимо от их национальной принадлежности. Дру-

гой важнейшей отличительной особенностью России является её открытость к любым форматам международного партнёрства, а также её способность адаптироваться к глобальным вызовам без ущерба для безопасности других стран. Кроме того, Россию всегда отличали от многих других так называемых цивилизованных государств такие государственные базисы, как поликультурализм и толерантность в отношении к разным религиям и культурам. Однако главной отличительной чертой России и её исторического пути развития можно считать (вслед за многими политиками, государственными деятелями, историками, философами) высшую духовность и высший философский космизм, эволюционно переродившийся в мессианство в деле обеспечения глобальной безопасности, проявлявшийся ранее и вновь ощущаемый сейчас как высочайшее и глобальное чувство ответственности за все происходящие в мире процессы.

Материалы и методы

В качестве основного метода исследования используется культурно-исторический анализ эволюции социально-философского концепта «русская идея», опирающийся на синтез диалектического и герменевтического методов исследования. В статье рассматриваются культурно-исторические определения концепта «русская идея» как базового компонента в формировании российской государственности в их развитии и взаимосвязи. Основное внимание уделяется противоречиям, которые являются движущей силой развития концепта. С помощью герменевтического метода дается осмысление концепта «русская идея» через социально-философский контекст и определяются ключевые тенденции категоризации и актуализации концепта на современном этапе. К таким ключевым категориям, актуализирующим данный концепт, относятся государственная политика наднациональности на базе многонациональности и этнической поликультурности государства-цивилизации, выраженная в содружестве и соборности; стремление к обеспечению равными правами и социальными благами всех граждан, не-

зависимо от национальной и конфессиональной принадлежности; приверженность традиционным семейным и морально-нравственным ценностям; гарантия внутренней безопасности; стабилизационные усилия государства на международной арене.

Результаты и обсуждение

Н. А. Бердяев в своём сборнике статей «Судьба России», который он создавал с 1914 года по 1917 год – в эпоху сильнейших мировых перемен, во время Первой мировой войны, – в предисловии прямо ставит ключевые вопросы, на которые многие поколения россиян – и мыслителей-философов, и социологов, и историков, и культурологов, и религиоведов и др. – пытались найти «правильные» ответы. Каждая историческая эпоха, каждая новая идеология, каждый новый политический строй рождал новые варианты ответов на этот вопросы Бердяева.

«Мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании. Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире. Все чувствуют в нынешний мировой день, что Россия стоит перед великими мировыми задачами» – писал в начале XX века Николай Александрович Бердяев – основоположник философской идеи об «особенной русской идее» [4, с. 8].

Сейчас, в начале XXI века, наша многострадальная страна опять оказалась на грани возникновения Третьей мировой войны, а по мнению некоторых исследователей, эта война уже идёт, пока в информационном поле, но в любой момент может перейти в реалистичную форму на поля сражений. Так, например, О. С. Дамаскин, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, в своей статье «Россия в современном мире: уроки истории и перспективы современности в четвертой промышленной революции» прямо пишет о том, что «существует реальная опасность возникновения новой глобальной формы организации общества с применением цифровой системы тотального контроля

и принуждения, с использованием сферы медицины и гиперболизацией различных заболеваний как средства запугивания, изменения социальной психологии и корректировки психики» [7, с. 19].

Современный глобальный мир практически находится в ситуации кризиса – и экономического, и ресурсного, и экологического, и политического, и социального. Он отчаянно нуждается в перезагрузке, поскольку уже всем игрокам на этом глобальном поле стало ясно, что однополярность мира приведёт к всемирному краху. Но масштабная перезагрузка в мире не состоится, если не будет актуализирован и одобрен всеми странами и континентами переход на новый мировой курс – на многополярность.

К сожалению, на сегодняшний день далеко не все крупнейшие мировые державы имеют достаточный внутренний резерв и внешнеполитический вес, чтобы выступить за глобальные трансформации мирным путём. Такой ресурс и смелость есть Китая, Индии, России, Ирана и некоторых других стран. Главной их задачей на пути глобальной перезагрузки становится открытое противостояние Глобальному Западу, то есть США и их союзников-стран западной Европы. Эта внешнеполитическая борьба имеет огромную важность в отстаивании своего суверенитета и национальной безопасности, а также своего суверенного государственного права на выстраивании такого внешнеполитического курса, который сможет обеспечить международное сотрудничество в рамках глобальной многополярности.

Однако страны Глобального Запада во главе с США не желают отдать добровольно своё мировое лидерство, так как существовавшая многие десятилетия система однополярного мира их абсолютно устраивала, обеспечивая их разнообразными ресурсами. Как отметил Президент РФ В. В. Путин в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 года, «стремление стран запада сохранить свою гегемонию, кризис современных моделей и инструментов экономического развития, усиление диспропорций в развитии государств, повышение уровня социального неравенства... сопровождаются... усилением межгосударственных противоречий,

ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности» [11, с. 3].

Именно этими факторами обуславливается многосторонняя система разнообразных санкций против России, имеющая тенденцию к постоянному нарастанию и ужесточению. По мнению исследователей в области международных отношений, в современных условиях развитости вооружения прямые военные столкновения не являются приоритетными мерами воздействия. «Сегодня ставка делается преимущественно на «стратегию непрямых действий» и «власть принуждения» [6, с. 5].

Стратегия принуждения в современных международных взаимоотношениях обладает некоторыми ключевыми особенностями: на межгосударственном уровне принуждение зачастую имеет формат различных санкций, в числе которых безусловными лидерами выступают санкции экономического характера. Этот инструмент принуждения, используемый со стороны государств-лидеров крупнейших экономик мира в отношении менее экономически устойчивых государств, становится в условиях неравномерности социально-экономического развития самым распространенным видом воздействия. Поскольку процессы глобализации обуславливают взаимозависимость экономик различных стран, то результатом подобного санкционного давления нередко становятся негативные последствия, затрудняющие реализацию национальных интересов государств, избранных в качестве мишени для атаки, и даже подорвать сами основы их существования.

Как отмечает И. А. Аксенов, антироссийская санкционная политика со стороны США и стран Западной Европы «началась в 2014 г. в связи с украинскими событиями. Официальной причиной введения санкций против России стало ее вмешательство в политическую жизнь Украины... Официальная цель санкций заключалась в том, чтобы Россия изменила свою политику в отношении Украины, хотя многие эксперты сходятся во мнении, что основная цель санкций – политическая и экономическая дестабилизация ситуации в России» [1, с. 1].

В отношении Российской Федерации (и некоторых других государств) уже долгое время проводится планомерный курс по обескровливанию страны, которое, по мнению США и их союзников, должно было принудить высшее руководство РФ к капитуляции. «По сути, санкции США и стран Западной Европы против Российской Федерации прошли через три уровня: сначала были применены дипломатические санкции, затем санкции в отношении физических лиц, а, в конечном, счете, были введены экономические санкции, которые оказались наиболее дорогостоящими для обеих сторон» [1, с. 2].

Таким образом, наша страна в очередной раз оказалась на распутье – либо испугаться и «прогнуться», уступить в борьбе за мировое лидерство, либо ввязаться в борьбу с сильным противником. Причем для движения по второму пути необходимо не только обладать достаточными ресурсами и экономической независимостью, но и заручиться поддержкой сильных союзников, каковыми в свете последних мировых трансформаций могут стать, в первую очередь, государства Азиатско-Тихоокеанского региона. В связи с этим Россия усиливает свои партнерские взаимоотношения с такими «азиатскими тиграми», как Китай, Монголия, Северная Корея и др.

Одним из успешных вариантов взаимного сотрудничества является российско-китайско-монгольский форум, который в 2024 году прошел уже в семнадцатый раз. По мнению исследователей, такие трехсторонние встречи российских, китайских и монгольских специалистов в области современной политики, экономики, культуры, международных отношений в Северо-Восточной Азии, – это такой формат партнерства, который «...открывает новые возможности для совместного обсуждения актуальных проблем и поиска оптимальных путей их решения, развития стратегического партнерства и взаимодействия между Россией, Китаем и Монголией в тесной связи с интеграционными процессами в регионе СВА» [5, с. 1].

Одним из ведущих игроков на мировой арене, бесспорно, является Китай, по отношению к которому США и страны Запада также проводят агрессивную политику. Поэтому укрепление взаимовы-

годного сотрудничества с Китаем для РФ находится в приоритете. Как заявлено на официальном сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации, «КНР – ключевой партнер России на мировой арене. Подходы обеих стран к принципиальным вопросам современного миропорядка и ключевым международным проблемам совпадают или близки. На этой основе поддерживается тесное взаимодействие в международных делах... Российско-китайская связка уверенно утвердилась в числе ключевых факторов поддержания международной безопасности и стабильности, становления многополярного мироустройства, демократизации механизмов глобального управления, обеспечения верховенства международного права» [10].

Совсем недавно, 19.06.2024, был подписан двусторонний Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской народно-демократической республикой, в котором открыто позиционируется политика противодействия странам-агрессорам и «стремление защищать международную справедливость от гегемонистских устремлений и попыток навязывания однополярного миропорядка, установить многополярную международную систему, основанную на добросовестном сотрудничестве государств, взаимном уважении интересов, коллективном решении международных проблем, культурно-цивилизационном многообразии, верховенстве международного права в международных отношениях, совместными усилиями противодействовать любым вызовам, ставящим под угрозу существование человечества» [8].

Таким образом, налаживая долгосрочные партнерские отношения с разными странами, Россия постепенно выходит на новый уровень международного влияния, который в свою очередь сможет обеспечить РФ статус мировой державы для проведения в жизнь намерений о создании многополярного мира.

На сегодняшний день, Россия обладает достаточными ресурсами для того, чтобы выступить против агрессивной политики США и их союзников и отстаивать свой суверенитет и национальную

безопасность. В свою очередь, наличие экономических, военных, политических, властных и других ресурсов РФ не только обеспечивает её суверенный статус, но и актуализирует возрастание её миротворческой миссии в сфере как национальной, так и международной безопасности.

Казалось бы, что проблема взаимоотношений крупнейших стран из двух противоборствующих блоков лежит сугубо в экономической и политической плоскости. Но в реальности это противостояние касается в той или иной степени практически всех сторон жизнедеятельности как самих стран-участников конфликта, так и всех сопряжённых с ними государств. И здесь на повестке дня опять появляется вопрос: «Почему рядовые россияне должны «расплачиваться» за политические решения руководства, причем расплачиваться не только собственными накоплениями, но и жизнями? Зачем России нужно было ввязываться в этот конфликт?» Ответы на эти простые, но фундаментальные вопросы лежат в плоскости геополитики – в области международной безопасности.

Ни одна страна в мире не может быть в безопасности, если другие страны проводят геополитическую захватническую политику. Нельзя «тихонько отсидеться в стороне», когда некоторые агрессивные государства колонизируют другие страны, поскольку, согласно известной народной мудрости, аппетит приходит во время еды, рано или поздно страны-агрессоры обратят свои взоры и на вас, тем более если вы обладаете богатыми ресурсами.

Взаимоотношения России со странами Европы уже достаточно хорошо описаны и изучены разными специалистами, в том числе и в парадигме социально-философской мысли. Если обратиться к истории этих взаимоотношений, мы убедимся в том, что эти отношения преимущественно носили недружественный, а порой и враждебный характер. Действительно, противостоянии России и Запада носит затяжной характер, когда «любое усиление России (военное, экономическое, геополитическое) воспринималось на западе как угроза» [3, с. 10]. В истории тому масса примеров, но самым ярким из них, пожалуй, будет Вторая мировая война, ког-

да советско-российская цивилизация откровенно воспринималась Германией и её союзниками как отсталая, варварская и нежизнеспособная, пригодная лишь для рабского служения сильному западному гегемону.

Стоит отметить, что образ врага – это один из самых распространенных политических приёмов, позволяющий решить множество важных задач: укрепить власть, поднять её престиж в общественном сознании, сплотить народ перед обозначенной внешней угрозой. В.С. Бастрыкин, анализируя процесс формирования образа России как врага в массовом сознании западного общества, приходит к выводу, что «западное восприятие России, претерпевая историческую эволюцию, в отдельные периоды в большей или меньшей степени хоть и склонялось к положительной оценке культурно-исторической сущности России, однако при всех условиях она воспринималась как нечто отличное от Запада, как особый враждебный мир, обладающий собственными неповторимыми характеристиками» [3, с. 13].

Следовательно, в глазах среднестатистического европейца и, конечно, американца Россия всегда ассоциировалась как иной мир, чужеродный их «высоким» либеральным ценностям, в основе которых лежит принцип индивидуализма. Российская цивилизация, напротив, основывается на принципе преобладания коллективного над индивидуальным в широком смысле – на идее соборности. Противостояние Российской и западной цивилизаций не в социальных, религиозных или культурных различиях, оно в самом понимании цивилизации. Это не просто соперничество между Западом и Востоком, а глубинное противостояние двух цивилизаций, основанных на противоположных системах мировоззрений, религий, культур, высших человеческих ценностей. Камнем преткновения в этом противостоянии можно назвать стремление или нежелание понять и принять другой мир, причём российская цивилизационная модель из покон веков всегда принимала другие народы и их мировоззренческие системы как достойное уважения и сохранения, несмотря на некоторые печальные страницы истории по уничтожению некото-

рых народностей. В результате такого подхода в современной России соседствуют и уживаются не только люди разных национальностей и вероисповеданий, но и идеологий, если они кардинально не идут в разрез общепринятым цивилизационным нормам. Западная цивилизация же неоднократно демонстрировала миру свою агрессивность и нетолерантность к представителям других наций, религий, культур, идеологий. Найти точки соприкосновения не так уж и трудно, но западный цивилизационный подход не подразумевает сотрудничество с теми, кто не исповедает их принципы, гораздо легче и проще объявить Россию (или любое другое государство) врагом.

Поэтому в истории России колоссальное количество войн и столкновений, причем в большинстве случаев наша страна оборонялась от внешних врагов. Сочетание богатейших природных ресурсов, огромной свободной территории, значительный человеческий потенциал, географическое положение, благоприятствующее геополитическим контактам со всеми континентами, – всё это безусловные цели экспансии многих стран-агрессоров, которые традиционно на протяжении многих столетий проводили политику экспансии в отношении менее развитых в их понимании государств. Но в то же время такое сочетание факторов обусловило формирование абсолютно исключительного, самобытного, великодержавного суверенитета России.

Идея об особенностях, уникальности России возникла достаточно давно. Как писал в своей статье «Душа России» философ Н. А. Бердяев, «с давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия – особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство – к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, но отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро осознавать его в периоды наибольшего

духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа» [4, с. 8].

По мнению многих исследователей, российское государство давно уже признано великой державой, с которой вынуждены считаться все остальные страны мира, державой, играющей значимую роль в международной политике. Но при этом истинная духовная культура России, само «ядро жизни», по определению Бердяева, до сих пор не осознается и не принимается западной цивилизацией, а соответственно не занимает истинного великодержавного положения в мире. Хотя в последние десятилетия предпринимаются попытки социально-философского переосмысления роли России в формировании многополярного мира и ее социокультурного влияния на другие страны.

В частности, в последние десятилетия заметно проявилась тенденция обращения к русскому космизму, который понимается как «фундаментальное мировоззрение, выработанное под влиянием российских духовных (прежде всего, православных) идеалов и ценностей, а также результат их осмысления в отечественной философии и отражения в науке и искусстве» [12, с. 118]. А если учесть тот факт, что главной целью русского космизма всегда было «формирование общепланетарного сознания, которым можно было бы зацепить, объединить и удержать распадающийся мир» [12, с. 117], то становится очевидным факт основополагающей функции данного социально-философского феномена.

Важнейшей культурно-исторической задачей, стоящей перед нашей страной и перед всем российским народом, является «необходимость возвращения ведущей роли России в мировой цивилизации. При этом ставка делается на национальную науку, культуру, искусство. Важным отличием будущей российской модели лидерства от американской модели мирового господства, основанной на военной силе и силе финансового капитала, является распространение по всему миру русской культуры, искусства, научных знаний, открытий, достижений на бескорыстной основе» [9, с. 137].

Еще одним средством продвижения русского мира в мировое поликультурное пространство является непосредственно русский язык, интерес к изучению которого повсеместно возрастает. Язык как таковой является инструментом познания окружающего мира, а «сохранение баланса языковой ситуации в стране и международное позиционирование остаются стратегическими задачами языковой политики РФ» [2, с. 46]. Именно в языке любого народа заключена его самобытность.

Самобытность нашей страны всегда воспринималась западной цивилизацией как инаковость, чужеродность, а значит опасность. Сама идея избранности и великодержавности России несла для западных стран элемент невозможности, недопустимости, неприятия и, как следствие, отторжение и агрессия. В парадигме социально-экономической эволюции человечества (теории Ф. Энгельса и К. Маркса, У.У. Ростоу и др.) западноевропейские страны и США преподносились всему миру в качестве единственно правильной модели цивилизованного государства. Однако в этих теориях под цивилизацией понималась высшая ступень государственного развития, основанного на сильной, развитой, высокотехнологичной экономике. Культура, морально-нравственные ориентиры социума, религия, духовность – всё, что традиционно в русской философской мысли относится к категориям исконных российских цивилизационных ценностей – в западную модель цивилизации не включается, поскольку всегда детерминировалось как надстройка к базису-экономике. Но в российской цивилизационной системе эта самая «надстройка» зачастую является ведущей, а не ведомой, противореча теоретическим представлениям К. Маркса и Ф. Энгельса. Таким образом, российская цивилизационная модель никак не укладывается в шаблонное мышление западных учёных и философов, а значит она автоматически попадает в категорию «неправильных», «варварских», «отсталых», «нецивилизованных». Отсюда следует только один вывод – такую цивилизационную модель нужно сломать, разрушить, уничтожить любыми средствами и способами.

Опираясь на экономическое толкование цивилизационной модели США и Глобальный Запад широко применяют в своей

международной политике санкционную практику, позволяющая им – государствам-лидерам – влиять на политический курс государства-мишени. Такая практика широко применялась Западом и США в отношении многих других государств, которые они считают странами «второго эшелона», которые не могут самостоятельно выстраивать свой внутри- и внешнеполитический курс глобальных взаимоотношений. Стоит отметить, что американские и западноевропейские исследователи уже давно достаточно хорошо изучили и описали модели применения разных санкций, подведя под них научную основу [13-19]. Начиная с 2014 года США и Европейский союз проводят жёсткую санкционную политику в отношении РФ, однако их ожидания на упадок экономики и дестабилизацию общества не оправдались, поскольку они не вписываются в концептуальную модель России как государства-цивилизации.

Поэтому можно смело утверждать, что российская модель цивилизованного государства кардинально отличается не только от западноевропейской и американской, но и многих других моделей, например, китайской или японской. Однако стоит отметить, что с некоторыми цивилизационными моделями у России всегда были и есть в настоящем точки соприкосновения на основе каких-либо параметров, но это всегда не экономические, не политические, не государствообразующие параметры, а исключительно культурно-нравственные, религиозные, моральные, духовные.

Действительно, трудно понять и принять в качестве цивилизационного базиса то, что нельзя купить или продать за деньги, что нельзя запретить или отнять у народа – его душу, его дух, его особенного уклада самосознание. Многие великие мыслители и деятели культуры прошлого пытались дифференцировать понятие «русская душа», обращая внимание на какие-либо важнейшие её отличительные качества. Одним из самых популярных и авторитетных толкований всё-таки остается мнение Н. А. Бердяева, который полагал, что «Россия – противоречива, антиномична», «Россия непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений», «Россия – самая безгосударственная, самая анархи-

ческая страна в мире», «Россия – земля покорная, женственная», «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю», «Россия – самая нешовинистическая страна в мире» [4, с. 10-15]. Но самым, пожалуй, парадоксальным и в то же время самым фундаментальным выводом философа было утверждение, что «в России национален именно ее сверхнационализм, ее свобода от национализма; в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира.»

А теперь задумаемся, какими качествами должна обладать сверхдержава, строящая новый многополярный мир? Какое государство или какие государства исторически предопределены к данной миссии? Всемирная история даёт нам однозначный, абсолютный, единственно правильный ответ – только Россия, потому что для выполнения этой высшей глобальной миссии у России единственной наличествуют все необходимые параметры. Но самое главное, что миссия по освобождению народов была исконно запрограммирована в ее «особенном русском духе».

Заключение

1. Очевидно, что в наше беспокойное время России опять предстоит спасти всех «от мирового концлагеря, как сделал СССР в 1941-1945 гг. в период своего существования до 1991 г.» [7, с. 20]. Если Россия останется суверенной и сохранит влияние в среде своих союзников, тогда наш многострадальный мир останется многополярным, а план глобальной перезагрузки в интересах Запада во главе с США развалится, не принеся им ожидаемого результата. «Спасение мира и безопасности человечества вновь становится, на базе многополярности, миротворческой миссией России» [7, с. 20].
2. Важнейшим условием сохранения суверенности РФ является осознание её гражданами базовых цивилизационных принципов государственности: Россия есть государство-цивилизация,

обладающая особенным многонациональным суверенитетом, исповедующая многие мировые религии во благо страны и всего российского народа, поддерживающая систему традиционных культурно-нравственных и моральных ценностей. Поэтому сегодня россияне должны быть сильны духом, ибо наша сила – в единстве многообразия, а русский мир – это весь российский народ, вся наша общая и единая для всех цивилизация.

3. Главным трендом развития современного российского социума выступает актуализация концепта «русская идея», трансформировавшаяся в новейшую концептуальную идеологическую парадигму «русский мир», которая стала, в свою очередь, олицетворением России на мировой арене.

Список литературы

1. Аксенов, И. А. (2019). Санкционная политика США и стран Западной Европы в отношении России. *Вестник университета*, (10), 147–151. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-147-151> EDN: <https://elibrary.ru/GAXJYQ>
2. Аквазба, Е. О., Медведев, П. С., & Мордвинцева, В. С. (2023). *Актуальные проблемы преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе*. Тюмень: Тюменский индустриальный университет. 327 с. ISBN: 978-5-9961-3208-9 EDN: <https://elibrary.ru/SWDNWE>
3. Бастрыкин, В. С. (2012). Формирование образа России как врага в массовом сознании западного общества: история и современность. *Российский политический процесс в региональном измерении: история, теория, практика*, (5), 10–13. EDN: <https://elibrary.ru/RIGGNR>
4. Бердяев, Н. А. (2019). *Судьба России: сборник статей*. Москва: Издательство «Директ-Медиа». 287 с.
5. Бойкова, Е. В., Воронцов, А. В., & Грайворонский, В. В. (2012). Россия, Китай, Монголия: вместе навстречу вызовам современности. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, (3), 144–152. EDN: <https://elibrary.ru/PAFNRT>
6. Гарас, Л. Н., & Данилевич, А. П. (2022). Санкционная политика в отношении России: история и современность. *Парадигмы исто-*

- рии и общественного развития*, (26), 5–11. EDN: <https://elibrary.ru/HOPZOD>
7. Дамаскин, О. В. (2021). Россия в современном мире: уроки истории и перспективы современности в четвертой промышленной революции. *Военное право*, (4(68)), 10–20. EDN: <https://elibrary.ru/SROXQN>
 8. Договор о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Корейской народно-демократической республикой. (2024). Получено с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546 (дата обращения: 24.10.2024).
 9. Емельянов, Р. А. (2006). Второй Малый университетский форум «Россия великая держава: вызовы современности и поиски проективного россияеведения». *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, (2(15)), 136–137. EDN: <https://elibrary.ru/HTMLHD>
 10. «О российско-китайских отношениях стратегического партнерства». (2024). Получено с https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepolitieskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem (дата обращения: 24.10.2024).
 11. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Получено с <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1>
 12. Шабатура, Л. Н., & Тарасова, О. В. (2016). Духовная традиция в дихотомии культуротворения. В кн.: *Культура и антикультура: определения и ценности: коллективная монография* (с. 115–122). Тюмень: Тюменский индустриальный университет. EDN: <https://elibrary.ru/ZGDVZT>
 13. Ahn, D., & Ludema, R. (2020). The Sword and the Shield: The Economics of Targeted Sanctions. *European Economic Review*, 130, 103587. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2020.103587> EDN: <https://elibrary.ru/NUAPCI>
 14. Binnendijk, H., & Gompert, D. C. (2016). *The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War*. Santa Monica, CA: RAND

- Corporation. Получено с https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1000.html (дата обращения: 20.10.2024)
15. Brzoska, M. (2015). International sanctions before and beyond UN sanctions. *International Affairs*, 91(6), 1339–1349. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12449>
 16. Drezner, D. W. (2015). Targeted Sanctions in a World of Global Finance. *International Interactions*, 41(4), 755–764. <https://doi.org/10.1080/03050629.2015.1041297>
 17. Grauvogel, J., & von Soest, C. (2014). Claims to legitimacy count: Why sanctions fail to instigate democratisation in authoritarian regimes. *European Journal of Political Research*, 53(4), 635–653. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12065>
 18. Hufbauer, G., Shott, J., Elliott, K., & et al. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered* (3rd ed.). Washington DC: Peterson Institute for International Economics. 248 p.
 19. Pape, R. (1997). Why economic sanctions do not work. *International Security*, 22(2), 90–163. <https://doi.org/10.1162/isec.22.2.90>

References

1. Aksyonov, I. A. (2019). Sanction Policy of the United States and Western European Countries Towards Russia. *University Bulletin*, (10), 147–151. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-10-147-151> EDN: <https://elibrary.ru/GAXJYQ>
2. Akvazba, E. O., Medvedev, P. S., & Mordvintseva, V. S. (2023). *Current Issues of Teaching Humanities at Technical Universities*. Tyumen: Tyumen Industrial University. 327 p. ISBN: 978-5-9961-3208-9 EDN: <https://elibrary.ru/SWDNWE>
3. Bastrykin, V. S. (2012). Formation of the Image of Russia as an Enemy in the Mass Consciousness of Western Societies: History and Present Day. *Regional Dimensions of the Russian Political Process: History, Theory, Practice*, (5), 10–13. EDN: <https://elibrary.ru/RIGGNR>
4. Berdyayev, N. A. (2019). *Destiny of Russia: Collection of Articles*. Moscow: Direct-Media Publishers. 287 p.
5. Boykova, E. V., Vorontsov, A. V., & Graivoronskiy, V. V. (2012). Russia, China, Mongolia: Together Meeting Modern Challenges. *East. Af-*

- ro-Asian Societies: History and Modernity*, (3), 144–152. EDN: <https://elibrary.ru/PAFNRT>
6. Garas, L. N., & Danilevich, A. P. (2022). Sanction Policy Against Russia: History and Present Day. *Paradigms of History and Public Development*, (26), 5–11. EDN: <https://elibrary.ru/HOPZOD>
 7. Damaskin, O. V. (2021). Russia in the Modern World: Lessons from History and Perspectives of Today in the Fourth Industrial Revolution. *Military Law*, (4(68)), 10–20. EDN: <https://elibrary.ru/SROXQN>
 8. Treaty on Comprehensive Strategic Partnership between the Russian Federation and the Korean People’s Democratic Republic. (2024). Retrieved from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62546 (Accessed: October 24, 2024)
 9. Emelyanov, R. A. (2006). Second Small University Forum “Russia as a Great Power: Challenges of Modern Times and Search for Projective Russology”. *Izvestiya of Volgograd State Pedagogical University*, (2(15)), 136–137. EDN: <https://elibrary.ru/HTMLHD>
 10. About Sino-Russian Strategic Partnership Relations. (2024). Retrieved from https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem (Accessed: October 24, 2024)
 11. Presidential Decree of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation.” Retrieved from <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001?index=1>
 12. Shabaturova, L. N., & Tarasova, O. V. (2016). Spiritual Tradition in the Dichotomy of Culture Creation. In *Culture and Anticulture: Definitions and Values* (pp. 115–122). Tyumen: Tyumen Industrial University. EDN: <https://elibrary.ru/ZGDVZT>
 13. Ahn, D., & Ludema, R. (2020). The Sword and the Shield: The Economics of Targeted Sanctions. *European Economic Review*, 130, 103587. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2020.103587> EDN: <https://elibrary.ru/NUAPCI>
 14. Binnendijk, H., & Gompert, D. C. (2016). *The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. Retrieved from https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1000.html (Accessed: October 20, 2024)

15. Brzoska, M. (2015). International Sanctions Before and Beyond UN Sanctions. *International Affairs*, 91(6), 1339–1349. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12449>
16. Drezner, D. W. (2015). Targeted Sanctions in a World of Global Finance. *International Interactions*, 41(4), 755–764. <https://doi.org/10.1080/03050629.2015.1041297>
17. Grauvogel, J., & von Soest, C. (2014). Claims to Legitimacy Count: Why Sanctions Fail to Instigate Democratization in Authoritarian Regimes. *European Journal of Political Research*, 53(4), 635–653. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12065>
18. Hufbauer, G., Shott, J., Elliott, K., et al. (2009). *Economic Sanctions Reconsidered* (3rd ed.). Washington DC: Peterson Institute for International Economics. 248 p.
19. Pape, R. (1997). Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*, 22(2), 90–163. <https://doi.org/10.1162/isec.22.2.90>

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Стебунова Евгения Игоревна, кандидат философских наук, доцент
Тюменский индустриальный университет
ул. Володарского, 38, г. Тюмень, 625000, Российская Федерация
stebunova76@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya I. Stebunova, PhD, Associate Professor
Tyumen Industrial University
38, Volodarsky Str., Tyumen, 625000, Russian Federation
stebunova76@mail.ru

Поступила 08.04.2025

После рецензирования 19.04.2025

Принята 26.04.2025

Received 08.04.2025

Revised 19.04.2025

Accepted 26.04.2025

DOI: 10.12731/2077-1770-2025-17-2-484 EDN: ENMTXK

УДК 343.34

Научная статья | Социальная и политическая философия

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Е. Ф. Мороз

Аннотация

Обоснование. В современном мире, характеризующемся глобализацией и стремительным развитием информационных технологий, вопросы национальной безопасности и суверенитета государства становятся особенно актуальными. Эти аспекты взаимосвязаны и требуют комплексного подхода для обеспечения политической независимости, экономической стабильности и сохранения культурной уникальности государств. Исследование через подходы реализма, либерализма и конструктивизма позволяет глубже понять взаимосвязь между суверенитетом и национальной безопасностью. Эти концепции обогащают анализ и позволяют рассмотреть проблематику с различных точек зрения, учитывая разнообразие подходов к данной теме.

Цель исследования – анализ взаимосвязи между концепциями национальной безопасности и суверенитета через призму теоретических подходов реализма, либерализма и конструктивизма.

Материалы и методы. На основе сравнительного и критического анализа оцениваются теории, выявляется их сходство, различия и соответствие реальности. Логический и системный анализы помогают понять связи между аргументами и рассмотреть национальную безопасность в контексте политической системы, учитывая международные и внутренние факторы.

Результаты исследования подтверждают ключевую роль национальной безопасности в обеспечении и укреплении национального суверенитета. Анализ различных теоретических концепций национальной безопасности, таких как реализм, либерализм и конструкти-

визм, позволил выявить их специфические подходы к пониманию и интерпретации этого феномена. Реалистический подход подчеркивает важность военной мощи и геополитического влияния для обеспечения суверенитета. Либеральный подход акцентирует внимание на экономических и институциональных факторах, таких как свободная торговля и международные организации. Конструктивистский подход рассматривает национальную безопасность через призму социальной и культурной идентичности, подчеркивая роль норм и идеологий в формировании представлений о безопасности. Исследование подтвердило, что национальная безопасность играет ключевую роль в обеспечении и укреплении национального суверенитета. Интеграция различных теоретических подходов (реализм, либерализм, конструктивизм) позволила более комплексно оценить взаимосвязь между этими понятиями. Национальные государства стремятся поддерживать баланс между военными, экономическими и социально-культурными аспектами безопасности для минимизации угроз и сохранения независимости.

Ключевые слова: национальная безопасность; суверенитет; вызовы; угрозы; политическая независимость; экономические факторы; военная мощь

Для цитирования. Мороз, Е. Ф. (2025). Суверенитет государства и национальная безопасность в политической философии. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 233–262. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-484>

Original article | Social and Political Philosophy

SOVEREIGNTY OF THE STATE AND NATIONAL SECURITY IN POLITICAL PHILOSOPHY

E.F. Moros

Abstract

Background. In the modern world, characterized by globalization and the rapid development of information technologies, issues of national secu-

rity and state sovereignty become particularly relevant. These aspects are interconnected and require an integrated approach to ensure political independence, economic stability, and preservation of cultural uniqueness of states. Research through realism, liberalism, and constructivism approaches allows for a deeper understanding of the relationship between sovereignty and national security. These concepts enrich the analysis and enable consideration of the problem from various perspectives, taking into account the diversity of approaches to this topic.

Purpose – Analysis of the relationship between national security concepts and sovereignty through the lens of theoretical approaches of realism, liberalism, and constructivism.

Materials and methods. Comparative and critical analyses evaluate theories, identifying their similarities, differences, and correspondence to reality. Logical and systemic analyses help understand the connections between arguments and examine national security in the context of the political system, considering both international and internal factors.

The **results** of the study confirm the key role of national security in ensuring and strengthening national sovereignty. The analysis of various theoretical concepts of national security, such as realism, liberalism, and constructivism, allowed us to identify their specific approaches to understanding and interpreting this phenomenon. The realist approach emphasizes the importance of military power and geopolitical influence for ensuring sovereignty. The liberal approach focuses on economic and institutional factors, such as free trade and international organizations. The constructivist approach examines national security through the prism of social and cultural identity, emphasizing the role of norms and ideologies in shaping security perceptions. The study confirmed that national security plays a key role in ensuring and strengthening national sovereignty. The integration of various theoretical approaches (realism, liberalism, constructivism) allowed for a more comprehensive assessment of the relationship between these concepts. National states strive to maintain a balance between military, economic, and socio-cultural aspects of security to minimize threats and preserve independence.

Keywords: national security; sovereignty; challenges; threats; political independence; economic factors; military power

For citation. Moros, E. F. (2025). Sovereignty of the state and national security in political philosophy. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 233–262. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-484>

Введение

Геополитические трансформации в современном мире обостряют вопросы национальной безопасности и суверенитета. Глобализация, технологические инновации, рост международной конкуренции и конфликты создают новые вызовы и угрозы для государств. В условиях динамичной международной обстановки необходим комплексный анализ взаимосвязи национальной безопасности и государственного суверенитета для обеспечения устойчивого развития и сохранения политической независимости. Интеграция теоретических подходов, таких как реализм, либерализм и конструктивизм, позволяет более глубоко исследовать эту взаимосвязь. Такой подход способствует выявлению новых аспектов и тенденций в развитии национальной безопасности и суверенитета.

Национальная безопасность представляет собой многоуровневую систему мер, направленных на обеспечение устойчивого функционирования государства. Она включает защиту территориальной целостности от внешних угроз, сохранение политической независимости, обеспечение экономической стабильности, а также поддержание социальной и культурной идентичности в условиях внутренних и внешних вызовов. Ключевым аспектом национальной безопасности является обеспечение государственного суверенитета. Суверенитет предполагает способность государства самостоятельно принимать решения, защищать свои национальные интересы и поддерживать стабильность социально-экономических и культурных систем в условиях глобальной взаимозависимости. Национальная безопасность становится основой для поддержания суверенитета государства, обеспечивая его устойчивость перед лицом многочисленных угроз и вызовов.

Учёные разных эпох активно исследуют взаимосвязь суверенитета и национальной безопасности, стремясь разработать эффек-

тивные стратегии для обеспечения безопасности и устойчивого развития государств, опираясь на теории, заложенные такими выдающимися философами, как Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо и Джон Локк и др.

В свете глобальных политических трансформаций, Карл Шмитт [46] и Ханна Арендт [33] углубили анализ через понятия суверенитета, политической власти, свободы, демократии, человеческого достоинства и морали. Они исследовали концепции с учетом современных изменений в мировой политике, а также рассматривали влияние глобализации, технологического прогресса, международных отношений, политических конфликтов и экологических проблем на теории и идеи.

Современные учёные, например, Б. Бузан и О. Вейвер [34] разработали концепцию «секьюритизации», которая способствует осмыслению восприятия разнообразных вызовов как рисков для национальной безопасности. Исследования Джеймса Розенау [44], Дж. Най [16] и С. Хантингтон [39] показали, как глобализация и международные отношения влияют на национальную безопасность.

Среди отечественных авторов можно выделить работы А.Г. Арбатова [2, с. 43-67; 3, с. 210-220], Н.К. Арбатовой [4, с. 23-30], Е.П. Бужинского [6, с. 35-40], А.П. Кудинова [16, с. 75-87] и А.Д. Цыганка [31, с. 369-373].

Экономическая стабильность и устойчивость государств также являются важными аспектами национальной безопасности. В зарубежной литературе эту тему рассматривают Э. Райнерт [23], К. Шваб и Н. Девис [32]. В отечественной литературе значительный вклад в изучение экономической стабильности и устойчивости государств внесли Л.И. Абалкин и Ю. Якутин [1]. В их работах анализируется влияние экономической политики на безопасность и устойчивость государств, а также рассматривается связь между экономическими факторами и национальной безопасностью.

Т. И. Заславская и В. А. Ядов [17] исследовали изменения и тенденции в социальной сфере страны под влиянием глобальных процессов и их воздействие на жизнь людей и общественные отноше-

ния. Эта проблема также занимала внимание зарубежных учёных, таких как П. Бурдье [7] и Э. Гидденс [8].

В этой связи автор ставит целью исследовать взаимосвязь между национальной безопасностью и национальным суверенитетом с позиций реализма, либерализма и конструктивизма. Это позволит выявить различные подходы к обеспечению устойчивости и независимости государства, что, в свою очередь, создаст основу для разработки комплексных и эффективных стратегий, учитывающих как традиционные, так и новые вызовы для национальной безопасности.

Материалы и методы

При исследовании взаимосвязи между концепциями национальной безопасности и суверенитета применяется комплексный подход, включающий анализ теоретических концепций политической философии. В рамках этого подхода изучаются и разбираются основные идеи и положения реализма, либерализма и конструктивизма в контексте их взглядов на национальную безопасность и суверенитет. Сравнительный анализ позволяет сопоставить различные теоретические подходы и выявить их различия в интерпретации этих понятий. Критический анализ включает оценку и критику существующих теорий с точки зрения их актуальности, применимости и соответствия реальным политическим процессам. Интерпретация теоретических положений предполагает толкование и разъяснение ключевых понятий и концепций в рамках каждого из теоретических подходов. Логический анализ использует логические принципы для выявления связей и противоречий между различными положениями и аргументами. Системный анализ рассматривает национальную безопасность и суверенитет как элементы более широкой политической системы, включая международные отношения, глобальные тенденции и внутренние политические процессы.

Результаты и обсуждение

Термин «национальная безопасность» впервые появился в 1904 году в Послании Т. Рузвельта, где он использовался для обоснова-

ния захвата зоны Панамского канала. В 1947 году он был определен в Законе о национальной безопасности как совокупность задач внутренней, внешней и оборонной политики США. Сегодня национальная безопасность понимается как защита нации, ее культуры, традиций и государственного строя [21, с. 16].

В отечественной науке нет единого определения термина «национальная безопасность». Финансовый словарь трактует его как защиту многонационального народа России, носителя суверенитета и источника власти. Словарь И.И. Санражевского рассматривает национальную безопасность как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее стабильность и качество жизни граждан. Политологический словарь определяет её как условия для стабильного развития общества, независимости и суверенитета государства [26, с. 10].

Под «национальной безопасностью» А.Н. Сухов понимает сложное социально-политическое явление, зависящее от исторического контекста и взаимодействия природы, человека и общества. Национальная безопасность не является абсолютным понятием и приобретает смысл относительно конкретных объектов или сфер деятельности [28, с. 188].

В Стратегии национальной безопасности устанавливаются принципы и цели государства по обеспечению защиты личности, общества и государства от различных угроз (политических, экономических, социальных, военных, техногенных, экологических, информационных и других), учитывая имеющиеся ресурсы и возможности [29]. Некоторые ученые определяют безопасность как состояние, при котором объект не подвергается опасности или негативным изменениям.

Таким образом, национальная безопасность трактуется как совокупность взглядов на защиту личности, общества и государства от широкого спектра угроз, включая военные, информационные, социально-экономические, политические, техногенные, экологические и другие [9, с. 38].

Заслуживает внимания точка зрения Е.Ф. Мороз, которая полагает, что национальная безопасность тесно связана с сохранением

общества, государства и человека. Она также включает в себя обеспечение высокого уровня жизни, образования, здравоохранения и благосостояния населения. Важную роль играют сохранение культурных, языковых и духовных ценностей, поддержка естественного прироста населения и увеличение средней продолжительности жизни [17, с. 131].

В международном дискурсе термин «национальный» иногда интерпретируется как тождественный гражданственности, а не исключительно этнической принадлежности. Это приводит к многозначности трактовки понятия «национальная безопасность», которое может отражать как единство интересов граждан и общества в рамках государства, так и более широкие аспекты, не всегда связанные с этническими интересами [5, с. 21].

Широкие определения национальной безопасности охватывают все угрозы и вызовы, но могут создавать неопределенность и неясность приоритетов. Например, фокусируясь только на защите от других государств, мы игнорируем угрозы от негосударственных акторов и глобальные проблемы, такие как терроризм, экологические кризисы и экономические спады. Каждая из этих угроз требует отдельного внимания и политических решений.

Основные теоретические направления международных отношений предлагают различные интерпретации национальной безопасности. Реализм, либерализм и конструктивизм дополняют друг друга, позволяя комплексно анализировать угрозы и возможности, а также учитывать исторические, политические и социальные контексты при разработке эффективных стратегий.

Среди других значимых концепций выделяются региональная безопасность Копенгагенской школы [34], глобальная безопасность Уэльской школы [35], международное сообщество английской школы [43] и критические исследования безопасности и геополитики [36]. Все эти подходы формируют ключевые концептуальные представления о сущности национальной безопасности.

Политический реализм. В теории международных отношений политический реализм представлен различными направлениями,

включая классический политический реализм, неореализм, неоклассический реализм и наступательный реализм.

Традиционный взгляд на безопасность опирается на реалистическую парадигму. В политическом реализме национальная безопасность рассматривается через призму поведения государств, их интересов и реакции на угрозы. Реализм ориентирован на объективное изучение международных отношений, хотя его часто считают циничным. Однако он предлагает беспристрастное понимание конкуренции, где сила является неизбежным элементом [41]. Реализм рассматривает международные отношения как арену постоянной конкуренции.

Неореалисты подчеркивают анархию без международных институтов, что способствует конфликтам [50]. В таком контексте стремление государств к выживанию ведет к наращиванию силы, создавая условия для войн как средства разрешения политических разногласий. Неореалисты считают, что анархия в международной системе вызывает страх, побуждая государства к обороне и ограничивая их сотрудничество [49].

В то же время сторонники наступательного реализма, напротив, рассматривают анархию как стимул к действию и готовы к сотрудничеству, если это соответствует их интересам [48].

Неоклассические реалисты рассматривают международную безопасность через призму взаимодействия внутренних и внешних факторов. Они признают влияние анархической структуры международной системы, но также учитывают роль государственных институтов, элит и общественных настроений. Они полагают, что понимание внешних угроз и реагирование на них зависят от внутренних политических процессов и интересов, подчёркивая, что государства могут по-разному оценивать риски и возможности в зависимости от своих внутренних структур и политической культуры. Это может влиять на их внешнеполитические решения и уровень сотрудничества с другими государствами.

Согласно представлениям реалистов, стремление к власти и корысть органично присущи человеческой природе, поэтому между-

народная политика – это борьба за национальные интересы. В анархической системе государства поддерживают военный потенциал для защиты, но союзы ненадежны, что создает дилемму безопасности. Стабильность достигается через баланс сил. В биполярных системах стабильность обеспечивается высоким риском войны, что заставляет уважать сферы влияния [38]. Многополярные системы нестабильны из-за отсутствия четких правил. Для малых государств стратегии включают балансирование, союз с одной из великих держав, стремление к нейтралитету или попытку занять промежуточное положение [47].

Реализм охватывает множество международных аспектов, представляющих интерес для специалистов по национальной безопасности, это делает его сложным для понимания. Среди представителей различных точек зрения часто возникают споры. Одни считают баланс сил более стабильным, чем иерархию, другие – наоборот. Есть разногласия по поводу того, являются ли государства оборонительными или агрессивными, какая модель союзов более эффективна, могут ли страны быть глобальными или только региональными гегемонами, и какова роль режимов сотрудничества в защите национальных интересов.

Реалисты расходятся во мнениях о стабильности баланса сил, агрессивности государств, роли режимов сотрудничества и влиянии внутренних традиций на внешнюю политику. Неореалисты считают анализ внутренних факторов ненадежным. Неоклассические реалисты, напротив, подчеркивают их важность. Наступательные реалисты акцентируют борьбу государств за доминирование, игнорируя международные институты. Эта позиция занимает промежуточное место между неореалистами и неоклассическими реалистами, подчеркивая структурные условия и агрессивные тенденции государств [26]. Внутренние дискурсы и исторические модели поведения важны для понимания стратегий государств, наравне со структурными условиями международной среды.

Либеральная концепция. Либеральные подходы к международным отношениям, как и реализм, разнообразны. Либеральные под-

ходы к международным отношениям стремятся смягчить негативные последствия анархии, акцентируя внимание на эффективности законов, институтов и политических систем. Неолиберальные институционалисты, соглашаясь с реализмом об анархической природе мировой политики и стремлении государств к власти, подчеркивают роль международных институтов в укреплении доверия, снижении транзакционных издержек и стимулировании взаимовыгодного сотрудничества [24]. Это делает сотрудничество более вероятным, когда государства получают выгоду, вместо стремления превзойти друг друга в конкуренции.

Вторым важным аспектом либерального подхода выступает влияние экономики и торговли. Либералы полагают, что свободная торговля и капитализм способствуют уменьшению рисков, связанных с отсутствием мирового правительства и непредсказуемыми международными отношениями. Торговля способствует формированию взаимозависимости между странами, что уменьшает вероятность конфликтов, поскольку государства заинтересованы в поддержании торговых отношений.

Третий аспект либеральной парадигмы, вызывающий споры в XXI веке, утверждает, что демократические государства избегают конфликтов благодаря международной торговле, правовой системе и взаимозависимости. Это концепция «демократического мира» [45]. После окончания «холодной войны» многие верили в «конец истории» и всеобщую демократизацию, но террористические акты 11 сентября [13, с. 316], неэффективные военные вмешательства и последствия «цветных революций» показали обратное. *Эти события указывают на риск усиления хаоса* в случае, если после завершения конфликтов не удастся создать эффективные национальные государства [47].

В начале XXI века либерализм утратил своё влияние, что проявилось в усилении протекционизма, росте числа торговых конфликтов и снижении доверия к международным организациям. Это снизило привлекательность либеральных подходов к безопасности, но Западные страны продолжают поддерживать либеральные ценности. Однако возрождение политики великих держав [20, с.29], включая

стратегии и действия, вызывает сомнения в будущем либеральных идей. В этом контексте, возрождение политики великих держав представляет собой стремление к укреплению влияния и геополитической позиции данных стран на мировой арене, что может противоречить основным принципам либерализма и вызывать вопросы о будущем развитии мировой политики.

Конструктивистский подход. В международных отношениях всё чаще используется конструктивистский подход. В отличие от реалистов, которые фокусируются на анархии, силе и национальных интересах, конструктивисты считают, что международные отношения формируются через социализацию и основаны на постмодернистских идеях. Они утверждают, что интересы, власть и анархия – это социальные конструкции, а не природные явления.

Александр Вендт в своей работе «Социальная теория международной политики» утверждает, что идентичность и идеи важны для понимания международного поведения. Он считает, что анархия в международных отношениях не постоянна и интерпретируется государствами по-разному, что позволяет формировать различные конструкции мирового порядка [51].

Конструктивисты считают национальные интересы продуктом идентичности государства, утверждая, что они взаимно определяют друг друга. Политика национальной безопасности формируется под влиянием опыта социализации, исторических и культурных факторов, а также политической и стратегической культуры. В международных отношениях различные дискуссии о безопасности приводят к разным интерпретациям её содержания и угроз.

Государства, сформированные своими идентичностями, могут принимать различные политики безопасности – милитаристские, либеральные, авторитарные и другие [40]. Их взгляды на международное право и права человека зависят от дискурсивной практики и становятся частью политики. Конструктивизм полезен для объяснения различных аспектов безопасности, включая «серые зоны», и учитывает роль множества акторов, включая международные организации, участников конфликтов и людей.

Идентичности и нормы поведения меняются со временем [37]. Нормы распространяются через обучение и меняются при достижении переломных моментов. Конструктивисты объясняют «традиционные» вопросы безопасности, такие как неприменение ядерного оружия, через силу норм. Этот подход помогает понять эволюцию националистических дискурсов, причины войн и насилия, а также способы смягчения конфликтов [30, с. 187]. Конструктивизм объясняет, какие идеи и аргументы находят отклик в разных культурах и предлагает решать конфликты через обучение и обсуждение.

Таким образом, разнообразие подходов к обеспечению национальной безопасности предоставляет государствам гибкость в выборе стратегий в зависимости от уникальных условий и целей. Основываясь на принципах реализма, либерализма и конструктивизма, государства могут разработать подходы, которые соответствуют их интересам и целям. Комплексный подход, сочетающий элементы всех трёх парадигм, может обеспечить наиболее эффективное и сбалансированное обеспечение национальной безопасности.

В рамках реализма силовые методы и стремление к укреплению военной мощи играют ключевую роль в преодолении угроз. Баланс сил и защита национальных интересов через силовые средства являются основополагающими принципами этого подхода.

С другой стороны, либерализм выделяет важность международного сотрудничества, дипломатии и экономической интеграции как способов уменьшения угроз национальной безопасности. Обмен информацией, технологиями и участие в международных организациях способствуют снижению конфликтов и укреплению безопасности.

Конструктивизм, в свою очередь, подчеркивает важность изменения норм и ценностей, создания доверия и сотрудничества для преодоления угроз. Продвижение диалога, понимания и уважения между государствами способствует укреплению суверенитета и обеспечению безопасности.

Национальная безопасность, как основа для обеспечения стабильности и защиты интересов государства, тесно связана с понятием

суверенитета, который определяет независимость и власть государства на международной арене. Основой национальной безопасности России является защита территориальной целостности, суверенитета и неприкосновенности границ. Суверенитет позволяет государству контролировать свои границы, обеспечивать физическую защиту, принимать решения в национальных интересах, управлять ресурсами и обеспечивать стабильность. Эти аспекты рассматриваются как ключевые элементы независимого государства.

Вопросы суверенитета и противодействия внешнему вмешательству имеют глубокие исторические корни в России. На протяжении веков страна сталкивалась с попытками иностранного влияния и действиями, направленными на подрыв национальных интересов. Имперский опыт показал, что интеграция этнических групп часто приводила к созданию элит, противоречащих интересам местного населения, и формированию антинародных режимов. Эти процессы способствовали развитию механизмов защиты суверенитета, которые влияют на современную российскую политику.

В периоды кризисов, страна ранее ориентировалась на поддержку русско-славянского населения для обороноспособности. Однако в последующие годы влияние «глубинного государства» – сети агентов внешнего влияния – заметно увеличилось, препятствуя суверенизации и угрожая безопасности. Современные вызовы включают демографический упадок, изменения в национальном составе и угрозу территориальной целостности. В моменты напряженности враждебные силы активно используют этнические и религиозные различия для подрыва суверенитета и безопасности страны [19, с. 76].

Россия сталкивается с угрозами со стороны других государств, вмешивающихся во внутренние дела через поддержку оппозиционных движений, дестабилизацию регионов и манипулирование общественным мнением. Политическая дестабилизация поддерживается существующими расколами в обществе из-за отсутствия общей национальной идеи. Цели включают воздействие на различные группы населения, планирование террористических актов, парализующих экономику и вызывающих вооруженные столкно-

вения с правительством. Главная угроза – потеря государственного суверенитета, если ключевые объекты перейдут под контроль иностранных сил [25, с. 348].

Отсутствие суверенитета делает страну уязвимой к внешним вмешательствам, ограничивая ее способность противостоять угрозам и принимать суверенные решения, приводит к потере контроля над ключевыми ресурсами и территориальностью, создавая условия для конфликтов и зависимости от внешних акторов. Суверенитет государства проявляется в способности принимать самостоятельные решения и защищать свои интересы без внешнего вмешательства. Для его укрепления важны политическая стабильность, экономическая независимость, военная мощь и национальное единство. Это достигается через реформы, развитие экономики, укрепление обороноспособности, улучшение международных отношений, развитие образования и культуры. Сильный суверенитет обеспечивает стабильность внутри страны и на мировой арене.

В России государственный суверенитет закреплен как единый и неделимый (ст. 4 Конституции РФ). Основные права включают неприкосновенность границ, территориальную целостность, единство экономического пространства и финансовой системы, Вооруженные силы и защиту суверенитета и прав граждан.

Особое внимание уделяется территориальной целостности и неприкосновенности границ (ст. 4 и 71 Конституции РФ). Россия защищает свою территорию, включая границы, моря, воздушное пространство и континентальный шельф. На континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Россия осуществляет суверенные права в соответствии с федеральным законодательством и международным правом (ч. 2 ст. 67 Конституции РФ). Эти нормы конкретизированы в Законе РФ «О государственной границе Российской Федерации» от 1 апреля 1993 года [16].

В рамках анализа суверенитета государства необходимо рассмотреть различные теоретические подходы, которые помогают понять его природу и механизмы функционирования в международных отношениях. Реалистическая, либеральная и конструктивистская

теории предлагают разные взгляды на суверенитет и его роль в мировой политике.

Реализм. В рамках реалистической теории международных отношений суверенитет рассматривается как способность государства самостоятельно определять свою внутреннюю и внешнюю политику, а также защищать свои интересы на международной арене. Это включает в себя право и возможность использовать военную силу для защиты территориальной целостности и обеспечения национальной безопасности. Например, в ходе Крымского кризиса в 2014 году Россия использовала и силовые методы для присоединения Крыма [22].

Для вторжения в Ирак в 2003 году США и их союзники использовали военные силы для свержения правительства Саддама Хусейна и проведения операции по захвату Ирака. Это силовое вмешательство было обосновано аргументами о наличии ядерного оружия в Ираке и угрозе мировой безопасности. Однако позже обнаружилось, что информация о наличии ядерного оружия была неточной. В результате вторжения были свергнуты существующие структуры власти и начался долгий период внутренних конфликтов и нестабильности в Ираке [14, с. 33].

В международных отношениях государство часто прибегает к силовым методам для достижения своих целей, что может изменять политическую обстановку в регионе, но это не всегда приводит к ожидаемым результатам.

В реалистической парадигме международных отношений суверенитет государства тесно связан с его военной мощью и способностью защищать свои интересы с помощью силовых методов. Баланс сил между государствами является ключевым фактором для обеспечения суверенитета, однако стремление к его сохранению может приводить к геополитическим конфликтам.

Либерализм. В рамках либеральной теории международных отношений суверенитет рассматривается как способность государства участвовать в международной кооперации, соблюдать свои права и обязанности, а также интегрироваться в глобальные и региональ-

ные структуры. Ключевой аспект этого подхода заключается в том, что передача части суверенных полномочий интеграционным объединениям не приводит к утрате суверенитета, а, напротив, является его проявлением [27, с. 78]. Такой подход позволяет государствам расширять свою деятельность за пределы территориальных границ через участие в международных институтах.

Международное право в либеральной парадигме является основой для признания суверенитета государств и обеспечения их прав и обязанностей. Оно способствует укреплению международной кооперации, мира и стабильности, а также отражает принципы либеральной теории, акцентирующей внимание на взаимозависимости и взаимопонимании в глобальном порядке.

Примером реализации либеральных принципов является участие государств в международных организациях, таких как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) и БРИКС. Эти организации позволяют государствам укреплять свои позиции на международной арене, осуществлять сотрудничество с другими акторами, коллективно решать глобальные проблемы [10, с. 39]. Соблюдение суверенных прав и развитие сотрудничества способствуют мирному развитию и интеграции государств в мировую систему.

Либеральная парадигма международных отношений акцентирует внимание на соблюдении прав и обязанностей государств, их интеграции для достижения общих целей. Участие в международных организациях и экономическая интеграция через торговлю, инвестиции и технологический обмен являются ключевыми элементами этой парадигмы и способствуют укреплению суверенитета государств и поддержанию международного порядка.

Конструктивизм. Согласно конструктивистской парадигме, суверенитет государства не является неизменной и абсолютной категорией, а представляет собой социальную конструкцию, формирующуюся на основе общих ценностей, норм и взаимодействий между государствами и обществом. Суверенитет в конструктивистском понимании не ограничивается формальными признаками,

такими как территориальная целостность или независимость от внешних акторов, а определяется через социальные и культурные процессы [15, с. 5].

Примером применения конструктивистского подхода является функционирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Этот международный экономический союз, объединяющий Россию, Армению, Беларусь, Казахстан и Киргизию, основывается на общих экономических интересах и ценностях. Через систему соглашений и социальных конструкций участники союза стремятся к укреплению экономического сотрудничества, упрощению торговых процедур, созданию общего экономического пространства и повышению благосостояния своих граждан. Этот пример иллюстрирует, как социальные конструкции и межгосударственные соглашения могут влиять на формирование суверенитета и развитие регионального сотрудничества.

Конструктивистский подход демонстрирует, что сотрудничество, диалог и взаимодействие между государствами способствуют укреплению суверенитета через создание доверия и уменьшение угроз. Поддержание мира и безопасности в мире играет ключевую роль в сохранении суверенитета государств.

В зависимости от парадигм теории международных отношений подходы к пониманию суверенитета и его обеспечению различаются. Реализм акцентирует внимание на силовой компоненте и балансе сил, рассматривая суверенитет как способность государства защищать свои интересы с помощью военной мощи. Либерализм, напротив, подчеркивает значимость международного сотрудничества и экономической интеграции, видя в них ключевые механизмы поддержания суверенитета через взаимозависимость и международное право. Конструктивизм акцентирует внимание на изменении норм и ценностей, утверждая, что суверенитет формируется и поддерживается через процессы социального взаимодействия и дискурса.

Анализируя эти подходы, автор приходит к выводу, что каждая из парадигм теории международных отношений предлагает свой уникальный взгляд на связь между суверенитетом и обеспечени-

ем национальной безопасности, подчеркивая различные аспекты и стратегии в данном контексте. Использование различных методов, направленных на повышение внутренней устойчивости, активизацию международных связей, финансирование оборонных и защитных мер, а также соблюдение международных норм и принципов, продвижение идей мира и диалога – всё это может существенно укрепить независимость государств и гарантировать их защиту в условиях современного мира.

Заключение

В рамках ключевых парадигм теории международных отношений – реализма, либерализма и конструктивизма – анализ взаимосвязи суверенитета государства и национальной безопасности демонстрирует разнообразие теоретических подходов и стратегий обеспечения безопасности.

Реализм рассматривает суверенитет как фундаментальный атрибут государства, обеспечивающий его способность к защите национальных интересов и обеспечению безопасности через применение силовых методов и стратегий, акцентируя внимание на необходимости укрепления военной мощи, защиты территориальной целостности и использовании силовых ресурсов для обеспечения суверенитета.

Либерализм интерпретирует суверенитет как основу международного сотрудничества и соблюдения прав и обязанностей государств через интеграцию государств в международные структуры и их участие в коллективных механизмах обеспечения безопасности. В рамках либеральной парадигмы национальная безопасность достигается через дипломатические усилия, экономическое взаимодействие и формирование международных институтов, что снижает вероятность конфликтов и укрепляет международные отношения.

Конструктивизм рассматривает суверенитет как продукт социальных конструкций и соглашений между государствами. В конструктивистской перспективе суверенитет формируется через общие ценности, нормы и идентичности, разделяемые акторами

международных отношений. Национальная безопасность достигается через изменение норм и ценностей, развитие доверия и укрепление сотрудничества между государствами. Конструктивизм акцентирует внимание на значимости взаимопонимания и уважения в международных отношениях для обеспечения безопасности.

Список литературы

1. Абалкин, Л. И. (1991). Экономическая реформа и мировые тенденции общественного развития. *Общественные науки: состояние и перспективы*. Москва.
2. Арбатов, А. Г., Дворкин, В. З., Ознобищев, С. К., & Пикаев, А. А. (2010). Отношения России и НАТО: перспективы новой архитектуры безопасности, сокращение ядерных потенциалов, ДОВСЕ. *Авт. коллектив*. Москва: ИМЭМО РАН. 76 с.
3. Арбатов, А. Г., & Дворкин, В. (Ред.). (2012). *Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество?* Московский Центр Карнеги. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭИ). 367 с. ISBN: 978-5-8243-1706-0 EDN: <https://elibrary.ru/TNMVKF>
4. Арбатова, Н. К. (Ред.). (2003). *НАТО, Россия и Европейский Союз*. Москва: Ком. «Россия в объединенной Европе». 47 с. (Дискуссии/ Ком. «Россия в объединенной Европе»). ISBN 5-901683-67-6 EDN: <https://elibrary.ru/QOTIMZ>
5. Бредихин, А. Л. (2021). Государственные интересы: понятие и особенности. *Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права*, (3(13)), 19–22. <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-3-19-22> EDN: <https://elibrary.ru/PUDDHQ>
6. Бужинский, Е. П., Войтоловский, Ф. Г., Дворкин, В. З., Есин, В. И., Корабельников, В. В., & Трубников, В. И. (2011). *Проблемы и перспективы сотрудничества России с США/НАТО в сфере противоракетной обороны* (Отв. ред. В. И. Трубников). Москва: ИМЭМО РАН. 43 с. ISBN 978-5-9535-0308-2
7. Бурдые, П. (2001). *Практический смысл*. Москва, Санкт-Петербург: Алетейя. 562 с. ISBN: 5-88329-351-7 EDN: <https://elibrary.ru/QOGTMH>

8. Гидденс, Э. (2005). *Устроение общества: Очерк теории структуры* (2-е изд.). Москва: Академический Проект. 528 с.
9. Гриняев, С. Н., Мареев, П. Л., & Медведев, Д. А. (2021). Национальная безопасность России: сущность, виды, понятийный аппарат. Москва: АНО ЦСОиП. 172 с. ISBN: 978-5-906661-31-9 EDN: <https://elibrary.ru/LCEJCY>
10. Дробот, Г. А. (2015). БРИКС как международно-политическое пространство. *Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика*, (3-4), 33–47. EDN: <https://elibrary.ru/WHHCBF>
11. Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). Получено с <https://base.garant.ru/10103372/?ysclid=m917cquho2331879242> (дата обращения: 03.04.2025)
12. Заславская, Т. И., & Ядов, В. А. (2008). Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений. *Социологический журнал*, (4), 8–22. EDN: <https://elibrary.ru/PFJOON>
13. Капков, С. С. (2008). Продолжается ли история? (Критика концепции «конца истории» Фукуямы). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения*, (4), 311–318. EDN: <https://elibrary.ru/KWLNXX>
14. Квашинин, М. Ю. (2016). Вторая война США против Ирака (2003 год): причины, применение военной силы, последствия. *Вестник магистратуры*, (1-5(52)), 33–35.
15. Кочетков, В. В. (2024). Теория конструктивизма в международных отношениях. *Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика*, (3), 3–18. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2024-49-3-03-18> EDN: <https://elibrary.ru/YUSOPL>
16. Кудинов, А. П. (2008). Геополитика, геоэкономика, международные отношения, государственная безопасность. В кн.: *Сборник трудов Международной научно-практической конференции «Проблемы геополитики, геоэкономики и международных отношений. Продвижение НАТО и Евросоюза на Восток — проблемы безопасности России, стран СНГ, Европы и Азии»* (20–21 ноября 2007 г.,

- Санкт-Петербург, Россия). Санкт-Петербург: Изд-во Политехнического ун-та. 170 с. ISBN: 978-5-7422-1908-8 EDN: <https://elibrary.ru/QOAI GF>
17. Мороз, Е. Ф. (2016). Основания социально-философской концепции национальной безопасности. *Вестник Бурятского государственного университета*, (6), 128–133. <https://doi.org/10.18101/1994-0866-2016-6-128-133> EDN: <https://elibrary.ru/XTBOTD>
 18. Най, Дж. (2006). Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. Москва: Тренд. 401 с.
 19. Небренчин, С. М. (2018). Актуальные проблемы обеспечения национального суверенитета. *Россия: тенденции и перспективы развития*, 13(1), 74–80. EDN: <https://elibrary.ru/XSTNYD>
 20. Неймарк, М. А. (2018). Кризис либеральной модели миропорядка и будущее Евросоюза. *Современная Европа*, (1(80)), 26–35. <https://doi.org/10.15211/soveurope120182635> EDN: <https://elibrary.ru/YULCUX>
 21. Овчинников, А. И. (2014). Формирование понятия «национальная безопасность» в истории государственно-правовой мысли. *Философия права*, (5(66)), 15–19. EDN: <https://elibrary.ru/ТИАТОТ>
 22. О письме Владимира Путина по поводу использования Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины. (2014). ИТАР-ТАСС, 1 марта. Получено с <http://www.itar-tass.com>
 23. Пайнерт, Э. С. (2011). *Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными* (Пер. с англ. Н. Автономовой). Москва: Высшая школа экономики. 384 с. ISBN: 978-5-7511-2051-1 EDN: <https://elibrary.ru/QUPDCN>
 24. Россошик, С. Л., & Меркулова, Н. И. (2022). Кибератаки как глобальная угроза национальной безопасности России в условиях противостояния с недружественными государствами. *Закон и право*, (8), 207–209. https://doi.org/10.24412/20733313_2022_8_207 EDN: <https://elibrary.ru/МРІХІQ>
 25. Семченков, А. С. (2013). Современные сценарии политической дестабилизации России. *Международные отношения*, (3), 345–352. Получено с https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=62919. EDN: <https://elibrary.ru/QIZNMZ>

26. Степанов, А. В. (2015). Понятие категории «национальная безопасность»: теоретико-правовой анализ. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, (2(28)), 8–17. EDN: <https://elibrary.ru/TXHYSX>
27. Стоякин, С. Г. (2018). Международная интеграция и государственный суверенитет. *Право и государство: теория и практика*, (10(166)), 74–79. EDN: <https://elibrary.ru/YUSFFZ>
28. Сухов, А. Н. (2021). Сущность и виды безопасности: теоретико-исторический аспект. *Человеческий капитал*, (3(47)), 181–192. <https://doi.org/10.25629/НС.2021.03.16> EDN: <https://elibrary.ru/ZLQGYR>
29. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Получено с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 03.04.2025).
30. Хлопов, О. А. (2023). Концепция национальной безопасности в основных парадигмах теории международных отношений: реализм, либерализм, конструктивизм. *Теории и проблемы политических исследований*, 12(1А), 179–190. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.40.81.020> EDN: <https://elibrary.ru/HJAYCS>
31. Цыганок, А. Д. (2012). Интервенция США и НАТО в Ливии и ее последствия для Сирии, Ирана, Кавказа: русский взгляд. Москва: АИРО-XXI; Институт диаспоры и интеграции. 448 с.
32. Шваб, К., & Дэвис, Н. (2018). *Технологии Четвертой промышленной революции* (Пер. с англ.). Москва: Эксмо. 320 с.
33. Arendt, H. (2010). *Was ist Politik?* München; Zürich. 128 p.
34. Buzan, B., & Waeber, O. (2003). *Regions and Powers: The Structure of International Society*. Cambridge: Cambridge University Press. 592 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
35. Booth, K. (2007). *Theory of World Security*. Cambridge: Cambridge University Press. 496 p.
36. Browning, C., & McDonald, M. (2013). The Future of Critical Security Studies: Ethics and the Politics of Security. *European Journal of International Relations*, 19(2), 235–255. <https://doi.org/10.1177/1354066111419538> EDN: <https://elibrary.ru/WNWJEF>

37. Finnemore, M., & Sikkink, K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*, 52(4), 887–917. <https://doi.org/10.1162/002081898550789> EDN: <https://elibrary.ru/CUHBGD>
38. Gaddis, G. L. (1986). The Long Peace: Elements of Stability in the Post-war International System. *International Security*, 10(4), 99–142. <https://doi.org/10.2307/2538951>
39. Huntington, S. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon and Schuster. 369 p.
40. Kreuder-Sonnen, C., & Zangl, B. (2015). Which Post-Westphalia? International Organizations Between Constitutionalism and Authoritarianism. *European Journal of International Relations*, 21(3), 568–594. <https://doi.org/10.1177/1354066114548736>
41. Lebow, R. N., & Risse-Kappan, T. (Eds.). (1995). *International Relations Theory and the End of the Cold War*. New York: Columbia University Press. 216 p.
42. Levy, J. (1998). The Causes of War and the Conditions of Peace. *Annual Review of Political Science*, 1, 139–165. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.139>
43. Linklater, A., & Suganami, H. (2009). *The English School of International Relations: A Contemporary Reassessment*. Cambridge: Cambridge University Press. 308 p.
44. Rosenau, J. (1980). *The study of global interdependence: Essays on the transnationalisation of world affairs*. London: Frances Pinter. 334 p.
45. Russett, B. (1994). *Grasping the Democratic Peace*. Princeton: Princeton University Press. 192 p.
46. Schmitt, C. (1963). *Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien*. Berlin. 344 p.
47. Schweller, R. L. (1994). Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back. *International Security*, 19(1), 73–107. <https://doi.org/10.2307/2539149>
48. Snyder, G. (2002). Mearsheimer's World: Offensive Realism and the Struggle for Security. *International Security*, 27(1), 149–173. <https://doi.org/10.1162/016228802320231253>
49. Taliaferro, J. W. (2006). Security Seeking Under Anarchy: Defensive Realism Revisited. *International Security*, 25(3), 128–261.

50. Waltz, K. (1994). Realist Thought and Neorealist Theory. В кн.: *Controversies in International Relations Theory: Realism and the Neoliberal Challenge* (с. 67–82). London.
51. Wendt, A. (1994). Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*, 88(2), 384–396. <https://doi.org/10.2307/29447>

References

1. Abalkin, L. I. (1991). *Economic reform and global trends in social development*. Moscow.
2. Arbatov, A. G., Dvorkin, V. Z., Oznobishchev, S. K., & Pikaev, A. A. (2010). *Relations between Russia and NATO: prospects for a new security architecture, reduction of nuclear potentials, CFE*. Moscow: IMEMO RAS. 76 p.
3. Arbatov, A. G., & Dvorkin, V. (Eds.). (2012). *Missile defense: confrontation or cooperation?*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEI). 367 p. ISBN: 978-5-8243-1706-0 EDN: <https://elibrary.ru/THMVKF>
4. Arbatova, N. K. (Ed.). (2003). *NATO, Russia and the European Union*. Committee “Russia in United Europe”. Moscow. 47 p. (Discussions/Committee “Russia in United Europe”). ISBN: 5-901683-67-6. EDN: <https://elibrary.ru/QOTIMZ>
5. Bredikhin, A. L. (2021). State interests: concept and features. *Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*, (3(13)), 19–22. <https://doi.org/10.46741/2713-2811-2021-3-19-22> EDN: <https://elibrary.ru/PUDDHQ>
6. Buzhinsky, E. P., Voitolovsky, F. G., Dvorkin, V. Z., Esin, V. I., Korabelnikov, V. V., & Trubnikov, V. I. (2011). *Problems and Prospects of Russia's Cooperation with the USA/NATO in the Sphere of Missile Defense* (Ed. by V. I. Trubnikov). Moscow: IMEMO RAS. 43 p. ISBN 978-5-9535-0308-2
7. Bourdieu, P. (2001). *Practical sense*. Moscow, Saint Petersburg: Aleteia. 562 p. ISBN: 5-88329-351-7 EDN: <https://elibrary.ru/QOGTMH>
8. Giddens, A. (2005). *The constitution of society: Outline of the theory of structuration* (2nd ed.). Moscow: Academic Project. 528 p.

9. Greenyaev, S. N., Mareev, P. L., & Medvedev, D. A. (2021). *National Security of Russia: Essence, Types, Conceptual Framework*. Moscow: ANO CSIP. 172 p. ISBN: 978-5-906661-31-9. EDN: <https://elibrary.ru/LCEJCY>
10. Drobot, G. A. (2015). BRICS as an international political space. *Bulletin of Moscow University, Series 27: Globalistics and Geopolitics*, (3-4), 33–47. EDN: <https://elibrary.ru/WHHCBF>
11. Law of the Russian Federation No. 4730-I of April 1, 1993, “On the State Border of the Russian Federation” (with amendments and additions). Retrieved from <https://base.garant.ru/10103372/?ysclid=m917cuqho2331879242> (Accessed: April 3, 2025)
12. Zaslavskaya, T. I., & Yadov, V. A. (2008). Social transformations in Russia in the era of globalization. *Sociological Journal*, (4), 8–22. EDN: <https://elibrary.ru/PFJOOH>
13. Kapkov, S. S. (2008). Does history continue? (Critique of Fukuyama’s concept of the “End of History”). *Bulletin of Saint Petersburg University, Series 6: Philosophy, Cultural Studies, Political Science, Law, International Relations*, (4), 311–318. EDN: <https://elibrary.ru/KWLNXZ>
14. Kvashinin, M. Yu. (2016). Second US war against Iraq (2003): causes, use of military force, consequences. *Magistrate Bulletin*, (1-5(52)), 33–35.
15. Kohetkov, V. V. (2024). Constructivism theory in international relations. *Bulletin of Moscow University, Series 27: Globalistics and Geopolitics*, (3), 3–18. <https://doi.org/10.56429/2414-4894-2024-49-3-03-18> EDN: <https://elibrary.ru/YUSOPL>
16. Kudinov, A. P. (2008). Geopolitics, geo-economics, international relations, national security. In Proceedings of the International Scientific-Practical Conference “Problems of geopolitics, geo-economics and international relations. NATO and EU expansion into the East – security challenges for Russia, CIS countries, Europe and Asia” (November 20–21, 2007, St. Petersburg, Russia). St. Petersburg: Polytechnic University Publishing House. 170 p. ISBN: 978-5-7422-1908-8. EDN: <https://elibrary.ru/QOAIGF>
17. Moroz, E. F. (2016). Foundations of socio-philosophical conception of national security. *Buryat State University Bulletin*, (6), 128–133. <https://>

- doi.org/10.18101/1994-0866-2016-6-128-133 EDN: <https://elibrary.ru/XTBOTD>
18. Nay, J. (2006). *Soft Power: How to Achieve Success in World Politics*. Moscow: Trend. 401 p.
 19. Nebrenchin, S. M. (2018). Current issues of ensuring national sovereignty. *Russia: Trends and Prospects of Development*, 13(1), 74–80. EDN: <https://elibrary.ru/XSTNYD>
 20. Nemark, M. A. (2018). Crisis of liberal world order model and future of the European Union. *Modern Europe*, (1(80)), 26–35. <https://doi.org/10.15211/soveurope120182635> EDN: <https://elibrary.ru/YULCUX>
 21. Ovchinnikov, A. I. (2014). Formation of the concept of “national security” in the history of state-legal thought. *Philosophy of Law*, (5(66)), 15–19. EDN: <https://elibrary.ru/TIATOT>
 22. On Vladimir Putin’s letter regarding the use of Armed Forces of the Russian Federation on Ukrainian territory. (2014). ITAR-TASS, March 1. Retrieved from <http://www.itar-tass.com>
 23. Painert, E. S. (2011). *Why Rich Countries Are Rich and Poor Countries Stay Poor* (Translated by N. Avtonomova). Moscow: Higher School of Economics. 384 p. ISBN: 978-5-7511-2051-1. EDN: <https://elibrary.ru/QUPDCN>
 24. Rossoshik, S. L., & Merkulova, N. I. (2022). Cyberattacks as a global threat to Russia’s national security amid confrontation with unfriendly states. *Law and Rights*, (8), 207–209. https://doi.org/10.24412/20733313_2022_8_207 EDN: <https://elibrary.ru/MPXIQ>
 25. Semchankov, A. S. (2013). Modern scenarios of political destabilization of Russia. *International Relations*, (3), 345–352. Retrieved from https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=62919. EDN: <https://elibrary.ru/QIZNMZ>
 26. Stepanov, A. V. (2015). Category of “national security”: theoretical legal analysis. *Perm University Bulletin, Legal Sciences series*, (2(28)), 8–17. EDN: <https://elibrary.ru/TXHYSX>
 27. Stoyakin, S. G. (2018). International integration and state sovereignty. *Law and State: Theory and Practice*, (10(166)), 74–79. EDN: <https://elibrary.ru/YUSFFZ>

28. Sukhov, A. N. (2021). Nature and types of security: theoretical historical aspect. *Human Capital*, (3(47)), 181–192. <https://doi.org/10.25629/HC.2021.03.16> EDN: <https://elibrary.ru/ZLQGYR>
29. Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of July 2, 2021, “On National Security Strategy of the Russian Federation”. Retrieved from <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (Accessed: April 3, 2025)
30. Khlopov, O. A. (2023). Concept of national security in major paradigms of international relations theory: realism, liberalism, constructivism. *Political Research Theories and Problems*, 12(1A), 179–190. <https://doi.org/10.34670/AR.2023.40.81.020> EDN: <https://elibrary.ru/HJAYCS>
31. Tsygankov, A. D. (2012). Intervention of USA and NATO in Libya and its implications for Syria, Iran, Caucasus: Russian perspective. Moscow: AIRO-XXI; Diaspora Integration Institute. 448 p.
32. Schwab, K., & Davis, N. (2018). Fourth Industrial Revolution Technologies (Translated from English). Moscow: Eksmo. 320 p.
33. Arendt, H. (2010). What Is Politics? Munich; Zurich. 128 p.
34. Buzan, B., & Waeber, O. (2003). Regions and Powers: The Structure of International Society. Cambridge: Cambridge University Press. 592 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511491252>
35. Booth, K. (2007). Theory of World Security. Cambridge: Cambridge University Press. 496 pp.
36. Browning, C., & McDonald, M. (2013). The Future of Critical Security Studies: Ethics and the Politics of Security. *European Journal of International Relations*, 19(2), 235–255. <https://doi.org/10.1177/1354066111419538> EDN: <https://elibrary.ru/WNWJEJ>
37. Finnemore, M., & Sikkink, K. (1998). International Norm Dynamics and Political Change. *International Organization*, 52(4), 887–917. <https://doi.org/10.1162/002081898550789EDN>: <https://elibrary.ru/CUHBGD>
38. Gaddis, G. L. (1986). The Long Peace: Elements of Stability in the Post-war International System. *International Security*, 10(4), 99–142. <https://doi.org/10.2307/2538951>
39. Huntington, S. (1996). The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon and Schuster. 369 p.

40. Kreuder-Sonnen, C., & Zangl, B. (2015). Which Post-Westphalia? International Organizations between Constitutionalism and Authoritarianism. *European Journal of International Relations*, 21(3), 568–594. <https://doi.org/10.1177/1354066114548736>
41. Lebow, R. N., & Risse-Kappan, T. (Eds.). (1995). *International Relations Theory and the End of the Cold War*. New York: Columbia University Press. 216 p.
42. Levy, J. (1998). The Causes of War and the Conditions of Peace. *Annual Review of Political Science*, 1, 139–165. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.1.1.139>
43. Linklater, A., & Suganami, H. (2009). *The English School of International Relations: A Contemporary Reassessment*. Cambridge: Cambridge University Press. 308 p.
44. Rosenau, J. (1980). *The Study of Global Interdependence: Essays on Transnationalization of World Affairs*. London: Frances Pinter. 334 p.
45. Russett, B. (1994). *Grasping the Democratic Peace*. Princeton: Princeton University Press. 192 p.
46. Schmitt, C. (1963). *Der Begriff des Politischen* (Text from 1932 with foreword and three corollaries). Berlin. 344 p.
47. Schweller, R. L. (1994). Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back. *International Security*, 19(1), 73–107. <https://doi.org/10.2307/2539149>
48. Snyder, G. (2002). Mearsheimer's World: Offensive Realism and the Struggle for Security. *International Security*, 27(1), 149–173. <https://doi.org/10.1162/016228802320231253>
49. Taliaferro, J. W. (2006). Security Seeking Under Anarchy: Defensive Realism Revisited. *International Security*, 25(3), 128–261.
50. Waltz, K. (1994). Realist Thought and Neorealist Theory. In *Controversies in International Relations Theory: Realism and the Neoliberal Challenge* (pp. 67–82). London.
51. Wendt, A. (1994). Collective Identity Formation and the International State. *American Political Science Review*, 88(2), 384–396. <https://doi.org/10.2307/29447>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мороз Елена Фёдоровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом
КрИЖТ ИрГУПС
ул. Ладо Кецоховели, 89, г. Красноярск, 660028, Российская Федерация
moroslana@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena F. Moros, PhD, Associate Professor
Krasnoyarsk Railway Transport Institute, branch of Irkutsk State Transport University
89, Lado Ketskhoveli Str., Krasnoyarsk, 660028, Russian Federation
moroslana@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7504-7140>

Поступила 09.04.2025

После рецензирования 06.05.2025

Принята 13.05.2025

Received 09.04.2025

Revised 06.05.2025

Accepted 13.05.2025

DOI: 0.12731/2077-1770-2025-17-2-511
УДК 7.011:008

EDN: JVIKRU

Научная статья | Социальная и политическая философия

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СКУКА КАК ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

С.М. Мальцева, П.О. Иванова, О.П. Кашина

Аннотация

Обоснование. До сих пор в науке отсутствует целостное философское понимание феномена экзистенциальной скуки и не выработано отношение к нему, хотя он и признается в научном сообществе. Проблема заключается в том, что в современном быстро меняющемся и постоянно развивающемся мире человек теряет духовные и нравственные ориентиры, страдая скукой. Данная статья позволяет рассмотреть экзистенциальную скуку как ее разновидность с различных точек зрения.

Цель – исследовать феномен экзистенциальной скуки в контексте социального бытия человека.

Методология. Авторы опираются как на таких известных философов как А. Шопенгауэр, М. Хайдеггер, так и современных исследователей (Э. Макагон, Л. Свендсен). Исследование проведено с помощью методов системного, логического, сравнительного и исторического анализа и синтеза. А также, библиографического анализа, описания и сравнения.

Результаты. Сравнивая и анализируя различные точки зрения на данную проблему, авторы приходят к выводу, что экзистенциальная скука является частью существования человека и общества. Экзистенциальные размышления могут стать «лекарством» от просто скуки: в этом состоянии человек способен осознать смысл нашего бытия и времени. Данная работа позволяет сделать вывод, что экзистенциальная скука – признак развитого общества, далеко не каждый человек

способен на поиск экзистенциального смысла. Следовательно, экзистенциальная скука это не абсолютно отрицательное явление для человека и общества.

Ключевые слова: экзистенциал; скука; бытие; философствование; смысл; общество; депрессия; мир; жизнь; технологии

Для цитирования. Мальцева, С. М., Иванова, П. О., & Кашина, О. П. (2025). Экзистенциальная скука как феномен социального бытия человека. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 263–274. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-511>

Original article | Social and Political Philosophy

EXISTENTIAL BOREDOM AS A PHENOMENON OF HUMAN SOCIAL EXISTENCE

S.M. Maltseva, P.O. Ivanova, O.P. Kashina

Abstract

Background. Until now, science lacks a holistic philosophical understanding of the phenomenon of existential boredom and has not developed an attitude towards it, although it is recognized in the scientific community. The problem is that in today's rapidly changing and constantly evolving world, people are losing their spiritual and moral bearings, suffering from boredom. This article allows us to consider existential boredom as its variety from various points of view.

The **purpose** of the work is to study the phenomenon of existential boredom in the context of human social existence.

Methodology. The authors rely on such famous philosophers as A. Schopenhauer, M. Heidegger, and modern researchers (E. Makagon, L. Svendsen). The research was conducted using methods of systematic, logical, comparative and historical analysis and synthesis. As well as bibliographic analysis, description and comparison.

Results. Comparing and analyzing different points of view on this problem, the authors conclude that existential boredom is a part of human

existence and society. Existential reflections can become a “cure” for boredom: in this state, a person is able to realize the meaning of our being and time. This work allows us to conclude that existential boredom is a sign of a developed society, and not everyone is capable of searching for existential meaning. Therefore, existential boredom is not an absolutely negative phenomenon for a person and society.

Keywords: existential; boredom; being; philosophizing; meaning; society; depression; world; life; technology

For citation. Maltseva, S. M., Ivanova, P. O., & Kashina, O. P. (2025). Existential boredom as a phenomenon of human social existence. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem* [Modern Studies of Social Issues], 17(2), 263–274. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-511>

Введение

Человечество старается сделать свою жизнь проще, стремится избавиться от тяжелого физического труда или рутинных забот. Сегодня благодаря техническому и технологическому прогрессу люди имеют роботизированную технику, которая помогает им выполнять бытовые задачи, сервисы доставки приносят продукты и все необходимое на дом, высвобождая свободное время. Человечество должно становиться счастливее, энергичнее, посвящая эти минуты полноценному отдыху, любимым занятиям, семье. Однако исследования говорят об обратном: люди не становятся счастливыми, они приобретают экзистенциальную скуку, погружаются в угнетенное состояние. Количество людей, страдающих депрессией, в современном обществе стремительно растет. Напротив, уровень счастья и удовлетворенностью жизнью и бытием резко снижается. По данным Всемирной организации здравоохранения сегодня депрессией страдает 20 % населения развитых стран мира. Чаще всего это женщины (70% против 30% мужчин), 65% из них относится к социально благополучным слоям населения [1].

Актуальность исследования заключается в отсутствии определения термина «экзистенциальная скука», систематизированных причин ее возникновения, описания специфики ее влияния на человека.

Однако это необходимо, чтобы понять, как с ней бороться. Существует предположение, что она возникает из-за безделья и чрезмерного количества свободного времени [2]. Другая распространенная точка зрения связывает экзистенциальную скуку с пониманием и осознанием человеком бесполезности своих усилий, ведь все за него уже сделано и решено, и ему совсем незачем стараться [7].

Новизна исследования заключается в рассмотрении экзистенциальной скуки с различных точек зрения. Проведенный анализ позволяет дать более точное представление о феномене экзистенциальной скуки.

Практическая значимость исследования экзистенциальной скуки состоит в возможности использования результатов при подготовке материалов по психологии скуки, проблемам современной цивилизации, курсов о современной культуре и философии.

Цель – исследовать феномен экзистенциальной скуки в контексте социального бытия человека.

Методы

Данное исследование произведено с помощью типичных методов системного, логического, сравнительного и исторического анализа и синтеза. А также, библиографического анализа, описания и сравнения.

Результаты и обсуждение

Понятие «скука» рассматривается различными областями науки и имеет множество значений. Так психологи считают, что скука – это болезнь, состояние полного непонимания и пустоты [3]. Есть предположение, что депрессия порождается скукой.

В произведениях русской художественной литературы, таких авторов, как А. С. Пушкин, И. А. Гончаров, А. П. Чехов и других, состояние скуки рассматривается как болезнь, хандра, разочарование в жизни, пустота. Именно так писатели раскрывают состояние своих героев [5].

М. Горький рассматривал состояние скуки как что-то общее. Он считал ее неизлечимой болезнью русского общества, жизни людей

обычных провинциальных городов, а не отдельным состоянием какого-то конкретного человека.

Стоит заметить, что литераторы стали рассматривать скуку намного раньше философов. Это подтверждает опубликованная книга Е.В. Залухиной-Аболиной «Философия обыденной жизни». Скука сравнивается автором с ленью: «некая весьма внушительная ленница, стремление к праздности как наилучшему состоянию, издавна свойственны нашему общественному сознанию» [5, с. 87]. И эти слова являются неоспоримой правдой, ведь еще И. А. Гончаров в своем произведении «Обломов» приводит пример экзистенциальной скуки и дает ей свой термин – обломовщина. Но в его понимании в обломовщине сочетаются чувства непонимания, потерянности, пустоты с мечтой, стремлением к лучшей жизни в гармонии со всем миром и собой.

Философы же думают шире и более детально. По их мнению, скука – это экзистенциал, то, что является основой человеческого настроения, что может привести человека либо к полному умиротворению, успокоению и гармонии, либо разрушить все, ввести в состояние полного непонимания себя. Многие мировые философы рассуждали и рассматривали данную тему: А. Шопенгауэр, М. Хайдеггер, Л. Свендсен и другие. Большинство из них пришли к выводу, что скука образует в мышлении человека пустое, незаполненное ничем пространство, ведущее к саморефлексии [8; 12]. Так и термин «экзистенция», переводимый как «существование», означает процесс становления чего-либо, производность, процессуальность. Экзистенциалисты же напрямую связали его со становлением человека как личности, возникающем в ходе саморефлексии [10].

Исторически замечено, первоначально скуку отмечали у себя исключительно духовно высокие, приобщенные к искусству люди, и это состояние, получило название «меланхолия». Данное предположение подтверждает А. Шопенгауэр: «скука – бич высшего общества» [12]. Сегодня же эта болезнь стала популярной и распространилась на все слои современного, научно продвинутого, развитого общества, когда вроде бы в жизни человека все есть.

Можно просто наслаждаться жизнью, изучать свой внутренний мир и мир вокруг. Можно искать гармонию, ведь вокруг есть все, чтобы забыть о скуке. Современность же характеризуется как «эпидемия скуки». За последнее время существенно увеличилось количество людей с нервно-психическими расстройствами, возникающими на фоне скуки, которые ведут к депрессии; и это можно назвать «чумой 21 века». Современные реалии делают человека пассивным, ненужным вводя его в состояние экзистенциального вакуума [5, с. 3].

Э.Р. Макогон в статье «Скука как экзистенциал культуры» рассуждает так: «Скука как культурное явление включает в себя исторические и этнические особенности, что накладывает отпечаток на национальный характер того или иного народа, того или иного периода истории» [4, с. 17]. На основании этого предположения, можно прийти к выводу, что скука это не только личное переживание, но и экзистенциал культуры отдельного общества.

Продолжая исследование, автор выделяет два вида скуки: тривиально-банальную и экзистенциально-физическую. От первой, как пишет Э.Р. Макогон, возможно избавиться, а вот от второй – нет; но попытаться можно. Для того, чтобы помочь обществу искоренить скуку из своей жизни, нужно убрать начальные причины ее возникновения. Людям кажется, что это невозможно сделать, но цикличность данного процесса доказывает обратное. Почему если на время она может покинуть человека, этого нельзя сделать навсегда. Как показывает практика, при преодолении скуки, нам открываются ее прекрасные последствия, которые есть как на уровне отдельного человека, так и на уровне целого общества. Ведь преодоление скуки дает человеку возможность осознать себя, ответить на вопросы о смысле жизни.

Э.Р. Макогон выделяет два способа преодоления экзистенциальной скуки: позитивный, через самопознание, приводящий к радости и счастью и негативный, через переживание экзистенциального кризиса [4]. Негативный путь решения не является популярным. Многие философы, такие как А. Камю, М. Хайдеггер, не поддерживают его, отмечая весь ужас состояния человека в этот момент.

М. Хайдеггер вообще считал, что необходимо погружать человека в скуку, чтобы понять смысл человеческого бытия и только тогда наступит счастье. Достичь этого можно только через работу над собой [10].

Л. Свендсен показал, что скука – это не только психолого-социальная проблема, но и что очень важно, философская: «Каждая философская проблема есть своего рода потеря ориентации. А скука характеризуется тем, что человек уже не в состоянии ориентироваться в своем отношении к миру, поскольку само отношение к миру уже утрачено» [9, с. 45]. Суть экзистенциальной скуки состоит не в том, что у человека мало занятий или ему нечего делать, а в том, что он понимает и осознает ничтожность, тщетность своих деяний, он понимает, что все уже произведено и решено за него и ему совсем не надо ничем утруждать себя. Он подчеркивал, что если в современном, продвинутом мире скука стала обыденной проблемой, следовательно, человечество потеряло духовные ориентиры. И если она распространяется все шире и шире, тогда потерял смысл человеческого бытия. Понимание самого себя – это главная цель существования, без этого человечество страдает скукой или уходит в деструктивную деятельность. Замечено, что терроризм, например, зиждется на нигилизме, то есть отрицании мира и человека [6].

Требует дальнейшего осмысления и влияние технологий на экзистенциальную скуку человечества. Компьютеры, планшеты, смартфоны и прочие гаджеты готовы занять время современного человека и не дают ему заскучать. Однако именно из скуки зачастую рождаются гениальные идеи [11].

Выводы

Скука – это душевное, психологическое состояние человека, связанное с переживанием внутренней опустошенности. Вопросы о бессмысленности жизни, о тщетности усилий, о том, что лучшее в жизни уже позади – типичны для этого состояния. Данная работа позволяет сделать вывод, что экзистенциальная скука - это основа философствования и экзистирования, она всегда находится внутри

человека и проявляется в жизненно важные моменты. Такое состояние следует отличать от скуки в привычном нам понимании, ситуативной, связанной с конкретными обстоятельствами, когда нужно переждать время и нечем себя занять. Также благодаря произведенному исследованию можно сделать вывод о том, какое влияние на человека она оказывает. В ней сосредоточено не только плохое: в этом состоянии человек способен осознать смысл нашего бытия и времени. Экзистенциальная скука – признак развитого общества, далеко не каждый человек способен на поиск экзистенциального смысла. Следовательно, экзистенциальная скука это не абсолютно отрицательное явление для человека.

Осознание своего происхождения, места и дела, на наш взгляд, является главной целью существования. Экзистенциальная скука помогает вернуть человеку духовные ориентиры, является признаком необходимости их поиска. Это своеобразный сигнал человеку о том, что в его жизни происходит что-то не то, не то, что действительно желает. В этом проявляется ее положительное влияние на человека и бытие. Однако, безусловно, длительное переживание этого состояния может увести в депрессию или же даже подтолкнуть к суициду. Экзистенциальная скука может побуждать к псевдоактивности, но главным лекарством от нее, думается, являются экзистенциальные размышления, хотя к ним, надо признать, способны далеко не все. Описанное в данном исследовании явление имеет тенденцию к распространению в обществе в связи с количественным и качественным ростом человеческих амбиций, многие из которых не удастся удовлетворить.

Список литературы

1. Всемирная Организация Здравоохранения. (2024). Депрессивное расстройство (депрессия). Получено с <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (дата обращения: 10.04.2024)
2. Золотузина-Аболина, Е. В. (1994). *Философия обыденной жизни: экзистенциальные проблемы (курс лекций): монография*. Ростов-на-Дону: Феникс. 140 с.

3. Корниенко, А. Г. (2019). А. Шопенгауэр и М. Хайдеггер о феномене скуки: сравнительный анализ. *Manuscript*, (10), 147. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.28> EDN: <https://elibrary.ru/VSHMII>
4. Макогон, Э. Р. (1999). Скука как экзистенциал культуры (автореф. дисс. канд. филос. наук: 24.00.01). Ростов-на-Дону. 144 с.
5. Назарова, Н. Б. (2008). Скука и провинция в русском самосознании (на материале русской классической литературы). *Вестник МГУ*, (3), 315–317.
6. Посохова, С. Т., & Рохина, Е. В. (2015). Предрасположенность к скуке как признак психологической уязвимости личности. *Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика*, (4), 46–55. EDN: <https://elibrary.ru/VMBDHZ>
7. Киселева, А. П., Котова, О. В., & Мальцева, С. М. (2024). Мораторий на смертную казнь: за и против. *Современные исследования социальных проблем*, 16(1-2), 26–31. EDN: <https://elibrary.ru/TSOGAV>
8. Парилов, О. В. (2024). Русская консервативная философия второй половины XIX века о сущности терроризма. *Вестник Мининского университета*, 12(4), 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-4-15> EDN: <https://elibrary.ru/KSFHNI>
9. Свендсен, Л. (2007). *Философия скуки* (Пер. с норв. К. Мурадян). Москва: Прогресс-Традиция. 256 с. ISBN: 5-89826-161-3 EDN: <https://elibrary.ru/RAYVEN>
10. Хайдеггер, М. (2013). *Бытие и Время* (Пер. с нем. В. В. Бибихин). Москва: Академический Проект. 460 с.
11. Ценность скуки: вот как технологии крадут наше творчество. (2024). Получено с <https://ru.futuroprossimo.it/2024/11/il-valore-della-noia-cosi-la-tecnologia-ci-ruba-la-creativita> (дата обращения: 10.04.2025)
12. Шопенгауэр, А. (2001). *Собрание сочинений: в 6-ти т.* (Пер. с нем.; под ред. А. Чанышева). Москва: ТЕРРА - Книжный клуб; Республика. Т. 1. Мир как воля и представление. 560 с.

References

1. World Health Organization. (2024). Depressive disorder (depression). Retrieved from <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/depression> (Accessed: April 10, 2024)

2. Zolotuzina-Abolina, E. V. (1994). *Philosophy of everyday life: existential problems (lecture course): monograph*. Rostov-on-Don: Phoenix. 140 p.
3. Korniyenko, A. G. (2019). A. Schopenhauer and M. Heidegger on the phenomenon of boredom: comparative analysis. *Manuscript*, (10), 147. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.10.28> EDN: <https://elibrary.ru/VSHMII>
4. Makogon, E. R. (1999). Boredom as an existential of culture (Abstract of candidate thesis). Rostov-on-Don. 144 p.
5. Назарова, Н. В. (2008). Boredom and province in Russian self-consciousness (based on Russian classical literature). *Moscow University Bulletin*, (3), 315–317.
6. Posokhova, S. T., & Rokhina, E. V. (2015). Predisposition to boredom as a sign of personal psychological vulnerability. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 16: Psychology. Pedagogy*, (4), 46–55. EDN: <https://elibrary.ru/VMBDHZ>
7. Kiseleva, A. P., Kotova, O. V., & Maltseva, S. M. (2024). Moratorium on the death penalty: pros and cons. *Modern Studies of Social Issues*, 16(1-2), 26–31. EDN: <https://elibrary.ru/TSOGAV>
8. Parilov, O. V. (2024). Russian conservative philosophy of the second half of the XIX century on the essence of terrorism. *Bulletin of Minin University*, 12(4), 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-4-15> EDN: <https://elibrary.ru/KSFHHI>
9. Svendsen, L. (2007). *The philosophy of boredom* (Trans. from Norwegian by K. Muradyan). Moscow: Progress-Tradition. 256 p. ISBN: 5-89826-161-3 EDN: <https://elibrary.ru/RAYVEN>
10. Heidegger, M. (2013). *Being and Time* (Trans. from German by V. V. Bibikhin). Moscow: Academic Project. 460 p.
11. The value of boredom: how technology steals our creativity. (2024). Retrieved from <https://ru.futuroprossimo.it/2024/11/il-valore-della-noia-cosi-la-tecnologia-ci-ruba-la-creativita> (Accessed: April 10, 2025)
12. Schopenhauer, A. (2001). *Collected works: in 6 vols.* (Trans. from German; Ed. by A. Chanyshyev). Moscow: TERRA - Book Club; Respublika. Vol. 1. The world as will and representation. 560 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин

*Мининский университет; НИПС – филиал ПривГУПС
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
maltsewasvetlana@yandex.ru*

Иванова Полина Олеговна, студент

*Мининский университет
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
ivanovapo937@gmail.com*

Кашина Ольга Павловна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культуры и психологии предпринимательства

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
просп. Гагарина, 23, г. Н. Новгород, 603000, Российская Федерация
olga.kashina@iee.unn.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology; Associate Professor of the Department of General and Professional Disciplines

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga Region State University of Railway Engineering

*1, Ulyanov Str., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation;
3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
maltsewasvetlana@yandex.ru*

Polina O. Ivanova, student

*Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
1, Ulyanov St., Nizhniy Novgorod, 603950, Russian Federation
ivanovapo937@gmail.com*

Olga P. Kashina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship

*Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University
23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation
olga.kashina@iee.unn.ru*

Поступила 15.04.2025

После рецензирования 23.04.2025

Принята 30.04.2025

Received 15.04.2025

Revised 23.04.2025

Accepted 30.04.2025

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<http://soc-journal.ru/>)

В журнале публикуются оригинальные статьи на русском и английском языках, содержащие результаты фундаментальных и теоретико-прикладных исследований в области филологии, истории и философии, а также обзорные статьи ведущих специалистов по тематике журнала.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	7–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы; для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук – 7–10.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания

**ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ
ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ
ИСТОЧНИКОВ**

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.
2. Цель работы.
3. Материалы и методы исследования.
4. Результаты исследования и их обсуждение.
5. Заключение.
6. Информация о конфликте интересов.
7. Информация о спонсорстве.
8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по ГОСТ Р 7.05-2008

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<http://soc-journal.ru/>)

The journal publishes original articles in Russian and English, containing the results of fundamental and theoretical and applied research in the field of philology, history and philosophy, as well as review articles by leading experts on the subject of the journal.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	7–24 pages A4 format, including tables, figures, references; for post-graduates pursuing degrees of candidate and doctor of sciences – 7–10.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

- 1. Introduction.**
- 2. Objective.**
- 3. Materials and methods.**
- 4. Results of the research and Discussion.**
- 5. Conclusion.**
- 6. Conflict of interest information.**
- 7. Sponsorship information.**
- 8. Acknowledgments.**

References

References text type should be Chicago Manual of Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«ВЕЧНЫЕ» ТЕМЫ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПЕРЕСТРОЕЧНОЙ ПОВЕСТИ Ю.М. КОРОТКОВА «АВАРИЯ» В.С. Жупиков, О.Н. Проваторова	10
СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ОЦЕНКИ В ВИДЕОРЕАКЦИЯХ О.А. Прохорова, В.В. Каратанова	38
ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОЛОРАТИВНЫМИ КОМПОНЕНТАМИ «БЕЛЫЙ» И «ЧЕРНЫЙ» В ЗАГОЛОВКАХ СМИ Л.К. Халитова, Д.В. Соловьева	58
ПОСТРОЕНИЕ ДЕТСКОГО МОНОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АНАФОРИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В СПОНТАННОЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ А.А. Айсанова, А.С. Морозова	81
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ Г.К. Гималетдинова, А.Р. Алимова	103
УЧАСТИЕ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ В ПРОЕКТАХ КАК ЭЛЕМЕНТ МОТИВАЦИИ К РАЗВИТИЮ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЁЖНЫХ ПРОЕКТОВ В РОССИИ) Н.А. Грищенко, В.В. Корниенко, Е.А. Молокова, Е.А. Молокова	124

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ
РЕЧЕВОГО ПОРТРЕТА ПЕРСОНАЖЕЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ
ДЖ. СТЕЙНБЕКА «OF MICE AND MEN»

О.В. Евстафиади, К.В. Ковалева 141

ИЛЛОКУТИВНЫЕ ИНДИКАТОРЫ САРКАЗМА В ЖАНРЕ
СПОРТИВНОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТАТЬИ

К.А. Павлова 158

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ДУХОВНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
В.М. ФЛОРИНСКОГО ВО ВРЕМЯ ОБУЧЕНИЯ
В ПЕРМСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

Н.А. Качин, Н.С. Харина 176

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

БЫТИЙНЫЙ СТАТУС СМЫСЛА ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

М.А. Егикян 193

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «РУССКАЯ ИДЕЯ»
В РАМКАХ ПАРАДИГМЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Е.И. Стебунова 212

СУВЕРЕНИТЕТ ГОСУДАРСТВА
И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ

Е.Ф. Мороз 233

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СКУКА КАК ФЕНОМЕН
СОЦИАЛЬНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

С.М. Мальцева, П.О. Иванова, О.П. Кашина 263

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 275

CONTENTS

LANGUAGE AND LITERATURE STUDIES

«ETERNAL» THEMES AND THEIR TRANSFORMATION IN PERESTROIKA-ERA FICTION STORY AVARIYA BY Y.M. KOROTKOV V.S. Zhupikov, O.N. Provatorova	10
WAYS OF REPRESENTING EXPERT EVALUATION IN VIDEO REACTIONS O.A. Prokhorova, V.V. Karatanova	38
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COLOR TERMS ‘WHITE’ AND ‘BLACK’ IN MASS MEDIA HEADLINES L.K. Khalitova, D.V. Solovieva	58
FORMING A CHILDREN’S MONOLOGUE DISCOURSE: USE OF ANAPHORIC MEANS IN SPONTANEOUS CHILDREN’S SPEECH A.A. Aisanova, A.S. Morozova	81
LINGUISTIC AND STYLISTIC FEATURES OF MODERN ENGLISH-LANGUAGE ADVERTISING G.K. Gimaletdinova, A.R. Alimova	103
PARTICIPATION OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITY STUDENTS IN PROJECTS AS A MOTIVATION FACTOR FOR DEVELOPING FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE (BASED ON THE EXAMPLE OF YOUTH PROJECTS IN RUSSIA) N.A. Grishchenko, V.V. Kornienko, E.A. Molokova, E.A. Molokova	124
LEXICAL STYLISTIC MEANS OF CREATING CHARACTERS’ SPEECH PORTRAITS IN J. STEINBECK’S NOVEL «OF MICE AND MEN» O.V. Evstafiadi, K.V. Kovalyova	141

ILLOCUTIONARY INDICATORS OF SARCASM IN THE GENRE
OF SPORTS ANALYTICAL ARTICLES
K.A. Pavlova 158

HISTORY STUDIES

SPIRITUAL FORMATION OF V.M. FLORINSKY
DURING HIS STUDIES AT THE PERM THEOLOGICAL SEMINARY
N.A. Kachin, N.S. Kharina 176

PHILOSOPHICAL STUDIES

THE EXISTENTIAL STATUS OF THE MEANING OF HUMAN LIFE
M.A. Egikyan 193

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT
OF “RUSSIAN IDEA” WITHIN THE FRAMEWORK
OF THE PARADIGM OF RUSSIAN CIVILIZATIONAL STATEHOOD
E.I. Stebunova 212

SOVEREIGNTY OF THE STATE AND NATIONAL SECURITY
IN POLITICAL PHILOSOPHY
E.F. Moros 233

EXISTENTIAL BOREDOM AS A PHENOMENON
OF HUMAN SOCIAL EXISTENCE
S.M. Maltseva, P.O. Ivanova, O.P. Kashina 263

RULES FOR AUTHORS 275

Подписано в печать 30.06.2025. Дата выхода в свет 30.06.2025. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 20,23. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ SISP172/025. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия.